

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кириллова Мария Николаевна

Общественные сельскохозяйственные угодья в Древнем Риме (II–I вв. до н.э.)

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук

Научный руководитель
к.и.н., доцент И.А. Гвоздева

Москва – 2018

Оглавление:

Введение	4
Глава 1. Основные категории общественных сельскохозяйственных угодий в конце II в. до н.э. в	50
1.1. Общественные пастбища на ager publicus	50
1.1.1. <i>Ager publicus: состав и способы использования</i>	50
1.1.2. <i>Случай элогия из Поллы</i>	61
1.2. Угодья общин: ager compascuus	79
1.2.1. <i>Категории земель покоренных общин: случай сентенции братьев Минуциев</i>	79
1.2.2. <i>Особенности категории ager compascuus</i>	94
1.3. Общественные сельскохозяйственные угодья римских поселений	100
1.3.1. <i>Лимитация как система межевания. Частные и общественные земли римских поселений</i>	101
1.3.2. <i>Категории угодий колонии</i>	109
Глава 2: Экономические и правовые аспекты использования rascua publica и ager compascuus во II – I вв. до н.э.	115
2.1. Использование rascua publica накануне аграрных реформ II в. до н.э.	115
2.2. Общественные угодья и проведение аграрных реформ Гракхов	126
2.2.1. <i>Реализация гракханских преобразований</i>	127
2.2.2. <i>Место общественных угодий в гракханских реформах</i>	135
2.3. Категории общественных сельскохозяйственных угодий в аграрном законе 111 г. до н.э.	146
2.3.1. <i>Правовое положение ager compascuus и rascua publica</i>	148
2.3.2. <i>Экономические последствия аграрного закона 111 г. до н.э.</i>	157
Глава 3: Общественные сельскохозяйственные угодья на ager colonicus в конце II– I вв. до н.э.	162
3.1. Способы решения вопроса о земле для новых поселений	163
3.1.1. <i>Первая римская колония за морем</i>	164
3.1.2. <i>Заморские колонии Рима (от смерти Гая Гракха до Августа)</i>	175
3.1.3. <i>Земельные раздачи внутри Италии в период гражданских войн</i>	179
3.2. Эволюция римского межевания I в. до н.э. Агрименсурное оформление угодий колонии	189
3.2.1. <i>Новации римской агрименсуры эпохи Цезаря</i>	190
3.2.2. <i>Август и окончательное оформление структуры ветеранской колонии</i>	196
3.3. Использование общественных сельскохозяйственных угодий на ager colonicus в I в. до н.э.	207

3.3.1. Угодья колонии Генетивы Юлии.....	207
3.3.2. <i>Ius pascendi</i> : использование общественных угодий колонистами.....	213
Заключение.....	218
Список использованной литературы.....	224
Приложения.....	245

Введение

Актуальность. Земля – это основной экономический ресурс, без которого невозможен ни один вид человеческой деятельности. Поэтому неудивительно, что вопрос о способах использования земли во все времена оставался актуальным.

Проблема использования земельных ресурсов волновала римлян, кажется, больше других древних народов. Их интерес к сельскому хозяйству нашел выражение не только в римской поэзии (достаточно вспомнить «Эклоги» и «Георгики» Вергилия, отмеченные, впрочем, влиянием греческих образцов), но и в посвященных сельскому хозяйству трактатах Катона, Варрона, Колумеллы, отдельных главах «Естественной истории» Плиния. Однако если проблемы рациональной организации сельского хозяйства затрагивались и в сочинениях греческих авторов, то едва ли среди письменных памятников других древних цивилизаций можно найти аналог римским землемерным трактатам. Эти сочинения могут служить ценнейшим источником сведений о римской землемерной технике и правовых аспектах землеустройства.

Причиной повышенного интереса римлян к проблемам, связанным с использованием земли, были вполне конкретные особенности истории их *civitas*. Даже не специалисту по аграрной истории древнего Рима известны такие сюжеты, как борьба патрициев и плебеев, реформы братьев Гракхов, борьба вокруг аграрных законов I в. до н.э. Во всех этих событиях важную роль играл вопрос об использовании общественной земли – *ager publicus*. Причиной связанных с общественной землей конфликтов было, как заметил Дж. Тибилетти, то, что у римлян изначально отсутствовала система управления *ager publicus* [Tibiletti, 1976, S. 18]. Эта земля, принадлежавшая всей римской общине, являлась источником социально-правовых конфликтов и нуждалась в более четком определении своего статуса и регулировании ее использования. Особенно неясным было положение той части *ager publicus*, которая использовалась в качестве общественных угодий. Если

занятие земледелием располагает к интенсивной обработке участка, формирует тесные связи между хозяином и его землей и, как следствие, располагает к оформлению права частной собственности, то использование земельных участков в качестве сельскохозяйственных угодий этому не способствует. Интенсивное использование одного и того же участка земли для выпаса скота ведет к его истощению; в таком случае хозяину необходимы достаточно обширные угодья, большая часть которых будет простаивать. Такая ситуация может быть нерентабельна для самого хозяина, неудобна она и для его соседей, которые в этих обстоятельствах лишены права использования этих угодий. В целом переход угодий в частные руки ведет к достаточно нерациональному их использованию, чего древние себе позволить не могли. Даже в современной России угодья для выпасов и сенокосения, как правило, не находятся в частной собственности, а арендуются у местной администрации.

Исследователей неоднократно задавались вопросом об использовании *ager publicus*. Как правило, их внимание привлекали события конца II в. до н.э. – аграрная реформа братьев Гракхов и принятые вскоре после ее проведения аграрные законы, в особенности сохранившийся на фрагментах бронзовых таблиц текст аграрного закона 111 г. до н.э. Принято считать, что после этих событий площадь *ager publicus* в Италии резко сократилась, поэтому вопрос об использовании *ager publicus* в I в. до н.э. исследователи практически не затрагивают¹.

Действительно, нарративные источники о конце I в. до н.э. практически не фиксируют наличия крупных конфликтов, в основе которых лежал бы аграрный вопрос. Однако, если мы обратимся к трактатам римских землемеров I–II вв. н.э., то мы обнаружим в них систему, предполагающую наличие разных категорий земель, получивших правовое и землемерное оформление, причем неоднократно отмечается

---

¹ В этой связи показательно, что в очень подробной монографии С. Розелаар этому вопросу посвящено всего 10 страниц [Roselaar, 2010, p. 278-288].

участие в создании этой системы политиков I в. до н.э., в особенности Цезаря и Августа. Естественно, что наибольшее внимание землемеры уделяли частным участкам, однако, они упоминают и о наличии разного рода общественных угодий, которые могут принадлежать *res publicae populi Romani*, или же администрации колонии или муниципия (CAR, S. 9, 96, 121), могут быть обозначены на плане местности как *pasqua et silva publica* (CAR, S. 73, 128, 159, 161), или же представлять собой особый вид пастбищ – *compasqua*, право пользования которыми принадлежит их ближайшим соседям (CAR, S. 80, 164).

В этой связи не может не возникнуть вопроса о соотношении различных категорий пастбищных угодий, зафиксированных в источниках конца II – I вв. до н.э.: какими образом существовавшие в Риме категории общественных угодий, оказались вписаны в систему римского земельного кадастра, сформированную в эпоху Августа?

Таким образом, **объектом** исследования является римское землепользование во II-I вв. до н.э. **Предметом** исследования являются выделенные на основании сведений источников категории общественных сельскохозяйственных угодий в Древнем Риме. **Целью** данной работы является реконструкция эволюции категорий общественных сельскохозяйственных угодий во II-I вв. до н.э. Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

– *Охарактеризовать существовавшие во II в. до н.э. категории общественных сельскохозяйственных угодий. Сущностные различия между *pasqua* на *ager publicus*, *ager compasquus* и пастбищами на *ager colonicus* могут быть выявлены прежде всего при анализе условий формирования этих типов полей, особенностей земель, на которых они образовывались, и способов их агрименсурного, т.е. землемерного обозначения.*

– *Проанализировать экономические и правовые аспекты использования общественных сельскохозяйственных угодий, прежде всего *ager compasquus* и *pasqua publica* в конце II в. до н.э., т.е. в период особенно активных аграрных*

преобразований. Определенные сложности вызывает реконструкция положения общественных угодий до реформ конца II в. до н.э.: источники об их использовании достаточно фрагментарны. Тем не менее, и они позволяют сделать определенные выводы. Использование *ager publicus* становится особенно большим вопросом начиная с аграрной реформы Тиберия Гракха, которая ознаменовала собой, в понимании античных авторов (*Cic. de har.resp.* 41), начало раскола в римском обществе и, что более важно для нашей темы, начало серии аграрных преобразований. Под ними следует понимать не только продолжение реформ его младшим братом – Гаем, но и серию аграрных законов, принятую после смерти Гая. Согласно широко распространенному мнению, после реформ резерв земель *ager publicus* был предельно ограничен, следовательно, и земли для общественных угодий оставалось не так много. С нашей точки зрения, вопрос о состоянии общественных угодий и в целом, о результатах аграрных преобразований конца II в. до н.э. нуждается в дополнительном исследовании.

– *Проанализировать эволюцию, которую претерпели в I в. до н.э. общественные угодья римских колоний.* Весь I век до н.э. прошел под знаком выведения *coloniae militares*. С одной стороны, эти акции были призваны укрепить политический авторитет их инициаторов и обеспечить землей ветеранов, с другой стороны, их реализация была затруднена ограниченным фондом общественной земли, который использовался как раз под общественные угодья. В этих условиях перед римлянами стояла задача, с одной стороны, поиска территорий для земельных раздач (в Италии или за ее пределами), а с другой – фактически формирования нового фонда земель, пригодных для ассигнации, причем это формирование зачастую осуществлялось неправовым путем. Особое значение в этот период приобрела римская агрименсура [Гвоздева, 2018] – комплекс землемерных практик, позволявший обозначить и закрепить правовой статус земельного участка.

Хронологические рамки исследования, а именно II-I вв. до н.э., обусловлены тем, что это время категории общественных сельскохозяйственных угодий

переживают наиболее сильную и значимую трансформацию, о которой мы в достаточной степени осведомлены. Нижняя хронологическая граница – начало II в. до н.э. – обусловлена тем, что именно после окончания Второй Пунической войны на Апеннинском полуострове произошли существенные изменения в структуре землепользования: фонд *ager publicus* пополнился конфискованными землями предавших римлян союзников, на эти конфискованные земли было выведено много (особенно по сравнению с предыдущими эпохами) римских поселений. Следствием этих мер, как известно, стало появление «товарных вилл» и расцвет сельского хозяйства [Кузищин, 1973, с. 53–54]. Однако, «золотой век римской республики» заканчивается крупным политическим потрясением – аграрной реформой братьев Гракхов, которая повлекла за собой значительные изменения в аграрно-экономическом, правовом и экономическом положении различных категорий земель, в том числе и категорий общественных угодий. Потрясения I в. до н.э. – Союзническая война, серия гражданских войн – также не прошли для земельной карты Италии бесследно.

Неслучайно крупные перемены в управлении общественными угодьями пришлись именно на II–I вв. до н.э. В этот период римская община пережила значительную трансформацию, проявившуюся не только в становлении новой формы правления – принципата, но и в появлении в результате Союзнической войны и ряда нововведений Цезаря и Августа собственно понятия *tota Italia* – представления о единстве римской Италии. Рим окончательно перешагнул границы полиса, распространив свою власть на Апеннинский полуостров и за его пределы, и удержать эту власть было возможно лишь грамотными административно-территориальными мерами. Определенная административно-территориальная целостность, достигнутая в эпоху правления Августа, была бы невозможна, если бы не был решен земельный вопрос, не был сформирован римский земельный кадастр, предусматривающий наличие различных категорий земель, учитывающий особенности их землемерного оформления и создающий условия для их эффективного экономического использования.

Тем не менее, следует отметить, что невозможно исследовать категории общественных сельскохозяйственных угодий и изменения в их техническом обозначении, правовом статусе и способах использования в рамках обозначенного выше периода, не определив первоначально происхождение и сущность этих категорий; для прояснения этих вопросов мы будем прибегать к материалам более ранних эпох. Система, которая сформировалась в результате деятельности Цезаря и Августа, также не была окончательной: чтобы проиллюстрировать ее слабые стороны, мы будем использовать для сравнения более поздние материалы эпохи Флавиев.

Что касается **территориальных рамок**, то нас в первую очередь будет интересовать территория Апеннинского полуострова, поскольку, как будет показано далее, именно там в условиях земельной тесноты были выработаны основные землемерные нормы, касающиеся регулирования общественных угодий. В то же время примечателен материал, который происходит из римских колоний, основанных за пределами Италии – в Северной Африке, на территории современных Испании и Франции.

Методология и методика исследования. В основе методологии исследования лежит комплексный подход к изучению источников, базирующийся на принципах историзма, системности и объективности. Исследование включает как общенаучные методы работы с историческим материалом (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, конкретизация, аналогия, сравнение), так и специализированные методы исторического исследования. Типологический метод позволяет на основе достаточно фрагментарных эпиграфических данных II в. до н.э. воссоздать различные категории общественных угодий: используемый в качестве сельскохозяйственных угодий *ager publicus*, категория *ager compascuus*, зафиксированная в сентенции братьев Минуциев и законе 111 г. до н.э., угодья на территории колонии. Нарративный метод был использован нами для описания событий римской истории, послуживших фоном для развития элементов римской

агрименсуры и категорий полей. С помощью историко-генетического метода была проанализирована трансформация различных категорий общественных угодий. Этот метод особенно важен для изучения аграрной истории, один из его вариантов – «регрессивный» – был в свое время использован М. Блоком в его известном исследовании «Характерные черты французской аграрной истории». Его предложение «читать историю в обратной последовательности» [Блок, 1957, с. 35] справедливо и для нашей темы: основным источником об истории римского межевания, в том числе эпохи Республики, являются трактаты римских землемеров I–II вв. н.э. и составленные в IV в. «книги колоний». Однако, в этих условиях особенно важно не упустить специфику земельных отношений II–I вв. до н.э., которую можно реконструировать во многом благодаря пусть и немногочисленным, но информативным данным эпиграфики. Нами также был использован историко-сравнительный метод, поскольку некоторые особенности римского землепользования и римского межевания могут быть объяснены сравнением с практиками других обществ.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые был рассмотрен процесс формирования различных категорий общественных сельскохозяйственных угодий в контексте реалий римской истории II–I вв. до н.э. В исследовании было учтено влияние на этот процесс особенностей ландшафта разных регионов Италии, различных хозяйственных и землемерных практик, социально-политические и социально-экономические изменения в жизни населения Апеннинского полуострова. До сих пор в мировой историографии достаточно редко поднималась проблема сосуществования различных категорий общественных угодий, тем более не ставился вопрос об эволюции этих категорий в данный период. Посвященные *ager publicus* исследования, как правило, заканчиваются эпохой послегракханского аграрного законодательства, работы, исследующие историю римской агрименсуры, редко уделяют категориям общественных угодий должное

внимание. Что же касается вопроса об экономическом использовании общественных угодий, то он также практически не поднимался.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что изучение формирования категорий общественных угодий может быть полезно для дальнейшего изучения истории римского права и римской экономики. Корректировка сведений о различных категориях общественных сельскохозяйственных угодий способна существенно отразиться на наших представлениях о степени развитости римской экономики, она дает важные сведения для прояснения отношений Рима с другими народами Италии, степени и процессе их интеграции в единое административно-территориальное целое. Результаты данного исследования могут быть использованы при подготовке научных исследований в области истории Древнего Рима, а также учебных курсов и пособий.

Источниковая база исследования. Сведения, которые позволяют нам исследовать общественные сельскохозяйственные угодья, содержатся в источниках разных типов – письменных, эпиграфических, археологических. Письменные источники включают в себя исторические, сельскохозяйственные и ораторские сочинения, античные словари, юридические источники и корпус римских землемерных сочинений. Землемерные сочинения представляют собой достаточно специфический и сравнительно мало исследованный памятник. Отметим роль, которую играют для изучения данной эпохи сведения эпиграфических источников: они служат особенно важным дополнением к немногочисленным и противоречивым сведениям нарративной традиции. Помимо письменных источников, определенные сведения дает также археология: так, благодаря ее данным мы можем говорить о наличии или отсутствии следов римского межевания на данной территории.

Обратимся к использованным нами историческим сочинениям античных авторов. Гай Саллюстий Крисп (89–35 гг. до н.э.) известен как автор двух исторических монографий. Для нашего исследования интерес представляет «Югуртинская война». В этом сочинении примечательны данные о военной реформе

Мария: результаты этой реформы ощутимо повлияли на развитие земельных отношений в Древнем Риме в I в. до н.э., поскольку фактически обязали военачальников проводить ветеранские земельные раздачи, что на тот момент являлось практически неисполнимой задачей (см. главу 3). В целом, реформа Мария должна была привлечь внимание Саллюстия во многом и потому, что она идеально вписывалась в его концепцию исторического развития Рима – концепцию упадка нравов, ведущего к упадку государства. В случае с реформой Мария проявлением упадка нравов было для Саллюстия, безусловно, поощрение алчности войска, стремящегося к захвату добычи и получению земельных участков после войны.

Сочинение Тита Ливия (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) «История Рима от основания Города» предоставляет ценную информацию об истории царского и республиканского Рима. Сведения Ливия важны как источник об истории римской колонизации, а также о событиях начала II в. до н.э. К сожалению, большая часть книг Ливия была утеряна, по этой причине у нас отсутствует связное повествование о жизни римской *civitas* после 167 г. до н.э. Таким образом, принципиально важный для нашего исследования в частности и для понимания римской истории в целом период (середина – конец II в. до н.э.) оказывается достаточно слабо освещенным в источниках. Впрочем, полностью сохранились периихи (краткие содержания) всех книг Ливия. На их основании мы можем сделать некоторые выводы, в частности, об обстоятельствах принятия и содержания гракханских законов.

Гай Веллей Патеркул (19 г. до н.э. – 31 г. н.э.) оставил после себя сочинение «Римская история», предоставляющее исследователям ценные сведения о римской колонизации. Для Веллея основание колоний является необходимым условием распространения римского влияния на полуострове, поэтому в конце первой книги он приводит подробный список колоний с указанием дат их основания. Будучи по своему происхождению италиком, Веллей демонстрирует римский патриотизм, в частности, сообщая, что его прадед, вождь кампанцев Минатий Магий, сохранил верность Риму во времена Союзнической войны. Он выступает против основания

римских колоний за морем, видя в этом опасность для Рима: особенно ярко эта позиция проявляется при описании проекта основания колонии в Карфагене Гая Гракха. В эпоху Августа и Тиберия, современниками которых был Веллей, заморские колонии были уже достаточно распространенным явлением: примечательно, что об их основании Веллей умалчивает.

Старшим современником Веллея считают Валерия Максима (I в. н.э.). Его сочинение «Памятные деяния и изречения» сложно без оговорок назвать историческим, поскольку оно представляет собой скорее сборник исторических анекдотов. Тем не менее, по аналогии с историческими анекдотами, которые часто использовались ораторами в качестве аргументов, «Памятные деяния и изречения» имеют большую ценность для историка, восполняя данные плохо сохранившейся исторической традиции I в. до н.э.

В целом, это же можно сказать о других поздних исторических сочинениях: «Эпитамах из Тита Ливия» Луция Аннея Флора (70–е – 140–е гг. до н.э.), фрагментарно сохранившемся сочинении Грания Лициниана (II в. н.э.), «Краткой истории Рима» Евтропия (IV в. н.э.) и «Истории против язычников» Орозия (IV–V вв. н.э.). Основным источником для этих сочинений скорее всего послужило сочинение Ливия [Stockton, 1979, p. 229].

О римской истории писали не только латинские, но и греческие авторы. Так, раннюю историю Рима освещает в своем сочинении «Римские древности» Дионисий Галикарнасский (вторая половина I в. н.э.). Этот автор отличается своей любовью к деталям, однако именно они традиционно вызывают сомнения у исследователей. Так, например, он утверждает, что уже во времена Нумы Помпилия и частная, и общественная земля была измерена и помечена межевыми знаками (Dion. Hal. II.74.4). Видимо, во времена царствования Нумы Помпилия культу Термина действительно уделялось особое внимание [Кофанов, 2001, 42–43], однако известные нам из других источников данные о римском землеустройении заставляют усомниться в повсеместной постановке межевых знаков.

Из 24 книг «Римской истории» Аппиана (ок. 59 г. н.э. – ок. 170 г. н.э.) полностью сохранилось 10. Интерес для нас представляет «Ливийская» книга и пять книг, повествующих о гражданских войнах в Риме. Первая книга «Гражданских войн» начинается с описания римских способов использования общественной земли, и этот фрагмент неоднократно анализировали авторы исследований, посвященных римской аграрной истории. Сведения Аппиана очень часто подвергаются критике: так, отмечалось, что историю гракханских преобразований он подает достаточно тенденциозно, находясь под очевидным влиянием програкханских сочинений [Gabba, 1956, p. 39–40]. Однако, именно сочинение Аппиана предоставляет наиболее подробные сведения о проведении гракханских преобразований, и, несмотря на ряд их недостатков, эти сведения нельзя игнорировать. Не менее ценны и его сообщения о земельных раздачах, производившихся Суллой, Цезарем и вторым триумvirатом.

Масштабная «Римская история» Кассия Диона (между 155 и 164 гг. – 230–е гг. н.э.) охватывала период от Троянской войны до правления Александра Севера. Кассию был знаком широкий круг авторов, наиболее ценны его подробнейшие сведения о римской истории I в. до н.э., в частности, об ассигнациях Цезаря. Впрочем, аграрный вопрос его занимает гораздо меньше, чем детали политической истории.

В особую подгруппу можно выделить биографические сочинения. Их авторов принято обвинять в морализаторстве и субъективности, в связи с чем данные этих сочинений часто ценятся меньше, чем данные других источников о тех же событиях. В то же время, в биографиях часто можно найти сведения, которые упускаются в сочинениях, преследующих глобальную цель дать очерк всей римской истории.

Плутарх (ок. 49 – ок. 127 гг.) в своих «Сравнительных жизнеописаниях» сравнивает биографии знаменитых греков и римлян. После каждой пары биографий Плутарх подводит итог, сравнивая деятельность героев. Примечательны биографии Ромула и Нумы Помпилия, содержащие в себе указания на древнейшие с точки зрения римлян аграрно-земельные институты и практики использования земли. Особое

значение имеют сведения, сохранившиеся в биографии братьев Гракхов. Точка зрения Плутарха на события эпохи Гракхов схожа с точкой зрения Аппиана – принято считать, что они находились под влиянием одной и той же традиции [Burdese, 1952, p. 59].

Гай Светоний Транквилл (70 – 122 гг. н.э.) также оставил после себя биографическое сочинение – «Жизнь двенадцати цезарей». Наибольший интерес для раскрытия нашей темы представляют биографии Августа и особенно Цезаря: если сведения об аграрных мероприятиях Августа у Светония достаточно лаконичны и в целом эти мероприятия приходится реконструировать по другим источникам, то об аграрных законопроектах Цезаря Светонием сказано достаточно много.

К группе исторических и биографических сочинений примыкает энциклопедическое по своему характеру, богатое материалом сочинение Марка Теренция Варрона «О латинском языке» (116–27 гг. до н.э.). В нем содержатся ценные сведения об истории раннего Рима, в том числе, необходимые для реконструкции системы римского землепользования тех времен. Другая известная энциклопедия – «Естественная история» Плиния Старшего (22/24–79 гг. н.э.) – содержит ценнейшую информацию о разных сторонах римской жизни, в том числе о географии и сельском хозяйстве. Данные о выведении тех или иных колоний также можно подчерпнуть из собственно географических сочинений – Помпония Мелы (15–60 гг. н.э.), основывавшегося на нем Гая Юлия Солина (III в. н.э.), а также Клавдия Птолемея (ок. 100–170 гг. до н.э.), известного астронома и географа.

Варрону принадлежат сочинения разнообразной тематики. Освещение другой группы сочинений – сочинений о сельском хозяйстве – можно, вопреки хронологическому принципу, начать с него же. Трактат «О сельском хозяйстве» он написал, будучи почти в восьмидесятилетнем возрасте, в 37 г. до н.э. Из него сохранилось три книги, первая из которых посвящена земледелию, вторая и третья – животноводству. Это одно из немногих сочинений, где упоминается глагол *compscere* – «вместе пасти(сь)», глагол, с которым связано название анализируемой

нами категории *ager compascuus*. При использовании этого трактата играют роль не только непосредственно те сведения о землепользовании, которые упоминает Варрон, но и те «побочные» сведения, которые он ненамеренно в него вложил. Как отмечала М. Е. Сергеенко, авторы латинских сельскохозяйственных сочинений старались создать общую картину ведения сельского хозяйства в Италии, однако в большинстве случаев они концентрируются на описании традиций «своих» областей, тех, в которых у них были земли и особенности которых они лучше всего знали [Сергеенко, 1958 (2), с. 137–139]. Проанализированные с этой точки зрения, сельскохозяйственные трактаты предоставляют гораздо больше сведений об использовании общественных угодий.

То же самое можно сказать и о сочинении «О земледелии» более раннего автора – Марка Порция Катона Цензора (234 – 149 гг. до н.э.). Сведения, содержащиеся в его трактате, позволяют сделать вывод о составе его земельной собственности, о местности, в которой она находится, что играет определенную роль в нашем исследовании. Примечательно, что Катон, в отличие от Варрона, практически не уделяет внимания скотоводству, сосредотачиваясь на земледелии. Все авторы сельскохозяйственных трактатов дают подробные рекомендации относительно места расположения имения: пожалуй, наиболее подробно они представлены в сочинении «О сельском хозяйстве» Луция Юния Модерата Колумеллы (4 г. н.э. – 70 г. н.э.). Вопрос о качестве земли ассигнуемого участка неоднократно встанет в ходе земельных раздач ветеранам I в. до н.э., и данные землемерных трактатов помогают нам объяснить одно из интересующих нас положений римской агрименсуры – ассигнацию земельного участка «*qua falx et arater (ex)ierit*».

Катон был видным политическим деятелем своего времени, и, помимо непосредственно его трактата о сельском хозяйстве, сохранились также фрагменты некоторых произнесенных им речей. В частности, особое значение для нашего исследования имеет речь в защиту жителей Родоса (Cato. ORF. Fr. 40). Принято

считать, что речи содержат в себе разнообразный материал, который зачастую не имеет прямого отношения к основной теме, но привлекается оратором для иллюстрации его мыслей. Так и Катон в своей речи, посвященной далекой от сельского хозяйства теме, сообщает нам важные сведения, помогающие реконструировать направление аграрного законодательства в период между законом Лициния–Секстия и гракханскими реформами, т.е. в период, для которого у нас почти нет сведений об аграрных законах. Им упоминается не только известная по закону Лициния–Секстия норма, ограничивающая земельные владения 500 югерами, но и норма, регулирующая количество выпасаемого скота, что позволяет говорить о сохранении тенденции в римскоаграрном законодательстве, направленной на уточнение правил использования общественной земли.

В связи с этим можно перейти к освещению других ораторских сочинений, а именно, к сочинениям самого известного римского оратора – Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н.э.). Многочисленные сведения, позволяющие составить представление о ситуации в землепользовании Италии I в. до н.э., можно найти в трех его речах против аграрного закона Сервилия Рулла (63 г. до н.э.). Они содержат критику основных положений закона и, таким образом, дают достаточно подробное представление о его содержании. Кроме того, Цицерону принадлежит одно из немногих упоминаний рассматриваемой в данной работе категории *ager compascuus*. Оно содержится в трактате «Топика», написанном Цицероном, очевидно, в середине 40-х гг. по просьбе Гая Требатия Тесты. Достаточно интересны и спорны сведения Цицерона о событиях римской истории конца II в. до н.э. В большинстве своем они изложены в его трактатах, посвященных ораторскому искусству и его истории, а именно – в трактатах «Об ораторе» и «Брут». Оба этих сочинения содержат достаточно общие намеки на послегракханское аграрное законодательство, а также иные аграрные мероприятия, с которыми были связаны известные ораторы этого времени. Сложно переоценить также значение писем Цицерона, большая часть которых предназначалась его лучшему другу, Титу Помпонию Аттику. Именно из

них мы узнаем о существовании и отчасти содержании аграрных законопроектов, про которые умалчивают другие источники.

У классических юристов также можно найти некоторые сведения, касающиеся использования общественных угодий. В частности, интересны сведения, сообщаемые ими о праве выпаса (*ius pascendi*). Об этом пишут Гай, Помпоний, Сцевола (все трое – II в. н.э.), Папиниан (150–212 гг.), Ульпиан (170–228 гг.). Однако, единственное упоминание *ius compascendi* содержится только у Сцеволы (*Dig. VIII. 5. 20.1*), юриста II в. К слову, оно является одним из самых поздних упоминаний *ager compascuus* в письменных источниках.

К особому типу источников следует отнести античные словари, которые также содержат необходимые для данного исследования сведения. Так, определение интересующих нас категорий – *ager scripturarius* и *ager compascuus* – мы можем найти у Секста Помпея Феста (конец II в. н.э.). Как известно, его работа была, с некоторыми авторскими добавлениями, сокращенной версией сочинения Веррия Флакка «О значении слов», автора начала I в. н.э. В свою очередь, в VII в. и сам словарь Феста был подвергнут сокращению Павлом Диаконом. Сведения об *ager compascuus* содержатся и в «Этимологиях», составленных Исидором Севильским (ок. 560 – 636 гг.). Что касается этого сочинения, то принято считать, что Исидор при написании разделов о земельном праве ориентировался на сочинения римских землемеров Фронтини и Гигина Громатика [Guillaumin, 2007, p. 478]. Между тем, его определение *ager compascuus* практически дословно совпадает с определением Феста, что, безусловно, указывает на то, что словарем Феста Исидор также пользовался.

Ценность для историка представляют сведения и тех памятников, которые изначально не ставили себе цель объективно и подробно передать исторические реалии, а именно – произведений художественной литературы. Как известно, образцом для римской литературы как правило служила литература греческая, и это влияние было комплексным; оно обнаруживается в особенностях не только формы,

но и содержания, в воспроизведении греческих моделей в самом сюжете произведений. В то же время, римская литература сохраняла своеобразие времени и места своего появления, стремилась быть понятной и нужной современному ей читателю. Так, несмотря на то, что Плавт в сюжете своих комедий сильно зависел от греческих образцов, именно у него в комедии «Грубиян» мы встречаем первое упоминание «скриптурных полей» – полей, выпас на которых осуществлялся за небольшое денежное вознаграждение.

Примечательны сведения, которые можно почерпнуть у поэтов эпохи гражданских войн и принципата Августа: Горация (65 г. до н.э. – 8 г. н.э.), Вергилия (70 г. до н.э. – 19 г. н.э.), Овидия (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.). В их произведениях отразился интерес к агрименсурной технике, который был характерен для их эпохи, эпохи частых земельных конфискаций и земельных раздач. Так, о межевании земли лимитами² сообщает в своих «Метаморфозах» Овидий. Ему же принадлежат «Фасты» – поэтическая обработка римского календаря, сохранившая ценные исторические сведения об учреждении праздника Флоралий, имеющего непосредственное отношение к проблеме использования общественных угодий.

Если сведения Овидия помогают реконструировать отдаленное римское прошлое, то два других поэта этой эпохи отразили современные им события. Гораций, будучи членом кружка Мecenата, упоминает о проблеме земельных раздач эпохи конца Гражданских войн, Вергилий же, как принято считать, пострадал от них сам и изложил свой опыт в «Эклогах». Ему же принадлежат «Георгики». Это произведение часто характеризуется как пропагандистская поэма, призванная пробудить у её читателей погасший интерес к сельскому хозяйству. По наблюдениям М.Е. Сергеенко, сведения Вергилия достаточно эклектичны: в частности, стремясь

---

² Лимит – прямая межа, которая представляла собой также общественную дорогу и могла служить границей участка. Более подробно о межевании земли для римских колоний см. главу 1.3.

изобразить крестьянское хозяйство, он часто описывает ситуации, более характерные для богатого поместья [Сергеенко, 1974, с. 155].

Впрочем, основным источником по римскому землеизмерению следует признать землемерные сочинения. Это группа текстов, включающая в себя достаточно пространные трактаты римских землемеров (агрименсоров),³ «книги колоний», содержащие в себе перечень регионов Италии с указанием, каким образом и когда в них были размежеваны те или иные области, а также ряд более мелких сочинений, до сих пор достаточно редко используемых в исторических исследованиях ввиду сложности датировки описываемых в них сведений и, как следствие, их трактовки. Рассмотрим указанные группы сочинений более подробно.

Первую, наиболее известную группу, составляют трактаты римских землемеров. В представлении римлян межевание земли было чертой легендарного «железного» века:

communemque prius ceu lumina solis et auras

cautus humum longo signavit limite mensor. (Ovid. Met. I.135–136)

«И сначала общую, как свет солнца и воздух, землю длинным лимитом отметил осмотрительный землемер».

Сами римские землемеры указывают на связь римской агрименсуры с этрусской «дисциплиной» – существовавшем у этрусских жрецов учением о межевании пространства (CAR, S. 30, 131) [Dilke, 1992, p. 32–34]⁴. Определенное

---

³ Иногда агрименсоры также назывались «громатиками» по названию одного из инструментов — громы (groma). Традиция употребления этого термина заложена изданием К. Лахманна, в котором авторы трактатов были названы *gromatici veteres*. С точки зрения Ж. Шуке, важнее употребление термина «агрименсоры», потому что термин «громатик» содержит в себе только указание на один, сугубо технический аспект работы землемеров. [Chouquer, 2016 (2), p. 12]

⁴ Вероятно, первым землемерами были авгуры, однако, в дошедших до нас текстах небольшое внимание уделяется религиозному аспекту межевания. [Pikulska, 2004, p. 207]

влияние должны были оказать и традиции межевания греческих городов Великой Греции [Dilke 1992: 34]. Римская агрименсура развивалась на протяжении всей эпохи Республики и накапливала большой опыт по делению полей. В конце Республики существовала целая коллегия землемеров, именовавшихся в тот период *finitores*, так как уже в то время потребность в услугах землемеров возросла из-за активного выведения ветеранских колоний. При Августе землемеры начали считаться государственными служащими, и с этого момента они начинают именоваться *mensores* [Гвоздева, 1979, с. 75]. Так как для многочисленного выведения колоний требовались грамотные специалисты, была организована подготовка землемеров в специальных школах. Эта подготовка включала в себя изучение космологии, астрономии, геометрии, ориентации, нивелирования. От них требовались не только глубокие практические знания в области межевания, но также знание частного права. Агрименсоры имели широкие полномочия: они не только занимались разделом земли, установкой границ и решением иных технических задач, но также служили экспертами при судебных разбирательствах [Гвоздева, 2006, с. 245].

Существовали разные типы агрименсоров: военные землемеры, землемеры, находящиеся на службе у императора в табулярии и служившие экспертами при разрешении земельных споров, землемеры, обслуживающие общины,⁵ частные землемеры. Последние занимались изготовлением земельных планов колоний, межеванием их территории. О высокой квалификации авторов сохранившихся трактатов свидетельствуют их ссылки на законы, земельные карты, некоторые конкретные примеры размежеванных полей [Гвоздева, 1978, с. 35].

Таким образом, ценность трудов этих квалифицированных авторов очевидна, однако сочинения их долгое время оставались известными лишь узкому кругу

---

⁵ Муниципии Италии и свободные города провинций имели собственных землемеров – *mensores publici*. Они принимали участие в решении конфликтов не только между колонистами, но и между общинами [Гвоздева, 2001, с. 7].

специалистов по аграрной истории. В качестве примера следует привести следующий факт: в авторитетной трехтомной «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта представлен только самый ранний и прославленный военными сочинениями Секст Юлий Фронтин, остальные же лишь перечислены, два автора по имени Гигин сочтены одним и тем же [Альбрехт, 2004, с. 1353–1354]. Исходя из этого, следует сказать о них подробнее.

Основные труды агрименсоров относятся к I–II векам н.э., ко времени правления императоров от Домициана до Траяна, периоду расцвета римского землемерного искусства [Грацианский, 1940, с. 52]. Автором самого раннего труда по землеустройству являлся Секст Юлий Фронтин (40 – 105 гг.), видный военачальник периода германских и британских войн. Известно, что в 70 г. он занимал должность *praetor urbanus*, в 100 г. он стал в третий раз консулом. Помимо сочинений о земельном праве, он также оставил после себя сочинения по военному делу (*Strategemata*) и содержанию водопроводов (*De aquis urbis Romae*)⁶. До нас дошли его трактаты «О типе полей» (*De agrorum qualitate*), «О лимитах» (*De limitibus*), «Об

---

⁶ Не так давно снова встал вопрос о том, стоит ли отождествлять автора агрименсурных сочинений с автором «Стратегематы» и сочинения о водопроводе. Первый аргумент против отождествления заключается в том, что, в отличие от агрименсуры, знания о военном деле и поддержании акведуков в рабочем состоянии были необходимы для выходца из сенаторского сословия, поскольку они тесно связаны с магистратскими обязанностями. Другие источники ничего не сообщают о наличии у Секста Юлия Фронтиня специального интереса к межеванию, трактат же «*De aquis urbis Romae*» избегает технических подробностей: его цель заключается лишь в том, чтобы позволить администратору успешно контролировать деятельность подчиненных. С другой стороны, ровно для этой же цели Фронтин мог написать серию землемерных сочинений — в том случае, если бы ему пришлось руководить выведением колоний [Campbell, 1996, p. 76; Campbell, 2000, p. xvii–xviii]. Следует отметить, что специального лингвистического анализа сочинений Фронтиня и «псевдо-Фронтиня» до сих пор не предпринималось: возможно, именно его результаты вывели бы дискуссию об авторстве на новый уровень.

искусстве межевания» (*De arte mensoria*), «О контрoверсиях⁷» (*De controversiis*). Эти трактаты содержат ценную информацию о римском межевании и о возможных земельных спорах (контрoверсиях), к решению которых также привлекались агрименсоры. Фактически, Фронтин был первым автором, который попытался обобщить накопленный до него опыт землеизмерения [Гвоздева, 1977, с. 12].

Во фрагментарном состоянии до нас дошли сочинения Гая Юлия Гигина Старшего, относящиеся к началу 100–х годов. Его трактат «О лимитах» (*De limitibus*) подробно описывает правила оформления термина, сам процесс ассигнации, трактат «О статусе полей» (*De condicionibus agrorum*) описывает юридическое положение различных элементов поля. В трактате «О видах контрoверсий» (*De generibus controversiarum*) Гигин Старший подробно останавливается на основных видах контрoверсий. Примечательна содержащаяся в сочинениях Гигина информация об отрезках – землях колонии, не попавших в собственность, которая дается в его сочинениях [Гвоздева, 1978, с. 36]. В целом, фрагменты его сочинений позволяют заключить, что структура его трактатов повторяла схему сочинений Фронтинана.

Трактаты Сикула Флакка тяжелее всего поддаются датировке. Скорее всего, автор являлся младшим современником Гигина. В своем трактате «О статусе полей» (*De conditionibus agrorum*) он сосредоточил свое внимание на практике проведения лимитов, выделении единицы площади - центурии. Судя по всему, Сикул Флакк имел большой опыт землеизмерения [Гвоздева, 1978, с. 38], поэтому он так много внимания уделяет практике проведения межевания, акцентирует внимание на традициях межевания в различных местностях. В подробностях он описывает процесс установки межевых знаков.

Самым поздним автором является Гигин Младший, прозванный Громатиком. Трактат «Об устройстве лимитов» (*Constitutio limitum*) дает подробную информацию

---

⁷ Т.е. о земельных спорах. См. более подробно в работах И.А. и Т.Б. Гвоздевых [Гвоздева, 2014(2); Гвоздева, Гвоздева, 2016]

о процессе ассигнации, то есть о процессе передачи размежеванных участков во владение. Очевидно, он начал свою карьеру еще при Траяне. В своем сочинении он демонстрирует профессионализм и широкую образованность, излагая теоретические основы межевания, показывает влияние этрусков и способов межевания других народов. Он анализирует развитие этрусского учения об ориентации и объясняет происхождение систем римского межевания [Гвоздева, 2013, с. 7]. Трактат Гигина полон историческими деталями, особенно эпохи Августа. С. Ратти обратил также внимание на то, что в его трактате нет отсылок к деятельности Домициана, которые достаточно часто встречаются у других римских землемеров [Ratti, 1996, p. 230]. Это, а также некоторые другие особенности трактата привели С. Ратти к мысли, что он восходит к эпохе Веспасиана и может считаться чуть ли не самым ранним из всех землемерных произведений [Ratti, 1996, p. 238]. К сожалению, несмотря на достаточно оригинальный подход автора и, в целом, убедительные доказательства, эта гипотеза пока не получила особого распространения.

В корпус землемерных сочинений попало также сочинение автора IV века Агенния Урбика. Целью его сочинения «О controversiis agrorum» (De controversiis agrorum) было дать развернутый комментарий, прежде всего, к сочинениям Юлия Фронтинана. Этот комментарий был необходим для разъяснения отдельных положений трактатов Фронтинана. Конечно, этот источник следует использовать с осторожностью, поскольку он несет на себе следы изменений, произошедших в системе кадастра в ходе ее практического применения. Вероятно также, что, помимо сочинений Фронтинана, Урбик пользовался и другими, более поздними источниками [Campbell, 1996, p. 77].

Помимо трактатов, к корпусу сочинений римских землемеров относят также *libri coloniarum*. Это сгруппированные по регионам списки различных населенных пунктов с комментариями о времени и особенностях межевания их территории. *Liber coloniarum I* принято датировать серединой IV в. [Campbell, 2000, p. xl; Chouquet, 2016 (1), p. 7], прежде всего на основании содержащихся в нем сведений. Сам текст

озаглавлен следующим образом: *Incipit liber Augusti Caesaris et Neronis*, далее же в тексте содержится отсылка к землемеру Бальбу:

...*Balbi mensoris, qui temporibus Augusti omnium provinciarum et formas civitatum et mensuras compertas in commentariis contulit et legem agrariam per diversitates provinciarum distinxit ac declaravit.*

«(сочинения) ...Бальба землемера, который во времена Августа свел вместе планы и известные межевания всех провинций и общин, и систематизировал в зависимости от различий провинций, и разъяснил аграрный закон».

С точки зрения К. Николе, эти сведения указывают на то, что Августом была проведена ревизия данных о всех межеваниях на территории Италии – скорее всего в 7 г. до н.э., примерно в одно время с его административно-территориальной реформой, предполагавшей разделение Италии на *regiones* [Nicolet, 1991, p. 158]. К этим данным и восходят данные *Liber coloniarum I*. *Liber coloniarum II* содержат сведения лишь о Пицене, Самнии, Апулии и Калабрии; поскольку Самний был административно отделен от Кампании во второй половине IV в., это дает основание для датировки текста [Thomsen, 1947, p. 296–297].

Помимо вышеперечисленных, достаточно пространных текстов, корпус сочинений римских землемеров содержит также ряд фрагментов, сложно поддающихся интерпретации. Пожалуй, самым известным из них является «закон Мамилия Росция Педуция Алиена, Фабия», гипотезы о происхождении которого будут разобраны в основной части.

Публикация этих источников была осуществлена относительно поздно. Первое издание вышло в середине XIX в.⁸ Оно было подготовлено одним из пионеров критических изданий, К. Лахманном: первый том содержал сами тексты и иллюстрации к ним, содержащиеся в некоторых рукописях, во втором томе были

---

⁸ Blume F., Lachmann K., Mommsen Th., Rudorff A. *Die Schriften der römischen Feldmesser*. Berlin, 1848-1852. Bd 1-2. Далее первый и второй тома этого издания обозначаются как SRF I и SRF II.

опубликованы подробные комментарии к разным затрагиваемым в текстах проблемам: Ф. Блуме дал юридический комментарий к встречающимся в текстах правовым категориям, А. Рудорфф также провел подробный анализ встречающихся у землемеров терминов, Т. Моммзен проанализировал каталог земель *libri coloniarum*.

После первого издания корпуса землемерных сочинений всплеска исследовательского интереса к нему не последовало, и почти до конца XIX в. этот материал оставался слабо разработанным. В 1913 году появляется новое, улучшенное издание текстов агрименсоров, редактором которого был К. Тулин. Оно задумывалось как многотомное, однако К. Тулин успел выпустить только первый том.⁹ Он провел действительно большую работу, тщательно отделив сочинение Юлия Фронтинана от более поздних комментариев Агенния Урбика, фактически по частям был воссоздан трактат Гигина Младшего.

В 2000 г. вышло издание текстов римских землемеров Б. Кэмпбелла,¹⁰ включающее материал первого издания, т.е. непосредственно землемерные трактаты и *libri coloniarum*, однако сам текст землемеров приведен по изданию Тулина. Безусловной заслугой составителя является подробный комментарий и сопоставление данных землемеров с археологическими и эпиграфическими сведениями, что значительно облегчает работу с этими текстами исследователю.

В целом можно заключить, что сочинения агрименсоров представляют собой источник, богатый как технической, так и правовой информацией.¹¹ В них

---

⁹ *Corpus Agrimensorum Romanorum* / Ed. C. Thulin. Lipsiae, 1913 (в сокращении - CAR).

¹⁰ Campbell B. *The Writings of the Roman Land Surveyors*. London, 2000. В сокращении - Campbell. Трактаты землемеров приводятся по CAR, остальные тексты (большой частью *libri coloniarum*) – по SRF и Campbell, поскольку в CAR они не вошли. При переводе землемерной терминологии мы опирались на традицию ее перевода, заложенную работами И.А. Гвоздевой.

¹¹ Так, Ф. Грелле отмечает, что Гай в своих «Институциях» с вероятностью ориентировался на сочинения Фронтинана [Grelle, 1963, p. 24].

сохранились сведения как современные их авторам, так и относящиеся к более ранним эпохам, таким образом, они позволяют реконструировать развитие технической и правовой стороны римской агрименсуры.

Сведения эпиграфики имеют не меньшее значение для реконструкции истории древности, чем данные письменных источников. Не так много нарративных источников современны описываемому в них периоду, тогда как надпись как правило (если это не более поздняя копия) является памятником описываемой в ее тексте эпохи. Эта ситуация особенно характерна для II в. до н.э.: сведения традиции об этом времени достаточно противоречивы, современных ему письменных источников практически нет, и в этих обстоятельствах данные эпиграфики имеют определяющее значение для реконструкции событий и явлений этого периода. С другой стороны, не каждую надпись мы можем достаточно точно датировать и отнюдь не всегда их тексты сохранились полностью. В таких случаях использование надписи как исторического источника требует от исследователя предварительной работы по уточнению её датировки и, как следствие, смысла её содержания.

В так называемом элогии из Поллы (CIL X 6950 = CIL I² 638 = ILS 23 = ILLRP 454 = AE 1956, 149 = AE 2008, 264 = AE 2011, 96) содержится, как принято считать, одно из самых ранних упоминаний общественной земли, и, что еще более важно для нашей темы, ее использование под выпас. Эта надпись была обнаружена в конце XV века в небольшом городе Полла, расположенном в области Валло-ди-Диано – долине реки Танагр. Камень с надписью был вмурован в фасад таверны, где и оставался вплоть до 1934 г., когда для него был сооружен отдельный постамент. Верхняя часть камня отбита, таким образом, не сохранилось начало надписи, которое должно было содержать имя ее автора и его должность. Надпись представляется собой сочетание милового столба и элогия, перечисляющего заслуги его автора. Использование ее сведений затруднено в силу того, что автор и, как следствие, точная датировка ее неизвестны, хотя на этот счет существует немалое количество гипотез.

Важным источником является также сентенция братьев Минуциев (иногда также называется Польчеверской таблицей) (CIL I² 584 = CIL VI 29793 = ILS 5946 = ILLRP 517 = AE 1955, 223 = AE 1997, 244 = AE 2003, 671 = AE 2004, 570 = AE 2006, 54 = AE 2013, 126 = AE 2013, 540). Этот эпитафический памятник, датируемый обычно 117 г. до н.э., представляет собой бронзовую таблицу высотой около 37, шириной 47 см. Она была найдена в 1506 году близ Генуи, в долине реки Польчеверы. Надпись содержит судебное решение, вынесенное братьями Квинтом и Марком Минуциями о земельном споре между жителями Генуи и соседним объединением лигурийских племен – кастеллом лангенов витуриев. Этот источник богат сведениями о структуре землепользования на подчиненных римлянами землях. В нем перечисляются разные категории земель, даются сведения об их границах, размере и времени уплаты налога за использование некоторых из них, что также дает возможность проанализировать особенности их правового статуса. В частности, сентенция является одним из немногих документов, который дает представление о сущности категории *ager compascuus* и отличии этих пастбищ от *pasqua publica*. Особенностью *ager compascuus* было совместное использование этого пастбища несколькими общинами; в поисках аналогий для этой ситуации один из исследователей надписи, Э. Серени, обратился к итальянскому материалу. В частности, интерес представляют данные найденной в 1745 г. Абелльской стелы. Стела содержит надпись, сделанную на оскском языке (Zvetaieff, 136 = *Imagines Italicae*, p. 887–892), сообщающую об использовании земель общего для общин Абеллы и Нолы святилища Геркулеса. Надпись традиционно датируется концом II в. до н.э.

Если текст сентенции Минуциев достаточно пространен, чтобы на его основании реконструировать целую земельную категорию, то короткие надписи на межевых знаках, выделяющие границы общин, гракханские термины интересны, во-первых, указанными на них именами магистратов, а во-вторых, собственно, местом своего нахождения. Во многом именно на основании данных, полученных при

анализе гракханских межевых камней, мы можем реконструировать последовательность и степень реализации гракханской аграрной реформы.

Еще одним эпитафическим памятником является знаменитый аграрный закон 111 г. до н.э. (CIL I² 585 = FIRA I 8 = AE 1990, 18 = AE 2001, 65 = AE 2001, 206) Этот закон сохранился на 12 фрагментах бронзовой таблицы, первые из которых были найдены еще в конце XV в. близ г. Урбино. Обратная сторона бронзовых таблиц содержит другой закон – *lex repetundarum*. При анализе самого текста закона его можно достаточно точно датировать 111 г. до н.э.,¹² тем не менее, литературная традиция об истории его принятия, представленная Аппианом, выглядит достаточно запутанной. Закон состоит из нескольких логических блоков, посвященный регулированию правового статуса разных категорий земель в Италии, Африке и Греции. Для нас особенно интересны постановления закона, касающиеся использования *ager compascuus* и *rascua publica*: они позволяют сделать вывод о тех изменениях, которые они претерпели после гракханских аграрных реформ.

Важную проблему представляет и реконструкция текста утерянных частей закона. Если содержание одних норм реконструируется достаточно однозначно, то различные восстановления других порою сильно отличаются между собой. Основная проблема при реконструкции текста аграрного закона заключается в том, что разные исследователи исходят из разных представлений о ширине исходной бронзовой таблицы с текстом закона, расположении имеющихся фрагментов и величине лакун. В таких спорных случаях мы приводим различные чтения основных изданий законов [Rudorff, 1839, S. 1-194; Mommsen, 1905, S. 65-145; Johannsen, 1971; Mattingly, 1969; Lintott, 1992; Crawford, 1996, p. 113-180; Sisani, 2015] и анализируем, какими соображениями руководствовались предложившие их исследователи.

---

¹² В тексте закона упоминаются цензоры 115-110 гг. Луций Кальпурний и Гней Домиций (ст. 27-28), а также консулы Публий Корнелий и Луций Кальпурний (ст. 95).

Закон колонии Генетивы Юлии или Урсона (*lex coloniae Genetivae Iuliae seu Ursonensis*) (CIL I² 594 = CIL I, 5439 = ILS 6087) [Crawford 1996: 393–454] является самым ранним правовым источником, в котором засвидетельствовано наличие у колонии сельскохозяйственных угодий. Большинство фрагментов закона было найдено в 1870–е гг., на территории современной Осуны; находить их, впрочем, продолжают и сейчас [Caballos, Betancourt, Correa, Fernández, 2007]. Он оказывается уникальным еще и потому, что в сущности является единственным известным нам хорошо сохранившимся законом колонии. Примечательно, что этот закон содержит подробности, касающиеся землеустройства территории колонии, а также особенно интересный для нас пункт об условиях аренды угодий колонии. Эти данные, к слову, практически не привлекали внимания исследователей.

К эпиграфическим источникам можно также отнести «Деяния божественного Августа» – краткую автобиографию Августа, рассказывающую в основном об успехах его многолетнего правления. Большая часть текста «Деяний» известна по надписи, сохранившейся на стенах римского храма в Анкаре (*Monumentum Ancyranum*). В основном нас интересуют сведения «Деяний» об организованных Августом земельных раздачах.

Крайне информативны сведения, полученные в результате исследования римского Араузиона (современный Оранж, Франция). На его территории было найдена монументальная надпись Веспасиана о сооружении нового кадастра и, собственно, осколки трех земельных кадастров, представлявших собой условный план местности со сведениями о хозяевах участков, их размерах и арендной плате, если таковая требовалась. Особый интерес представляют указания на различные категории земли, содержащиеся на планах. Также сохранились документы табулярия – местного архива; преимущественно их сведения касаются использования общественной земли, что особенно важно для нашего исследования. Масштабная публикация археологических свидетельств была осуществлена А. Пигальюлем в 1962 г. [Piganiol 1962]

Данные землемеров, как было сказано выше, относятся к достаточно позднему периоду – I–II вв. до н.э., а их представления о более раннем времени часто несут в себе черты модернизации, которые не в состоянии восполнить и имеющиеся у исследователей данные эпиграфики. Скорректировать их данные помогают данные археологии и аэрофотосъемки.

Так, в 2009 г. в Италии отмечался 2000–летний юбилей императора Веспасиана, к которому была приурочена серия исследований центуриации Сабина, из которого происходил род императора [Falacrinae, 2009; Camerieri, Mattioli, 2011; Camerieri, Mattioli, 2013]. В ходе исследований были обнаружены *calles* – дороги для перегона скота между летними и зимними пастбищами, а также был поставлен вопрос о том, каким образом на существующую систему земепользования повлияло римское присутствие в этом регионе.

Таким образом, источники, на основании которых мы можем реконструировать развитие категорий общественных сельскохозяйственных угодий, достаточно разнообразны и призваны дополнить противоречивые сведения друг друга. Определенной проблемой является реконструкция положения различных земельных категорий в конце II в. до н.э. поскольку об этом периоде сообщает достаточно ограниченное количество более поздних нарративных источников, а эпиграфические данные этого времени нуждаются в тщательном анализе. События I в. до н.э. отражены в более широком круге разнородных источников, большей частью нарративных, тем не менее, некоторые моменты, представляющие интерес для нашего исследования, оказались на периферии внимания древних авторов. Это время, богатое яркими событиями политической жизни, было также периодом активного преобразования агрименсурных институтов и земельных категорий, однако эти изменения были зафиксированы по преимуществу в эпиграфике и более поздних землемерных сочинениях.

Степень изученности проблемы.

Специальных работ, посвященных истории общественных сельскохозяйственных угодий в древнем Риме, немного. Как правило, в таких случаях исследователей интересует их роль в римской экономике. Другой подход связан с изучением истории римского землеизмерения и формирования земельно-правовых категорий. В целом, национальные историографии имеют определенные традиции, характеризующие их подходы к изучению этой темы.

Издание трактатов землемеров и, как следствие, начало изучения римских земельных институтов, произошло достаточно поздно – лишь в середине XIX века. Вторым том этого издания представлял собой сборник статей его составителей – это были первые исследования, непосредственно посвященные изучению римского земельного права. Среди этих статей, пожалуй, наиболее примечательной является статья А. Рудорффа [Rudorff, 1852]. Он дал подробную характеристику упоминавшимся у землемеров правовым категориям, попытался проанализировать контекст их упоминаний и найти отсылки к ним в других источниках. В частности, Рудорфф попытался реконструировать историю совместных выпасов *compascua* на основании более раннего источника – «судебного решения братьев Минуциев». Он пришел к выводу, что *compascua* представляли собой общие пастбища нескольких общин, и провел аналогию между их использованием и совместным использованием священных рощ, находящихся на границах ближайших общин [Rudorff, 1852, S. 262]. Еще Т. Моммзен отметил основополагающее значение этой работы Рудорффа [Mommsen, 1892, S. 79–117]. Пожалуй, земельное право было той редкой областью, которой Моммзен, один из крупнейших, если не крупнейший антиковед XIX в., лишь частично коснулся в своих исследованиях – основной сферой его интересов все-таки осталось публичное право.

Конец XIX – начало XX вв. было временем безусловного расцвета немецкой исторической науки, немецкого антиковедения и в особенности изучения римского права. Автором первого и на протяжении очень долгого времени единственного специального исследования категории *ager compascuus* стал немецкий юрист

М. Фойгт. В своей статье [Voigt, 1887] он дал развернутое описание категории *ager compascuus*, в первую очередь на основании сочинений землемеров, а также сделал попытку анализа его генезиса. Он первый определил, что с точки зрения римского права общественные угодья следует считать владением (*possessio*) [Voigt, 1887]. А. Шультен, известный по своим раскопкам в Африке и особенно в Испании, также касался проблемы земельного права в своих ранних статьях – в основном, он делал это на археологическом и эпиграфическом материале, который к тому моменту был еще сравнительно немногочисленен [Schulten, 1898, S. 534–565; Schulten, 1906, S. 1–44].

В целом, итогом данного этапа развития историографии этого вопроса можно считать появление такой крупной фигуры, как М. Вебер, мнение которого надолго стало доминирующим в немецкоязычной историографии римской аграрной истории. Следует отметить, что М. Вебер, как и многие крупные ученые той эпохи, был сторонником концепции истории Э. Мейера, которая предполагала наличие в истории повторяющихся циклов. В связи с этим для сторонников Мейера типично достаточно частое использование понятий, характерных для более поздних эпох, – таких, например, как «буржуазия», «капитализм», «феодализм» – применительно к античной истории, и, в целом, широкое применение метода аналогии. Отпечаток мейеровских воззрений Вебера есть и в его «Аграрной истории древнего мира» [Вебер, 2001], впервые опубликованной в 1909 году. В этой монографии, он, говоря о ранней римской истории, сравнил совместное пастбище *ager compascuus* с альмендой древних германцев. Тем самым было положено начало дискуссии о том, сохранился ли *ager compascuus* в средневековье, насколько *ager compascuus* соотносится со средневековыми земельными категориями и как на средневековое землевладение повлияли категории римского земельного права [Laffi, 2001, p. 402]. Между тем, эта аналогия сыграла большую роль при последующем изучении *ager compascuus*, ведь Вебер первым заметил, что совместное пастбище должно было развиться из общинных угодий [Вебер, 2001, с. 351].

После масштабного исследования М. Вебера, с одной стороны, и под влиянием многих не связанных с наукой фактов в 1920–30 гг. интерес к этой проблематике в Германии гаснет. 1940–50 гг. стали временем расцвета венской правовой школы, наиболее ярким представителем которой был М. Казер. Его подход заключался в восприятии земельных категорий с точки зрения институтов частного права. В результате им было доказано исключение земли из частного права на ранних этапах римской истории [Kaser, 1942; Kaser, 1943]. Представителем венской правовой школы был также К. Ф. Торманн. Ему принадлежит по сути единственная в историографии работа [Thormann, 1954], целиком и полностью посвященная изучению права совместного выпаса – *ius compascendi*. Эта статья представляет собой подробнейший филологический и правовой анализ единственного упоминания совместных пастбищ *compascua* классическими юристами. Это исследование тем более ценно, что даже это единичное упоминание практически не рассматривалось в историографии (тем более, с такой подробностью) ни до, ни после этой статьи. Однако, как ни странно, это исследование почему-то практически не использовалось другими специалистами, также занимавшимися этим вопросом. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что проблема восприятия классическими юристами норм земельного права исследовалась сравнительно мало.

В 1970–е гг. интерес к римской аграрной истории растет. Отчасти, это связано с новой публикацией [Johannsen 1971] достаточно важного эпиграфического источника – аграрного закона 111 г. до н.э., содержавшего упоминания пастбищ на общественной земле и совместного пастбища *ager compascuus*. Подготовившая публикацию К. Йохансен дала также комментарий к тексту закона, отчасти затронув при этом значение интересующих нас категорий, прежде всего *ager compascuus*. Одним из немногих авторов, обратившихся к специальному исследованию землемерных институтов Ф. Т. Хинрикс. Его диссертационная работа [Hinrichs, 1974] до сих пор остается одним из интереснейших с точки зрения своего подхода исследований, посвященных данной проблематике. Ф. Т. Хинрикс раскрыл

генезис и эволюцию важнейших категорий земельного права, а также указал на сохранение архаических категорий в кадастре Августа. С другой стороны, иногда концентрация Хинрикса на «институциональности» землемерных институтов кажется чрезмерной, и автор несколько выпадает из исторического контекста, в котором эти институты формировались. Направление исследований Хинрикса, связывающее историю землемерных институтов и развитие римского права, было продолжено в исследовании Ш. Шуберт [Schubert, 1996]. В целом, немецкоязычную историографию отличает сильное влияние концепций их исследователей конца XIX - начала XX века.

Во французской историографии можно выделить несколько направлений. Прежде всего, следует отметить, что именно ей принадлежит единственное подробное исследование *ager scripturarius*, автором которого является К. Трапенард [Trapenard, 1908]. С точки зрения К. Трапенарда, к *ager scripturarius* относились все сельскохозяйственные угодья с древнейших времен, поэтому по сути эта работа представляет собой разностороннее исследование пастбищ и в целом скотоводства в римской Италии. По нашему мнению, эта позиция автора во многом связана с тем, что Трапенард стремится в синхронии рассмотреть основные факторы, формировавшиеся общественные пастбища. Автором последовательно были рассмотрены географическое, экономическое и правовое положение, а также социальная роль общественных пастбищ, затронут был и такой аспект, как пастбища в римской агрименсуре. После данной работы к теме *ager scripturarius* практически не возвращались,¹³ что догматизировало отдельные положения этой работы.

Месту общественных угодий в социально-экономической жизни древнего Рима посвящены работы Ж. Гранета [Granet, 1986; 1989 (1), 1989 (2)]. Его исследования связаны в основном с анализом текста закона 111 г. до н.э.: с точки

---

¹³ За исключением, впрочем, работы П. Боттери [Botteri, 1977], которая представляет собой куда менее масштабное по своему замыслу терминологическое исследование.

зрения этого автора, основной конфликт в римском землепользовании был связан именно с противоречиями между скотоводами и земледельцами. В целом, такой подход характерен и для других, не только французских работ по скотоводству в древней Италии [Yeo, 1948; Sabbatini 1977].

Особое место во французской историографии римского землепользования занимают работы К. Николе [Nicolet 1967; 1991] и его ученицы К. Моатти. В некотором смысле их подход можно охарактеризовать как социально-политический. Так, К. Моатти является автором монографии [Moatti, 1993], в которой развитие документальной фиксации процесса выведения колонии тесно связано с политической жизнью Рима. Исключительно правовым вопросам посвящено другое ее исследование [Moatti, 1992], в котором она затрагивает и категорию *ager compascuus*, касаясь вопроса о распоряжении фондом земель *ager publicus*, что также имеет важное значение для изучения общественных угодий.

В целом же, говоря о современной французской (и испанской) историографии вопроса, стоит сделать акцент на разрабатываемых ими данных. Дело в том, что на территории Франции и Испании находятся образцовые памятники римского межевания – это колония Августа Эмерита (современная Мерида) в Испании, колония Араузион (современный Оранж) во Франции. Разработка проблем римского землепользования в большинстве случаев так или иначе будет связана с разработкой материалов этих памятников. Первой крупной публикацией, посвященной кадастру Оранжа, стала работа А. Пиганьоля [Piganiol, 1962], прочие публикации на эту тему уже только дополняют изложенный им материал, причем не всегда с целью изучения римских аграрных институтов [Christol, Leyraud, Meffre, 1998]. А. Пиганьоль опубликовал добытый им в результате многолетних археологических раскопок материал – кадастр Араузиона и некоторые землемерные документы из архива этой колонии. Кадастр представлял собой план колонии, который содержал надписи о правовом статусе земельных участков. Пиганьоль анализирует эти надписи с точки зрения римского земельного права и даже пытается найти среди них данные об

общественных угодьях. Один из фрагментов кадастра он трактует как возможную фиксацию сведений о *comprascua* [Piganiol, 1962, p. 129]. На наш взгляд, однако, эта гипотеза еще нуждается в проверке.

Собственно, современная французская историография данного вопроса большей частью сосредотачивается на археологических исследованиях остатков межевания, в этом смысле характерна коллективная работа Ж. Шукке, М. Клавель-Левек и Ф. Фавори [Chouquer, Clavel–Levêque, Favory, 1982, p. 847–882], можно привести и другие примеры подобных работ, ориентированных на публикацию археологических данных [Vallat, 1980]. Работы в области экономической истории Ф. Валла как правило активно использует археологические свидетельства [Vallat, 1987].

В целом, последнее время археологические исследования дополняются вниманием к изучению землемерных трактатов, о чем свидетельствуют публикации в безансонских сборниках работ Ж. Пейраса [Peyras, 2006], канадской исследовательницы Э. Эрмон [Hermon, 2006 (1); 2006 (2)], посвященных изучению правового субстрата *libri coloniarum* и землемерных трактатов.

Ж. Шукке не так давно была предпринята интересная попытка синтезировать данные археологии, результаты исследования текстов землемеров и недавно вновь пробудившийся интерес к закону 111 г. до н.э. Так появились его монографии, посвященные книгам колоний и аграрным категориям конца II в. до н.э. [Chouquer, 2016(1); Chouquer, 2016 (2)]. В них автором была предпринята попытка достаточно подробной классификации различных категорий земельного права. Однако иногда эта классификация слишком подробна, за счет чего теряется ее логика. Так, с нашей точки зрения, за многочисленными видами *ager comprascuus*, которые можно выделить, стоит нечто общее, то, что позволяло римлянам назвать эту категорию именно *comprascua*. Впрочем, отчасти выяснению этой логики мы и посвящаем свою работу. Кроме того, возникает вопрос, такими ли уж сформированными стоит считать аграрные категории конца II в. до н.э.

В связи с преимущественно археологическим направлением современной французской историографии следует также сказать об испанской историографии, которая находится под ее заметным влиянием. В основном, также, как и их французские коллеги, испанские исследователи сосредотачиваются на раскопках памятников времен римского времени и анализе их результатов, сопоставлении данных с текстами агрименсоров.

Впрочем, есть у испанской историографии и еще одна особенность, которая связана с имеющейся у них источниковой базой. По иронии судьбы, практически все римские муниципальные законы, которые имеются в распоряжении исследователей, и единственный закон колонии – Генетивы Юлии – были найдены на территории Испании. Основание этой колонии и утверждение ее закона датируются 44 г. до н.э. Этот закон примечателен тем, что в нем содержатся упоминания полей (*agri*) и лесов (*silva*) колонии (ст. 82). Попытку анализа этого закона с точки зрения земельного права предпринял в своем исследовании П. Саэс [Saéz, 1997], однако, на наш взгляд, ее сложно считать исчерпывающей, и этот закон еще представляет собой значительный интерес для исследователей.

Итальянские исследователи обогатили изучение этой темы многими важными работами, чье своеобразие во многом происходит от национальной школы исследователей римского права. В числе первых следует назвать исследование А. Бурдесе, посвященное такой важной категории, как *ager publicus* [Burdese, 1952]. *Ager publicus* – это центральное понятие римского земельного права, с которым связан целый ряд проблем. Именно земли общественного статуса служили базой для организации общественных угодий. А. Бурдесе анализирует развитие этой категории на всем протяжении римской истории, не упуская ни одного письменного источника, известного в его время. Структурно эта работа (как ни странно, чрезвычайно небольшая по объему – всего 146 страниц) разделена на две части. Первая часть посвящена *ager publicus* до формирования римского земельного кадастра, вторая – общественным сельскохозяйственным угодьям кадастра, т.е. непосредственно лесам

и пастбищам. Он тщательно анализирует особенности правового статуса этих земель. Однако, и это исследование оставляет после себя поле для деятельности. Например, автор отступает от общей хронологической последовательности повествования, когда речь заходит о кадастре и общественных угодьях колонии, опуская вопрос об их эволюции. Между тем, трактаты землемеров говорят об изменениях в статусе общественных земель, вызванных деятельностью Флавиев. Этот момент обычно редко полностью раскрывается в посвященных земельному праву исследованиях, в том числе, и в этом.

Проблем римского землепользования коснулся в своих работах также такой нестандартный ученый, как Э. Серени. Этот исследователь (к слову сказать, совмещавший свою научную работу с активной политической деятельностью в качестве одного из функционеров ИКП) по образованию был агрономом. Областью его научных и политических интересов являлось все, что так или иначе было связано с итальянским аграрным вопросом, который он изучал, начиная от доримских времен и заканчивая современностью. Собственно, именно таким исследованием является его «История итальянского аграрного пейзажа» [Sereni, 1961]. Античности в ней посвящена небольшая, но важная часть, в которой автор пытается реконструировать внешний облик Италии в доримское и римское время, раскрывает экономическое значение лесов и пастбищ. Его работа «Сельские общины в древней Италии» является, по сути, подробным разбором и анализом уже упоминавшегося «судебного решения братьев Минуциев» – *Sententia Minuciorum*, по этой же теме им была опубликована статья в «Вестнике древней истории» [Sereni, 1955; Серени, 1956]. В этой надписи идет речь о судебном споре между Генуей, имевшей тогда статус peregrinской общины, и кастеллом лангенов витуриев – объединением лигурийских племен. Спор касается пограничных территорий. Серени подробно разбирает все упомянутые в судебном решении категории. Эту работу упрекали в свое время в недостаточном использовании археологического материала [Немировский, 1956, 93]. Однако следует заметить, что последнее время появляются

работы [Cauvin, 1987; Bianchi, 1996; Voccaleri, 1989; Voccaleri, 1996], добавляющие археологический и лингвистический материал к проблеме, проясняющие некоторые детали конфликта, однако основные теоретические построения Серени до сих пор остаются неоспоренными.

В какой-то степени «живым классиком» мировой историографии истории Древнего Рима можно назвать Л. Капогресси Колоньези. Ему принадлежит большое количество работ, посвященных вопросам римского права и римской истории. В первую очередь, следует упомянуть одно из самых известных его исследований, посвященных структуре собственности и формированию предиальных сервитутов [Capogrossi Colognesi, 1969-1975]. В ней он, во многом под влиянием немецкоязычной историографии, касается вопроса о формировании частной собственности, который он анализирует, в духе школы М. Казера, опираясь на исследование категорий частного права. Исследование проблемы формирования частной собственности на землю заставляет исследователя обратиться к землемерным трактатам и попытаться описать место общественных угодий в системе римского землевладения [Capogrossi Colognesi, 2006].

Одним из последних специальных исследований, посвященных непосредственно *ager compascuus*, была работа У. Лаффи [Laffi, 2001]. Во многом, этот очерк носит обобщающий характер и подводит итоги изучению этой земельной категории в итальянской историографии. Исследование формирования частной собственности на землю продолжает О. Сакки; в основном, автора интересует положение разных типов земель в римском праве в эпоху поздней Республики [Sacchi, 2005; 2006; Сакки, 2016 (1), 2016 (2)]. Не так давно С. Сизани издал свой вариант реконструкции аграрного закона 111 г. до н.э. [Sisani, 2015], полный достаточно смелых восстановлений: впрочем, в том, что касается исследования нашей проблемы, его восстановления меняют немного.

На территории англоязычных стран редко встречаются археологические памятники, связанные с римским межеванием, и там нет таких крупных правовых

школ, как в Италии или Германии. В англоязычной историографии римского земельного права не так много работ, затрагивающих проблемы правовых категорий кадастра Августа. Некоторые работы посвящены непосредственно римской экономике, в том числе пастбищной; в этой связи нельзя не упомянуть монументальное исследование К. Уайта [White, 1970] о древнеримском сельском хозяйстве, в котором тщательный анализ данных нарративной традиции о римском сельском хозяйстве сочетается с прекрасным знакомством с природно-климатическими особенностями Италии, которые нередко определяют тот или иной способ ведения хозяйства. Здесь же следует сказать о работе датского исследователя П. Орстеда [Orsted, 1985], в которой автор, преимущественно на основе эпиграфических данных анализирует экономику римской колонии и экономическое значения общественных земель. Особый интерес в этой работе представляют главы о системе откупа общественных земель, поскольку данная тема достаточно редко затрагивается в современной научной литературе.

Большое внимание в англоязычной, как и в немецкоязычной историографии, уделялось гракханскому и постгракханскому землепользованию. А. Линтотт, как и в свое время К. Йоханнсен, предпринял издание текста аграрного закона 111 г. до н.э. и на его основе сформулировал свои замечания относительно аграрной истории поздней Республики [Lintott, 1992].

Одной из последних работ, посвященных исследованию земельного права в докадастровый период, является монография нидерландской исследовательницы С. Розелаар [Roselaar, 2010], которую, в принципе, можно причислить к англоязычным авторам, поскольку автор продолжает заложенную еще исследованиями 1970–х гг. традицию тщательного социально-экономического анализа событий II в. до н.э. Одной из основных идей автора монографии является то, что большая часть общественной земли, полученной в результате завоеваний, не изымалась римлянами, а по-прежнему обрабатывалась проживавшими на ней общинами. Эта работа поднимает достаточно важную проблему: традиционно

вопросы римского землепользования принято освещать с точки зрения римлян, тем самым, игнорируется другая сторона – собственно, общин, у которых была конфискована земля¹⁴. Однако, присутствующий в этой работе механический перенос сведений землемеров I–II вв. н.э. на ситуацию VII–II вв. до н.э. и сознательное невнимание к правовой стороне вопроса, на наш взгляд, не совсем приемлемы.

Помимо аграрной ситуации времен поздней Республики, англоязычные авторы обращались также к истории римской колонизации. Наиболее известной работой в данном направлении является работа Э. Сальмона «Римская колонизация» [Salmon, 1969]. Основные этапы римской колонизации проиллюстрированы также в статье У. Бродхеда [Broadhead, 2007]. Также в этом смысле достаточно интересна работа Т. Уоткинса [Watkins, 1983], посвященная римским колониям и их правовому статусу. Тему *ager compascuus* в римских колониях затрагивает в своей статье Г. Грэм Мэйсон [Graham Mason, 1992]. Автор пытается объяснить небольшой размер наделов в ранних колониях, и во многом он делает это, указывая на доступные для поселенцев пастбищные угодья, в том числе *ager compascuus*.

В отечественной историографии проблема аграрной истории разрабатывалась довольно давно, однако основные источники – трактаты землемеров – начали использоваться достаточно поздно. Аграрная история не являлась приоритетной темой в творчестве М.И. Ростовцева, однако ей посвящен ряд соображений в известной работе «Общество и хозяйство в Римской империи» [Ростовцев 2000]. Что касается его «Истории государственного откупа в Римской империи» [Ростовцев 1899], то аналогичной по своей фундаментальности работы по этой теме до сих пор не было создано.

---

¹⁴ В целом, интерес к различным народам древней Италии и их взаимоотношениям с римлянами в последнее время растет: в свое время широкую известность приобрело исследование Х. Моритсена [Mouritsen 1998].

В советской историографии одним из первых систему римского межевания разобрал Н. П. Грацианский, являвшийся специалистом по западноевропейскому Средневековью. Долгое время его работа [Грацианский, 1940] являлась чуть ли не единственной, специально посвященной римской агрименсуре. На основании текстов землемеров он достаточно подробно разбирает системы межевания, типы земель, отдельные категории, в том числе и *ager compascuus*. Примечательно, что в своем сравнительно небольшом очерке Н. П. Грацианский указал на изменения в системе использования *ager compascuus*, произошедшие после правления Домициана. Его тезис о распространении этой категории после того, как Домициан уступил нелегально занятые общественные земли их владельцам, достаточно спорен. Скорее, на основании имеющихся у нас источников, вернее, исчезновения этого термина из них после II в., мы можем утверждать обратное, однако примечателен сам факт внимания к этой проблеме, которая традиционно обходится исследователями.

Проблемы совместных выпасов в составе колонии коснулась и Ю. К. Колосовская в своей монографии [Колосовская, 1973], посвященной Паннонии. Основываясь на текстах агрименсоров, она рисует процесс выведения ветеранских колоний, также касается системы колониального землепользования.

Признанным авторитетом в области социальной и экономической истории являлась Е. М. Штаерман. В своих работах [Штаерман, 1978; Штаерман, 1996] она, опираясь на достижения итальянской историографии, дает свою трактовку генезиса римской собственности и *ager compascuus* и их эволюции на протяжении почти всей римской истории. И. Л. Маяк, предметом интереса которой является в основном история раннего Рима, также касается проблемы генезиса *ager compascuus*, выдвигая свою точку зрения на его существование в эпоху царского Рима [Маяк, 1983, с. 224].

В. И. Кузицин посвятил свою научную деятельность экономической и социальной истории. В своих известных работах [Кузицин, 1960; Кузицин, 1973; Кузицин, 1976] он рассматривает историю формирования крупного землевладения,

выводы, которые он делает, особенно важны для трактовки истории общественных сельскохозяйственных угодий в гракханскую эпоху. В какой-то степени им была продолжена линия исследований М.Е. Сергеевко – крупного переводчика и исследователя римского сельского хозяйства [Сергеевко, 1956; Сергеевко, 1958 (1); Сергеевко, 1958(2)].

Одним из немногих отечественных исследователей, специально занимающихся изучением римского земельного права, является И. А. Гвоздева. В своих статьях [Гвоздева, 1977; 1978; 1979; 1986; 1999; 2001; 2004; 2006; 2012; 2013; 2016] она раскрыла не только техническую, но и правовую составляющую римской агрименсуры. Технической составляющей – типам межевания земель, типам границ – посвящены работы 1970–80х гг. В 1990–2000-гг. она занялась анализом земельных споров. Наиболее важной для изучения общественных угодий является статья, посвященная *ius subsecivorum*, «праву отрезков» [Гвоздева, 2012]. «Отрезки» являлись категорией земель, которая не передавалась в частную собственность и сохраняла общественный статус. В этой работе И. А. Гвоздева анализирует понятие «отрезок», показывает, какие категории земель включались в это понятие и каким образом они использовались. *Ius subsecivorum* было призвано защитить общественные земли, предназначенные для общественных угодий, от оккупации частными лицами, однако со своей задачей оно в итоге не справилось. В последние годы И.А. Гвоздева успешно продолжает изучение отдельных категорий римского земельного права, их генезиса, генезиса различных контроверсий. [Гвоздева, 2014(1); 2014(2); 2014(3); 2015; 2016; 2017; 2018; Гвоздева, Гвоздева, 2015; 2016(1); 2016(2); 2016(3); 2017(1); 2017(2); 2017(3)]

С точки зрения римского частного права интересующие нас земельные категории также рассматривал Д. В. Дождев [Дождев, 1996; 2000]. Исследования другого отечественного специалиста по римскому праву – Л.Л. Кофанов – интересны тем, что в них поднимается такая редко исследуемая проблема, как публичное владение на *ager publicus* [Кофанов, 2016], в целом, его работы выходят за рамки

изучения традиционных для исследователей проблем формирования частной собственности [Кофанов, 2001; 2015]. Политической борьбе вокруг аграрной реформы Тиберия Гракха посвящены работы Р.В. Лапыренка [Lapyrenok, 2012; Лапыренко, 2014; 2016]: они содержат ряд интересных исторических реконструкций, в частности, попытку реконструкции содержания аграрного законопроекта Г. Гракха.

В целом, можно заметить, что историография данной проблемы достаточно обширна, однако не исчерпывающа. Национальные историографические школы отличаются друг от друга своими подходами к проблеме. Немецкая историография преимущественно придерживается правового подхода. В какой-то степени отклонившееся от этого подхода исследование Ф. Т. Хинрикса, синтезировавшего право и данные эпиграфики и археологии, не получило должной поддержки: свежих работ в этом направлении нет. Французская и испанская национальные историографии преимущественно занимаются анализом имеющихся у них памятников. Лидирующая в области изучения истории древнего Рима вообще и земельного права в частности, итальянская историография примечательна и с точки зрения источниковедения, и с точки зрения выработки концепций. Что касается отечественной историографии данного вопроса, то она достаточно молода, и в принципе она тяготеет к итальянским концепциям.

Что касается непосредственно изучения категорий общественных угодий, то преимущественно внимание исследователей было приковано к совместным пастбищам *ager compascuus* – видимо потому, что они достаточно часто фигурируют в письменных и эпиграфических источниках, особенно архаического периода. Однако стоит отметить, что практически никем из исследователей не затрагивался вопрос, как две похожие категории оказались в кадастре, чем было вызвано их появление и как следует трактовать разницу между ними. Правовое положение лесов и пастбищ, а уж тем более вычленение этих явно общинных категорий из системы общинного землепользования и включение их в кадастр – эти вопросы были

затронуты, пожалуй, только в работе А. Бурдеше. Таким образом, изучение категорий общественных угодий римского земельного права еще представляет собой определенный интерес для исследователя.

Структура исследования

Работа состоит из введения, в котором определены цели и задачи, хронологические рамки и проблематика исследования, охарактеризована источниковая база исследования, дан обзор мировой историографии исследуемого вопроса, основной части из трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Апробация исследования

Основные положения диссертационной работы были представлены в докладах на следующих конференциях: XIX Сергеевские чтения (Исторический факультет МГУ, 2–4 февраля 2015); XVII Жебелевские чтения (СПбГУ, 28–30 октября 2015); «Экономическая история античности в мировой историографии» (МГУ, 29–30 января 2016); III авторско-читательская конференция альманаха «Antiquitas aeterna» «Феноменология античного духа: Актуальные проблемы классической литературы, философии, мифологии, религии и искусства» (ННГУ, 4–6 февраля 2016); международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2016» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 11–15 апреля 2016); LIX международной конференции «Новый век: человек, общество, история глазами молодых» (СГУ, 22–23 апреля 2016); XVIII Жебелевские чтения (СПбГУ, 19–21 октября 2016); XX Сергеевские чтения (МГУ, 31 января – 2 февраля 2017); XIX Жебелевские чтения (СПбГУ, 25–27 октября 2017); «Историк и текст: к 80–летию «Вестника древней истории» (ИВИ РАН, 18–19 декабря 2017); второй научной конференции «Экономическая история античности в мировой историографии» (МГУ, 31 января – 1 февраля 2018), «Индоевропейское языкознание и классическая филология (XXII Чтения, посвященные памяти И.М. Тронского)» (ИЛИ РАН, 18-20 июня 2018 г.), «Sapiens ubique civis MMXVIII» (Сегедский университет, г. Сегед,

Венгрия, 29-31 августа 2018). По теме диссертации опубликовано 9 работ общим объемом 4,3 п.л., из которых 4 – в журналах из списка, рекомендованного ВАК.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Наличие нескольких терминов, используемых для обозначения общественных пастбищ, было обусловлено различными хозяйственными традициями различных областей Апеннинского полуострова. Так, сведения о *pasua publica*, как правило, связаны с южной Италией, географические особенности которой располагали местное население к занятию отгонным скотоводством. *Ager compascuus* представлял собой угоды меньшей площади, но обязательно связанные с земельными наделами, являясь, таким образом, составной частью многопрофильного хозяйства. Поэтому термином *compascua* могут обозначаться различные по своему происхождению типы угодий. Для описания общественных угодий в римских колониях используются оба термина, однако по сути более важным для характеристики этих земель является их правовой статус. Как правило, они либо уступались местным властям, либо оставались землей *rei publicae*. Эти угоды также могли пониматься римлянами как *ager compascuus*, поскольку ими пользовались несколько владельцев расположенных в колонии земельных участков.

2. Использование *pasua publica* во II в. до н.э. регулировалось двумя способами. В начале II века еще действовала древняя норма, ограничивающая выпасы определенным количеством голов скота. Как и аналогичная норма, касавшаяся максимально допустимой площади *agri occupatorii*, она нарушалась, особенно ввиду того, что скотоводство считалось достаточно прибыльным и легким занятием. Очевидно, в этих обстоятельствах начинает распространяться другой способ осуществить контроль за общественными пастбищами – практика взимания платы за выпасы на общественной земле. Такие поля назывались *agri scripturarii*. Помимо всего прочего, эта мера была выгодна публиканам, получавшим на откуп *agri scripturarii*.

3. Одним из результатов гракханской аграрной реформы стало уточнение размеров фонда *ager publicus*, в том числе и в Южной Италии, где традиционным способом ведения хозяйства было отгонное скотоводство. Этот фонд должен был быть использован для земельных раздач. Однако, по свидетельству *libri coloniarum*, далеко не вся земля, размежеванная гракханскими комиссиями, была ассигнована, следовательно, она могла по-прежнему использоваться ее прежними хозяевами, в том числе и для угодий. Мероприятия Гракхов были ориентированы в основном на решение проблем частных хозяйств и не касались вопроса об использовании *pasua publica*.

4. Аграрным законом 111 г. до н.э. было установлено количество голов для бесплатного выпаса скота на всех категориях общественных угодий – и на *ager compascuus*, и на *pasua publica*. С одной стороны, это положение было призвано защитить мелких собственников, с другой стороны, оно создавало гарантии для развития более крупного скотоводства. Ограничения на количество скота на общественных угодьях были сняты, и размер стад стал определяться исключительно способностью хозяина платить за использование пастбищ. Очевидно, именно с этим связан расцвет скотоводства в I в. до н.э.

5. Особым было положение угодий, сформированных на размежеванных площадях: техническая ясность способствовала формированию ясности в отношении экономического и юридического аспектов использования размежеванных земель. К концу I в. до н.э. была окончательно выработана система ветеранской колонии: были уточнены её отдельные элементы (ширина и правила нумерации лимитов, определен их статус как общественных дорог, введены штрафы за их порчу и за сдвиг межевых камней), а также выделены категории земель, передаваемые в частную собственность. Земли, не передаваемые в частную собственность, пополняли фонд общественных угодий. Отрезки – *subseciva* – использовались ближайшими соседями под *compascua*, под угодья также могли использоваться земли, уступленные колонии. Они защищались от произвольного захвата законами колоний.

6. Право выпаса на угодьях колонии – *ius pascendi* – основывалось на владении участком земли на её территории, поэтому юристы часто обозначают его как *ius fundi*. Владелец участка имел право доступа либо к ближайшим к его участку и небольшим по своему размеру угодьям – *compascua*, либо к более обширным *silva et pascu*. *Ius pascendi*, обусловленная собственностью на участок, тесно связано с правом, на котором основывался доступ к *ager compascuus* во II в. до н.э.

Глава 1. Основные категории общественных сельскохозяйственных угодий в конце II в. до н.э.

1.1. Общественные пастбища на *ager publicus*

При изучении категорий общественных сельскохозяйственных угодий нельзя не обратиться к вопросу об угодьях на *ager publicus*. *Ager publicus* является, несомненно, самой известной древнеримской категорией земель, сыгравшей немаловажную роль в истории римской *civitas*. Достаточно вспомнить, что каждая попытка пересмотреть вопрос об ее использовании приводила к политическим конфликтам – между патрициями и плебеями в эпоху ранней Республики, между сторонниками и противниками гракханских реформ. Естественно ожидать, что часть земель *ager publicus* использовалась под общественные угодья, общие леса и выпасы. Рассмотрим вопросы о способах использования *ager publicus*, о наличии на нем сельскохозяйственных угодий, о том, получили ли такие пастбища какое-либо оформление посредством римского межевания.

1.1.1. *Ager publicus*: состав и способы использования

Вопрос о возникновении *ager publicus* достаточно сложен¹⁵. Нарративная традиция считает пополнение фонда *ager publicus* в эпоху Республики результатом завоеваний. Ливий говорит об *ager publicus* как о земле, «взятой у врагов» (Liv. IV.51.6: *sed ne uacuum quidem agrum, nuper ex hostibus captum*). Дионисий неоднократно сообщает о земле, которая стала общественной землей римского народа, поскольку была отнята у побежденных общин (Dion. Hal. V.43.2; VIII.35.2;

¹⁵ В современной историографии до сих пор являются дискуссионными проблемы, связанные с происхождением общественной земли, её составом, формированием представлений о её принадлежности всему римскому народу. В целом, исследователи сходятся во мнении, что на конец III - II вв. пришелся ключевой этап формирования представлений об *ager publicus populi Romani* [Rathbone, 2003; Sacchi, 2005].

X.37.4). Даже спорную пограничную землю ардеян и арицийцев римляне посчитали общественной землей римского народа на том основании, что они некогда воевали в этой области, и спорная земля могла входить во владение побежденных ими Кориол (Liv. III. 71. 6; Dion. Hal. XI. 52. 1–3)¹⁶.

Наши представления о способах использования общественной земли в эпоху Республики базируются на более поздних источниках. Это, в первую очередь, известный фрагмент из 7-й главы I книги «Гражданских войн» Аппиана, предшествующий описанию аграрной реформы Тиберия Гракха: в нем Аппиан кратко характеризует принципы, на основании которых использовался римский *ager publicus*, и аграрный кризис, который стал причиной гракханских реформ. Быть может, менее известны, но не менее важны сведения римских землемеров; в частности, мы находим попытку систематического описания способов использования *ager publicus* в трактате Сикула Флакка «О статусе полей». Эти источники, датирующиеся II в. н.э., стремятся представить относительно развернутую концепцию использования общественной земли в некое «стародавнее» время: ни Аппиан, ни Сикул Флакк не уточняют время возникновения описываемых ими реалий. Исследователи давно отметили структурное сходство этих двух фрагментов [Hermon, 2006 (1), p. 187], попытаемся проанализировать их более детально.

В научной литературе можно встретить полярные оценки сведений Аппиана: они иногда признаются вполне достоверными [Gabba, 1958, p. 14] или же как сплошной фикцией, не имеющей ценности исторического источника [Кончаловский, 1923, с. 42, 53]. Нам близка позиция В.И. Кузицина, который отмечал, что, при верно обозначенных основных тенденциях, Аппиан привносит в свое описание современные ему реалии II в. н.э. [Кузицин, 1960, с. 60–61; Кузицин, 1973]. В

---

¹⁶ Впрочем, историография неоднократно подвергала эти сведения Ливия сомнениям [de Ruggiero, 1883, p.109-110; Gruen, 1986, p. 100].

первую очередь, В.И. Кузищин установил анахроничность сведений о распространенности во II в. до н.э. крупных рабовладельческих хозяйств, мы же обратим внимание на описание самих принципов использования римского *ager publicus*.

Согласно сведениям Аппиана, завоеывая Италию, римляне конфисковали часть земли, основывали на ней колонии или посылали колонистов в уже существующие города (App. b.c. I.7: Ῥωμαῖοι τὴν Ἰταλίαν πολέμῳ κατὰ μέρη χειρούμενοι γῆς μέρος ἐλάμβανον καὶ πόλεις ἐνῳκίζον ἢ ἐς τὰς πρότερον οὔσας κληρούχους ἀπὸ σφῶν κατέλεγον). Эти меры, в особенности отправка на завоеванные земли колонистов, должны были способствовать установлению контроля за недавно подчиненными территориями. Пригодную для обработки землю римляне распределяли между поселенцами – продавали или сдавали в аренду (App. b.c. I.7: τὴν μὲν ἐξχειρασμένην αὐτίκα τοῖς οἰκίζομένοις ἐπιδηήρουν ἢ ἐπίπρασκον ἢ ἐξεμίσθουν), необрабатываемую же из-за войн землю они предлагали возделывать желающим при условии уплаты десятой части зерна и пятой части плодов от ежегодного урожая; также была определена плата для выпасающих крупный и мелкий скот (App. b.c. I.7: ἐλεκήρυττον ἐν τοσῶδε τοῖς ἐθέλουσιν ἐκπονεῖν ἐπὶ τέλει τῶν ἐτησίων καρπῶν, δεκάτη μὲν τῶν σπειρομένων, πέμπτη δὲ τῶν φυτευομένων. ὄριστο δὲ καὶ τοῖς προβατεύουσι τέλη μειζόνων τε καὶ ἐλαττόνων ζώων).

В первую очередь, заметно, что Аппиан в этом пассаже переоценивает частоту выведения колоний. Действительно, римляне расценивали их как форпосты своего могущества в регионах: так, Цицерон в своей второй речи об аграрном законе Сервилия Рулла специально подчеркивал, что римские колонии – это не просто города Италии, но оплот римской власти (Cic. leg. agr. II.73: *esse non oppida Italiae, sed propugnacula imperi viderentur*) [Broadhead, 2007, p. 149]. Именно поэтому любая попытка их выведения должна была долго обсуждаться и подготавливаться (Cic. leg. agr. II.73–74). Количество колоний зависело от особенностей региона, поскольку колонии могли вызвать недовольство местных жителей [Harris, 1971, p. 160]. Более

того, для выведения поселенцев совершенно не обязательно было основывать именно колонии – зачастую достаточно было просто земельных раздач, без организации колонии, представлявшей собой самостоятельную гражданскую общину. Действительно, после окончания Второй Пунической войны было предпринято массовое выведение римских колоний на земли, конфискованные у предавших римлян союзников (Liv. XXXI. 4. 1-3), однако это был первый такой случай в римской истории¹⁷.

Вторая особенность изложения Аппиана, которая кажется нам примечательной, заключается в том, что у Аппиана весь фонд *ager publicus* сразу оказывается включенным в сельскохозяйственный оборот, а его использование – контролируемым римской *civitas*: даже неплодородные земли сдаются в аренду. Естественно, что целью пассажа Аппиана является подведение к началу гракханских реформ, объяснение ситуации, в которой эти реформы понадобились. С его точки зрения, социальный кризис был вызван тем, что «богатые» захватили много неразмежеванной земли (App. b.c. I.7: οἱ γὰρ πλούσιοι τῆσδε τῆς ἀνεμήτου γῆς τὴν πολλὴν καταλαβόντες). Таким образом, несмотря на то, что в схеме Аппиана нет земли, не задействованной в сельском хозяйстве и не контролируемой римской общиной, в его повествовании все-таки появляется неразмежеванная земля. Можно предположить, что частично этот неразмежеванный *ager publicus* мог представлять собой выпасы, поскольку участки для сельского хозяйства должны были быть размежеваны, пусть и самым примитивным образом.

Обратимся к анализу пассажа Сикула Флакка. Его трактат «О статусах полей» посвящен описанию различных категорий земель. Сикул Флакк начинает с объяснения разницы между колонией и муниципием с одной стороны, и

---

¹⁷ Это обстоятельство говорит в пользу предположения Т. Франка, согласно которому аппианово описание способов использования общественной земли характеризует ситуацию, наступившую после окончания Второй Пунической войны [Frank, 1933, p. 113]. К проблеме интерпретации сведений Аппиана мы вернемся в главе 2.

префектурой – с другой (CAR. S. 98). Описывая условия выведений колоний, он излагает свои представления об использовании *ager publicus*:

Ut uero Romani omnium gentium potiti sunt, agros ex hoste captos in uictorem populum partiti sunt. alios uero agros uendiderunt, ut Sabinorum ager qui dicitur quaestorius, eum limitibus actis diuiserunt, et denis [quibusdam] quibusque actibus laterculis quinquagena iugera incluserunt, atque ita per quaestores populi Romani uendiderunt. postquam ergo maiores regiones ex hoste captae uacare coeperunt, alios agros diuiserunt adsignauerunt: alii ita remanserunt, ut tamen p(opuli) R(omani) <terri>toria essent; ut est in Piceno, in regione Reatina, in quibus regionibus montes Romani appellantur. nam sunt p(opuli) R(omani) <terri>toria, quorum uectigal ad aerarium pertinet. (CAR, S. 100)

«Ибо римляне действительно победили все народы, поля, захваченные у врагов, делились между победившим (т.е. римским) народом. Другие же поля продавали, как Сабинское поле, которое зовется квесторским: его актуарными лимитами разделили, выделив участки по пятьдесят югеров с помощью «кирпичиков» по десять актов,¹⁸ и таким образом через квесторов римского народа продали. Поскольку большие регионы, захваченные у врага, пустовали, одни поля разделили и ассигновали (т.е. передали поселенцам – М.К.), другие так и остались, как если бы они были территорией римского народа. Так есть в Пицене, в регионе Реацина, в котором горы называются Римскими, поскольку они – территория римского народа, с которой вектигаль идет в эрарий».

И Аппиан, и Сикул Флакк начинают рассказ об общественной земле с ее завоевания, однако для Сикула Флакка выведение колоний не является обязательной мерой, предпринимаемой сразу же для установления контроля над территорией; о

---

¹⁸ Сикул Флакк имеет в виду, что участок, который получился после межевания, по форме своей напоминает кирпич (*laterculus*), то есть прямоугольник.

выведении колоний он сообщает только после упоминания о том, как земли *in victorem populum partiti sunt* или же были частично проданы квесторами.

Что Сикулл Флакк подразумевал под фразой *in victorem populum partiti sunt*? Как видно из дальнейшего повествования, этой фразой описываются *agri occupatorii*, поскольку именно эта категория земель возникала в результате распределения завоеванной земли между теми, кто принимал участие в ее завоевании:

Singuli[s] deinde terram, nec tantum occupauerunt quod colere potuissent, sed quantum in spe colendi reseruauere. [hi ergo agri occupatorii dicuntur] (CAR, S. 101).

«Затем отдельные лица удержали за собой не столько земли, сколько могли обработать, но в надежде на обработку. [Поэтому эти поля называются оккупированными]»

Occupatorii autem dicuntur agri, quos quidam arcifinales uocant, [hi autem arcifinales dici debent.] quibus agris uictor populus occupando nomen dedit (CAR, S. 102).

«Оккупированными же называются поля, которые некоторые называют арцифинальными. [Ведь те (поля) арцифинальными должны называться,] которым победивший народ дал имя, оккупируя их».

На материале этих отрывков можно сделать вывод, что *agri occupatorii* – это поля, которые были разделены между теми, кто принимал участие в завоевании новых земель, причем каждый занимал участки, которые надеялся обработать. Эти поля были *arcifinii*, т.е. обведены особым типом границы (см. далее), и этот тип границы был настолько характерен для такого типа полей, что названия их стали восприниматься как синонимы.

В целом, эта интерпретация материала Сикула Флакка находит свое подтверждение при обращении к трактату Гигина Старшего:

Arcifinal<e>s agri dicuntur qui arcendo, hoc est prohibendo, uicinum nomen acceper<un>t.

Occupat<o>ri<i> uero ideo hoc [est] uocabulo utuntur, quod, uicini urbium populi seu possessores, cum adhuc nihil limitibus terminaretur, praesumptione certaminis cum de

locis aduersum se repugnant<e>s agerent, quo usque pulsi uel cedere<n>t uel restitisse<nt>, uictoriae terminus fieret, uictos aut praesidium collis aut riui interstitium aut fossae munimen resistere pateretur et hoc genere naturae aut cursus docti secu<rae> perpetuitatem possessionis eff<i>cer<e>nt. (CAR, S. 78)

«Арцифинальными зовутся поля, которые получили имя при сдерживании, то есть при ограждении от соседей.

Ведь оккупированные поля потому пользуются этим названием,¹⁹ что соседи городов, народы или владельцы, когда еще никакими лимитами не межевали (землю), действовали упорным боем, когда за места друг против друга сражались. Чтобы впредь изгнанные или ушли, или остановились, появлялся (пограничный) знак победе: побежденных, очевидно, удерживала или преграда холма, или промежуток реки, или ограда канала и такой род природы или же указанный ход (границы) создавали непрерывность надежного владения»

Тот факт, что землемеры обращают внимание на *agri occupatorii*, примечателен: очевидно, остатки древних *agri occupatorii* еще можно было встретить во II в. н.э., поэтому для землемеров важно отметить особенности оформления этих полей, а именно – наличие лишь особого типа арцифинальной границы, закрепленной постановкой межевых камней – терминов²⁰.

Арцифинальными полями называются поля, «сдерживающие соседей», то же самое можно сказать и об оккупированных полях, на которых устанавливается арцифинальная граница. В тексте Гигин сообщает, что «памятником победе», т.е.

---

¹⁹ Т.е. также называются иногда арцифинальными.

²⁰ И Плутарх (Plut. Num. 6), и Дионисий Галикарнасский (Dion. Hal. II.74.4) связывают культ Термина – бога границ - и саму постановку терминов с именем царя Нумы Помпилия. Дионисий говорит даже, что Нума отделил не только римскую землю от чужой, но и частную от общественной. Скорее всего, термины действительно начали ставиться уже при царях, но, естественно, терминам как элементу римской агрименсуры предстояло пережить определенную эволюцию [Гвоздева, Гвоздева, 2014, с. 250-252].

успешному захвату земли, был термин. Чуть выше в том же трактате им приводится образец надписи, фиксирующей арцифинальную границу: *inscripta territoria ita ut EX COLL<ICVL>O QVI APPELLATVR ILLE, AD FLVMEN ILLVD, ET PER FLVMEN ILLVD AD RIVVM ILLVM aut VIAM ILLAM, ET PER VIAM ILLAM AD INFIMA MONTIS ILLIVS, QVI LOCVS APPELLATVR ILLE, ET INDE PER IVGVM MONTIS ILLIVS IN SVMM<VM> ET PER SVMMVM MONTIS PER DIVERGIA AQVAE AD LOCVM QVI APPELLATVR ILLE, ET INDE DEORSVM VERSVS AD LOCVM ILLVM, ET INDE AD COMP<I>TVM ILLIVS, ET INDE PER MONVMENTVM ILLIVS AD²¹ locum unde primum coepit scriptura esse. (CAR, S. 74).*

«Территория подписана так, что ОТ ХОЛМА, КОТОРЫЙ ЗОВЕТСЯ ТАК–ТО, ДО РЕКИ ТАКОЙ–ТО, И ЧЕРЕЗ РЕКУ ТАКУЮ–ТО К РУЧЬЮ ТАКОМУ–ТО или ДОРОГЕ ТАКОЙ–ТО, И ЧЕРЕЗ ТАКУЮ–ТО ДОРОГУ К ПОДНОЖЬЮ ГОРЫ ТАКОЙ–ТО, ЭТО МЕСТО НАЗЫВАЕТСЯ ТАК–ТО, И ЗАТЕМ ПО СКЛОНУ ГОРУ ТАКОЙ–ТО К ВЕРШИНЕ И ЧЕРЕЗ ВЕРШИНУ ГОРЫ, ЧЕРЕЗ ВОДОПАД К МЕСТУ, КОТОРОЕ ЗОВЕТСЯ ТАК–ТО, И ЗАТЕМ ОБРАТНО К МЕСТУ ТАКОМУ–ТО, И ЗАТЕМ К ПЕРЕКРЕСТКУ, И ЗАТЕМ ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ ТАКОЕ–ТО К месту, откуда первоначально начиналось описание».

Д. В. Дождев обращает внимание, что не всегда понятно, говорят ли агрименсоры о завоевании земли у соседнего народа или об установлении границ с соседними владельцами [Дождев, 1996, с. 200–201]. Действительно, Гигин, говоря, об арцифинальных полях, пишет, что арцифинальная граница была создана, чтобы отгородиться от соседей, определяя оккупированные поля, он ставит в один ряд «народы» и «владельцев». С точки зрения же А. Бурдесе, в данном фрагменте нет противоречий, поскольку под «владельцами» можно понимать и «народы» [Burdese, 1952, p. 18]. Очевидно, что речь здесь идет о достаточно древних временах, когда,

---

²¹ С точки зрения издателей текста, набранная заглавными буквами фраза является примером надписи из плана колонии, в рукописях это место никак не выделено.

как отмечает сам Гигин Старший, землю еще не межевали лимитами и понятия «соседние народы» и «враги» были тесно переплетены, а владельцами могли выступать крупные роды, ведущие пограничные войны²² [Покровский, 1998, с. 36]. Очевидно, именно внутри родового коллектива производился раздел земли: на это указывает сам характер границы, которая выделяла *agri occupatorii*. Арцифинальная граница ориентировалась на особенности рельефа и дополнительно была закреплена постановкой межевых камней – терминов. Такой способ обозначения границы удобен для выделения достаточно больших пространств,²³ которые едва ли мог обработать один человек, но не очень подходит для выделения на местности небольших участков.

Таким образом, в отличие от Аппиана, Сикул Флакк начинает с описания самого древнего способа использования захваченной земли – оккупирования ее теми, кто принимал участие в её завоевании. Затем он говорит об *ager quaestoriis* – общественной земле, которая была размежевана и продана (*vendere*) квесторами,²⁴ считаясь при этом принадлежащей римскому народу (*CAR, S. 78*). В данном отрывке Сикул Флакк обращает внимание на особенности межевания таких полей на участки

---

²² В качестве примера подобной войны можно привести легендарное столкновение между римлянами и сабинянами: Плутарх в биографии Ромула сообщает, что большая часть земли сдавшихся римлянам сабинских городов была разделена между гражданами Рима (*Plut. R. XVII*). Очевидно, в ходе аналогичной войны был практически полностью уничтожен род Фабиев, выступивший против Вей (*Liv. II.50.11; Dion. Hal. IX.22*). О том, что в пограничной войне отметился один из предков Октавиана Августа, сообщает в его биографии Светоний (*Suet. Aug. 1*).

²³ Примечательно, что аналогичным описанием границ пользовались греки при указании границ между полисами, границ священными участками, см., например, надпись *IG IX 1².1.188*. В большинстве своем эти границы фиксировались в результате судебного разбирательства [*Rousset, 1994, p. 114*].

²⁴ Землемеры неоднократно упоминаются квесторские поля (*CAR, S. 78, 88, 94, 100*), однако представляется, что это сюжет для отдельного исследования.

по 50 югеров, достаточно нехарактерные для римлян. В целом, Сикул Флакк заключает, что из массы земель, принадлежащих *res publica*, часть земли была «размежевана и ассигнована», т.е. передана частному лицу, а другая часть так и осталась «землей римского народа».

Таким образом, два источника акцентируют разные аспекты использования общественной земли. Аппиана интересует прежде всего экономический аспект. В его версии римляне абсолютно рациональны в своем подходе к общественной земле: на ней основываются колонии как римские форпосты в завоеванной местности, все остальное сдается в аренду, следовательно, служит для пополнения доходов римской *civitas*; ему важно подчеркнуть несправедливость действий тех, против кого была направлена аграрная реформа. Сикула Флакка (и других землемеров) предсказуемо больше интересуют различные типы межевания. Связь общественной земли с конкретными владельцами выражается средствами агрименсуры. Самый древний тип землевладения, созданный на *ager publicus* – *agri occupatorii* – был выделен арцифинием, особые типы межевания использовались при передаче земли в собственность колонистам и при сдаче её в аренду. Что же касается пустующей земли, то она в описании Сикула Флакка лишена каких-либо признаков вмешательства римской агрименсуры и сохраняет свой статус *rei publicae*. Примечательно, что намек на неразмежеванные земли содержится и у Аппиана – именно они становятся объектом захвата со стороны «богатых».

Источники свидетельствуют о выделении некоторой части земли под общественные угодья еще в царскую эпоху. По сообщению Цицерона, еще Анк Марций разделил завоеванные земли, а прибрежные леса объявил общественным (Cic. r.p. II.33: *quosque agros ceperat, divisit et silvas maritimas omnis publicavit, quas ceperat*). Учитывая, что он же основал колонию Остию, которая, скорее всего, как любая колония, была основана на *ager publicus*, можно предположить, что фонд *ager publicus* мог существовать с еще с царских времен, более того – часть его, как

упомянутые приморские леса²⁵, не была передана частным лицам посредством оккупации, но сохраняла статус *publicus*. Древесина из этих лесов использовалась для кораблестроения (*Aur. Vic. vir. ill. V.2: siluas ad usum nauium publicauit*).

Если вернуться к интересующему нас периоду, то следует отметить, что в начале II в. до н.э. фонд *ager publicus* значительно увеличился за счет массовых земельных конфискации у союзников, предавших римский народ в ходе Второй Пунической войны (см. об этом более подробно параграф 1.1.2). При этом мы достаточно точно осведомлены о том, что часть этой земли использовалась под общественные пастбища. Так, по сведениям Ливия, в 185 г. до н.э. в Апулии имели место волнения рабов-пастухов, которые разбоями подвергали опасности дороги и общественные пастбища (*Liv. XXXIX.29.9: qui vias latrociniis pascuaque publica infesta habuerunt*).

Таким образом, более поздние нарративные источники сообщают о разных способах использования общественной земли в республиканскую эпоху. Для Аппиана более принципиально создать образ рациональной системы использования земли, которую своим вмешательством разрушают те, против кого направлены гракханские реформы, Сикулл Флакк исследует использование общественной земли с точки зрения римской агрименсуры – изменения ее правового статуса, который маркируется установлением того или иного типа границы. У Аппиана, несмотря на то, что с его точки зрения, *ager publicus* либо передавался колонистам, либо сдавался в аренду, причем, арендная плата была установлена даже за выпасы, есть упоминание «неразмежеванной земли», которая была и стала объектом захвата. Что касается Сикула Флакка, то и в его время на территории Италии существовала земля, которая так и осталась «территорией римского народа». Особого типа границы она не имела. Таким образом, общественные угодья образовывались на землях, которые

---

²⁵ В данном отрывке Цицерона речь идет о Месийском лесу, о его присоединении упоминает также Ливий (*Liv. I. 33. 9*).

представляли собой *ager publicus* в чистом виде. Еще в древнейшую эпоху статус *publicus* присваивался лесам. В интересующую нас эпоху количество земли, отведенной под общественные сельскохозяйственные угодья, должно было вырасти. Более конкретно этот вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе.

1.1.2. Случай элогия из Поллы

Данные нарративной традиции зачастую помогает проиллюстрировать эпиграфика, указывающая на конкретные примеры упоминаемых в письменных источниках земельных категорий, локализованные во времени и пространстве. В так называемом элогии из Поллы (CIL X 6950 = CIL I² 638 = ILS 23 = ILLRP 454 = AE 1956, 149 = AE 2008, 264 = AE 2011, 96) (см. рис. 1) содержится, как принято считать, одно из самых ранних упоминаний общественной земли [Carlsen, 2009, p. 20], и, что еще более важно для нашей темы, ее использования под выпасы. Эта надпись была обнаружена в конце XV века в небольшом городе Полла, расположенном в области Валло-ди-Диано – долине реки Танагро. Камень с надписью был вмурован в фасад таверны, где и оставался вплоть до 1934 г., когда для него был сооружен отдельный каменный постамент. Верхняя часть камня отбита, таким образом, не сохранилось начало надписи, которое должно было содержать имя ее автора и его должность. Надпись представляет собой фрагмент милового столба, на котором также были перечислены другие залуги лица, отвечавшего за сооружение дороги, поэтому эта надпись и была названа «элогием». М. Адамо не так давно предложил другое определение: *lapis triumphalis* – надпись, целью которой является прославление деяний установившего её магистрата [Adamo, 2016, p. 76]. Дошедший до нас текст выглядит следующим образом:

[...] / *viam feci ab Regio ad Capuam et / in ea via ponteis omneis miliarios / tabelariosque poseivei. Hince sunt / Nouceriam meilia LI Capuam XXCIII / Muranum LXXIII Cosentiam CXXIII Valentiam CLXXX [...] ad fretum ad / statuam CCXXXI [...] Regium CCXXXVII. / Suma ad Capua Regium meilia CCCXXI [...] / et eidem praeter in /*

Sicilia fugiteivos Italicorum / conquaeisivei redideique / homines DCCCCXVII eidemque / primus fecei ut de agro poplico / aratoribus cederent paastores / forum aedisque poplicas heic fecei²⁶

«[...] / построил дорогу от Регия до Капуи и / на этой дороге все мосты, милевые столбы / и табеларии²⁷ поставил. Отсюда / до Нуцерии 51 миля, до Капуи 84 / до Мурана 74, до Козентии 123, до Валенции 180 [...], до пролива до / статуи²⁸ 231 [...], до Регия 237 / Всего от Капуи до Регия 321 [...] / И также, будучи претором на / Сицилии, беглых рабов италиков / собрал и вернул / 917 человек. И также / первый сделал (так), чтобы с общественной земли / ради земледельцев ушли пастухи / Форум и общественные здания здесь построил»

Таким образом, у нас есть достаточно информативный по своему содержанию текст, работа с которым крайне осложняется отсутствием сведений об авторе и, как следствие, точной датировки. При исследовании *ager publicus* II в. до н.э. не менее важны вопросы, где находилась земля, о которой идет речь, каким образом она стала общественной и почему ее автор обращает первостепенное внимание на смену ее владельцев (переход от пастухов к земледельцам).

---

²⁶ Язык надписи довольно архаичен, в частности, обращает на себя внимание систематическое выделение долгих гласных (*paastores*, замена *i* на *ei* в случае его долготы), о вместо *u* (*poplico* вместо *publico*). Подробный фонетический анализ см. у А. Эрну [Эрну, 1950, с. 291]. Однако, языковые особенности не позволяют датировать элогий точнее, чем II в. до н.э., поскольку, несмотря на определенные фонетические процессы середины II в. до н.э. (в частности, замену *ei* на *i*), более архаичное написание сохранялось вплоть до конца II в. и даже в более позднее время [Карасева, 2003, с. 17].

²⁷ Табеларии, очевидно, представляли собой небольшие камни прямоугольной формы, поставленные между милевыми камнями.

²⁸ С точки зрения Э. Вармингтона, имеется ввиду место под названием *Columna Regina* [Warmington, 1940, p. 151].

Об авторстве надписи в литературе было высказано несколько предположений. Долгое время единственной была версия Т. Моммзена, изложенная им при публикации надписи в CIL, и до сих пор она остается распространенной среди историков. Отождествив упомянутый в надписи форум с имеющимся на Певтингеровой карте²⁹ Форумом Попилия, он предложил считать автором надписи Публия Попилия Лената, сицилийского претора 135 г. до н.э., консула 132 г. до н.э., известного противника Тиберия Гракха. Однако, в 1950–х гг. дискуссия возобновилась – это было связано с более систематическими раскопками, предпринятыми в области, где была найдена надпись. Так, итальянский археолог В. Бракко обратил внимание на надпись с именем Тита Анния,³⁰ найденную близ Вибона Валенции – одного из населенных пунктов, через который проходила дорога от Регия до Капуи. В. Бракко предложил считать автором надписи консула 153 г. Тита Анния Луска, основываясь на упоминании Саллюстием Форума Анния в Лукании (через него пролегал маршрут Спартака) и сведениях о проходящей на юге Италии *via Annia* [Bracco, 1954; Bracco, 1962]. Т.П. Вайзман предложил считать автором надписи другого Анния – Тита Анния Руфа – консула 128 г., основываясь на том, что он мог быть претором на Сицилии [Wiseman, 1954; Wiseman, 1969]³¹.

---

²⁹ Певтингерова карта представляет собой карту мира, изготовленную, судя по палеографическим данным, в XII–XIII вв., однако по своей форме и содержанию восходящую к римскому времени [Подосинов, 1994, с. 63].

³⁰ AE 1955, 191 = AE 1956, 148 = ILLRP 454a = CIL I² 4 2936: CCLX / T(itus) Annius T(iti) f(ilius) / pr(aetor).

³¹ Отметим, что появление гипотезы об авторстве Тита Анния (Луска или Руфа) отнюдь не привело к исчезновению точки зрения об авторстве Попилия Лената. Среди принимающих авторство Попилия Лената, были Г. Радке [Radke, 1967], Ф.Т. Хинрикс [Hinrichs, 1967; 1969], А. Тойнби [Toynbee, 1965, p. 670], Дж. Манганаро [Manganaro, 1980, p. 437]. В настоящее время этой точки зрения придерживается Р.В. Лапыренко [Lapryonok, 2012, S. 107; Лапырёнок, 2016, с. 198]. Примечательно, в частности, аргументы, Ф.Т. Хинрикса, указывающего на возможность

Четвертую гипотезу сформулировал Ж. Вербрюгге. С его точки зрения, поскольку в надписи речь идет о том, что *ager publicus* перешел земледельцам, автора надписи следует искать среди первых членов грахканской комиссии, из которых он выбирает Аппия Клавдия Пульхра, консула 143 г., а дорогой, которая была построена автором надписи, считает *via Appia* [Verbrugge, 1973]. Эта версия в свое время встретила с довольно энергичной критикой³².

Одна из последних попыток найти автора элогия принадлежит Ф. Канали де Росси [Canali de Rossi, 2007], однако предложенная им датировка I в. до н.э. и версия о составлении надписи Гнеем Помпеем поддержки большинства исследователей не получили³³. Его предположение, резко порывающее с уже существующими

существования двух Форумов в разных местах дороги и одной *via Appia* на юге Италии. Среди сложностей, связанных с кандидатурой Анния, он упомянул и то, что на милевом камне из Вибона Валенции упомянут претор Тит Анний, автор же надписи претором уже не был, к тому же, будь он претором на Сицилии, неясно, как в его компетенцию могло бы входить строительство дороги на юге Италии [Hinrichs, 1969, S. 253-254].

³² В частности, было указано на неправильный перевод Ж. Вербрюгге сведений итинерария Антонина [Cantarelli, 1980, p. 958]. Л. Бургхардт, исходящий из предположения, что скорее всего автор надписи в момент ее установки являлся консулом, указал, что в свое консульство Аппий Клавдий вел войну на севере Италии с салассарами и едва ли мог в то же время руководить постройкой дороги на юге [Burckhardt, 1989, S. 6]. Последний контраргумент можно подвергнуть сомнению – строительными работами на месте могли руководить младшие магистраты [Pečary, 1968, S. 45].

³³ Уже при первом взгляде на гипотезу Ф. Канали де Росси в ней можно заметить ряд слабых мест: упоминание италиков естественнее ожидать от эпохи, предшествующей Союзнической войне, язык надписи достаточно архаичен для I в. до н.э. В целом, было бы странно предполагать, что дорога, построенная таким достаточно прославившимся человеком, как Гней Помпей, никак не оказалась бы отражена в источниках. В своей статье Ф. Канали ди Росси справедливо указывает на логические противоречия, которыми страдают уже сформулированные гипотезы об авторстве и

построениями, можно трактовать как свидетельство определенной усталости от традиционных путей поиска автора элогия, поскольку ни один из них не дал однозначного решения. В статье С. Бернарда, С. Дэймона и С. Грея [Bernard, Damon, Grey, 2014], посвященной элгию, вопрос об авторстве надписи в принципе не ставится – авторы статьи ограничиваются принятием традиционной датировки концом II в. до н.э., что, впрочем, не мешает им обратить внимание на некоторые характеризующие автора надписи детали.

Оригинальное предположение об авторстве надписи выдвинул в своей статье М. Адамо [Adamo, 2016]. Он, как и Ф. Канали ди Росси, оспаривает датировку надписи 130-ми годами, указывая, что для этого нет никаких оснований. С его точки зрения, датировать надпись следует 150–140 гг. до н.э., а упоминаемые в ней сведения являются результатом аграрной реформы, предпринятой Гаем Лелием. По сведениям Плутарха, он предпринял попытку провести аграрную реформу, однако, почувствовав сопротивление, прекратил свою деятельность (Plut. Tib. Gracch. 8)³⁴. Упомянутый *ager publicus*, с точки зрения Адамо, располагался на Сицилии.

Таким образом, до единства мнений относительно авторства и датировки элогия из Поллы еще по-прежнему далеко. Отметим основополагающую роль гипотезы Моммзена, в скорректированном виде до сих пор распространенной среди исследователей. Именно Моммзен выделил два крупных события в римской истории, с которыми большинство ученых пытаются связать своих кандидатов на авторство надписи – первое сицилийское восстание рабов и реформы братьев Гракхов. Частично и очень осторожно этому возражают Берnard, Дэймон и Грей; решительно с этим не согласны Канали де Росси и Адамо.

датировке, однако его собственная гипотеза строится скорее на многочисленных допущениях, чем на аргументах.

³⁴ Строго говоря, сведений о каких-либо практических действиях Лелия у нас нет, и это ослабляет доказательную базу данной гипотезы.

Еще раз проанализируем данные надписи. В наибольшей степени нас, разумеется, будет интересовать фраза о земле, которая перешла от «пастухов» к «земледельцам». Существен не только вопрос о времени, когда произошли эти события, но и о том, где находилась эта земля – на Сицилии, где автор надписи был претором, или на территории Италии.

Неизвестный магистрат сообщает, что, будучи претором на Сицилии, собрал и вернул беглых «рабов италиков». Исходя из этого, Моммзен сделал вывод, что автор надписи был претором на Сицилии во время первого сицилийского восстания рабов. Поимку и возврат хозяевам рабов следовало бы ожидать в начале или конце восстания, а не в его середине, когда, по сведениям античных источников, на Сицилии было создано целое государство под руководством раба Эвна, провозгласившего себя царем Антиохом. По гипотезе Моммзена, Публий Попилий Ленат мог быть претором в 135 г. – в год начала восстания (хотя его датировка спорная)³⁵. Эта дата устанавливается Моммзеном логически, поскольку Ленат должен был «успеть» стать консулом в 132 г. до н.э. – об этом факте его биографии мы осведомлены достаточно точно [Broughton, 1951, p. 497].

Можно заметить, что в тексте надписи *буквально* о подавлении рабского восстания не говорится: автор лишь сообщает, что он собрал и вернул 917 рабов их хозяевам-италикам. На мысль о том, что описываемые события происходили в условиях рабской войны, способно навести упоминаемое в надписи количество рабов. Впрочем, для Сицилии 917 рабов, к тому же принадлежащих, судя по тексту надписи, разным хозяевам – это не такая уж большая цифра, особенно если сопоставить ее с имеющимися в нарративной традиции сведениями о количестве

---

³⁵ Дж. Прэг, специально исследовавший вопрос о римских магистратах на Сицилии, не включает П. Попилия Лената в список римских преторов на Сицилии, однако по той причине, что он основывается на трактовке элогия из Поллы, предложенной Т. Вайзманом – сторонником гипотезы об авторстве Т. Анния Руфа [Prag, 2007, p. 300].

участников восстания Эвна. По сообщению Флора, число принимавших участие в первом сицилийском восстании рабов исчислялось десятками тысяч: восстание Эвна собрало сначала две тысячи «из встречных» (*ex obviiis*), а потом и вовсе шестьдесят тысяч (Flor. III.19.6), лидер Второго Сицилийского восстания Афенион собрал армию не меньшую, чем его предшественник (Flor. III.19.10). По сведениям Диодора Сицилийского, в самом начале восстания, разразившего из-за жестокости одного из рабовладельцев, рабов было около 400 человек, однако через три дня их было уже 6 000 (Diod. XXXIV–XXXV.2). При сравнении с данными Флора и Диодора количество рабов, упомянутых в надписи, кажется не таким уж большим, а заслуга – довольно сомнительной для политика, чье преторство пришлось на год начала восстания. Можно также предположить, что, если бы в надписи шла речь о разгроме рабского восстания, это было бы отражено в ней буквально: как заметил А. Бернштейн, рабские восстания были для римлян редкостью,³⁶ и первое сицилийское восстание, начавшееся с поражений, нанесенных рабами римской армии, должно было шокировать современников [Bernstein, 1978, p. 72]. Таким образом, нет каких-либо оснований для предположения, что автор надписи был претором на Сицилии именно во время первого сицилийского восстания.

Гипотеза о том, что упомянутая в надписи общественная земля находилась на Сицилии, насколько нам известно, впервые была сформулирована А. Тойнби в его фундаментальной монографии, посвященной последствиям Пунических войн [Toynbee, 1965, p. 213]. Он обратил внимание на события, происходившие в конце первого сицилийского восстания рабов: на Сицилию был отправлен консул Публий Рупилий (консул 132 г. до н.э., коллега Публия Попилия Лената). С точки зрения А. Тойнби, пока Рупилий воевал, Ленат занимался постройкой дороги от Капуи до

---

³⁶ Отчасти это мнение основано на том, что Флор, пытаясь найти в римской истории аналог сицилийским восстаниям, обнаруживает его лишь в событиях 460 г. до н.э., когда сабинский военачальник Гердоний с помощью отряда рабов пытался захватить Рим (Flor. III.19.2).

Регия. После победы над рабами Рупилий занялся обустройством Сицилии – с его именем связано появление *lex Rupilia* (Cic. 2 Verr. II 32, 34, 37–40, 42, 44, 59, 90, 125; Val. Max. VI 9, 8). Тойнби выдвинул гипотезу, согласно которой *lex Rupilia* предполагал определенные изменения в области землевладения, а именно те, что описаны в надписи из Поллы – передачу части *ager publicus*, используемого в качестве пастбища, зависимым земледельцам. Публий Попилий Ленат же в своей надписи намекает, что это он был автором идеи аграрной реформы и даже начал воплощать ее в жизнь во время своего преторства. Не так давно, эта точка зрения получила дополнительную поддержку. По наблюдениям Бернарда, Дэймон и Грея, термин *aratores*, употребляющийся в надписи, редко используется для обозначения земледельцев. Чаще всего его употребление можно встретить у Цицерона (около 200 раз) в речах против Верреса, при этом речь идет о зависимых земледельцах [Bernard, Damon, Grey, 2014, p. 966–967]. Из этого делается вывод, что в элогии из Поллы имелись в виду сицилийские земледельцы. С точки зрения Адамо, именно Сицилия накануне рабских восстаний страдала от засилья скотоводов, а элогий из Поллы отражает желание римской элиты обосноваться на острове и наладить там товарное земледелие [Adamo, 2016, p. 86–88].

Главная проблема, которая возникает при анализе данных точек зрения, – это сложность вопроса о социально-экономическом развитии Сицилии во II в. до н.э. Дело в том, что письменные источники об истории острова этого периода достаточно немногочисленны и противоречивы. Так, Диодор Сицилийский в качестве причины первого восстания называет концентрацию на Сицилии больших масс рабов, с которыми плохо обращались их хозяева: часть этих рабов была пастухами и промышляла разбоем (Diod. XXXIV–XXXV.2.2). Автор, оставивший наиболее подробные сведения об истории римской Сицилии – Цицерон – во-первых, изображает ее быт в I в. до н.э., во-вторых, не может считаться полностью объективным в силу специфической цели его речей против Верреса. По меткому наблюдению М. Финли, перед Цицероном стояла задача описать Сицилию как

благодатный край, который за три года правления Верреса превращается в пустыню [Finley, 1979, p. 157–158]. Цицерон выступает как выразитель интересов мелких землевладельцев, которые страдают от произвола Верреса. Таким образом, в письменных источниках существует Сицилия Цицерона, Сицилия мелких землевладельцев, и Сицилия Диодора – Сицилия хозяев крупных поместий.

С точки зрения современных исследователей, латифундиальные хозяйства складывались постепенно, путем земельных конфискаций; фонд общественной земли изначально составили сельскохозяйственные угодья, участки, конфискованные в разных городах у противников Рима, царские земли [Soraci, 2016, p. 76–78]. Доподлинно известно, что земля Леонтин стала общественной землей, однако в этой области была исключительно плодородная почва [Сизов, 1985, с. 42], и возникает вопрос, насколько рационально было использовать ее в качестве пастбища. Практика взимания на Сицилии десятины – натурального налога, который был введен еще законом Гиерона и не изменился принципиально при превращении Сицилии в римскую провинцию (Cic. 2 Verr. II. 33: *decumanos lege frumentaria, quam Hieronicam appellant*; II.147: *ut nostri magistratus posthac decumas lege Hieronica vendant*) [Finley, 1979], также не убеждает в том, что на Сицилии когда-либо притеснялось земледельческое население. В конце концов, те сведения о законе Рупилия, которые у нас есть благодаря Цицерону, указывают на то, что в основном он регулировал вопросы судопроизводства и не предполагал вмешательства в земельные отношения³⁷ (Cic. 2 Verr. 2.2.32–44). В конце концов, манипуляции с общественной землей не входили в обязанности претора Сицилии, поскольку его непосредственной задачей было отправление правосудия. Регулирование земельных

---

³⁷ Так, с точки зрения Дж. Манганаро, говорить о вмешательстве римлян в экономическую жизнь острова до эпохи Верреса не приходится. С его точки зрения, система землевладения на Сицилии с приходом римлян принципиально не изменилась: на это указывает и то, что все рабовладельцы, упомянутые источниками, носят греческие имена [Manganaro, 1980, p. 436-438].

отношений входило в круг обязанностей пропретора, и с этой точки зрения могла бы иметь под собой логическое основание гипотеза об авторстве Тита Анния Руфа, однако его пропреторство на Сицилии не предполагало строительство, тем более форума и общественных зданий на территории Италии.

Терминологический аргумент Бернарда, Дэймон и Грея не может иметь решающего значения, что, кстати, признают и сами авторы. Действительно, *arator* достаточно редко употребляется в источниках. С другой стороны, мы находим употребление этого слова в одной из од Горация (*Hor. Carm. I.4: ac neque iam stabulis gaudet pecus aut arator igni*), где *arator* – это просто пахарь, без всякого сицилийского контекста. Что касается употребления этого термина в «Верринах», на которое ссылаются авторы гипотезы, то совершенно не обязательно, что и в данном случае латинское *arator* имело значение «зависимый земледелец». Так, с точки зрения Т. Франка, *arator* в «Верринах» Цицерона – это просто перевод греческого *γεωργός*: так, собственно, и должны были называть земледельцев на Сицилии [Frank, 1927, p. 143], т.е. этот термин едва ли можно признать специфическим, отражающим исключительно сицилийские реалии.

Таким образом, с нашей точки зрения не существует неоспоримых аргументов в пользу того, что общественная земля, упомянутая в надписи, находилась на территории Сицилии и события, описываемые в элогии, были связаны с изменениями в использовании местного *ager publicus*. С одной стороны, такое решение вероятно, поскольку мы знаем о распространении там скотоводства (пусть и не можем сказать, в каком масштабе). С другой стороны, у нас нет свидетельств о реформе землевладения на Сицилии, также ее невозможно было осуществить с помощью полномочий претора.

Сторонники того, что упомянутый в надписи *ager publicus* находился на территории Италии, связывают события, описанные в надписи с гракханскими реформами. Однако и в рамках данного направления в историографии можно найти две позиции, причем они зависят от того, какое, с точки зрения конкретного

исследователя, отношение имел автор надписи к гракханским реформам. Дело в том, что и Попилий Ленат, и Тит Анний Руф были известными противниками Гракхов. Ряд исследователей [Hinrichs, 1967; Hinrichs, 1969 (2); Burckhardt, 1989; Лапыренко, 2016] в связи с этим развили идею о том, что существовала так называемая «сенатская программа», которая предполагала проведение земельных раздач в пику гракханским. Начиная с Ф.Т. Хинрикса, авторы связывают эти раздачи со строками закона 111 г. до н.э., которые сообщают о существовании категории т.н. придорожных жителей. С их точки зрения, придорожные жители получали участки на *ager publicus*, который оставался после постройки общественных дорог³⁸. Иной взгляд представлен в работе Ж. Вербрюгге. С его точки зрения, автор надписи должен был быть участником первых гракханских комиссий; вероятно, это был Аппий Клавдий Пульхр [Verbrugge, 1973, p. 33]. В пользу этой гипотезы могут свидетельствовать найденные в районе Валло-ди-Диано камни с именами членов гракханской комиссии (CIL I² 2932, 2932a, 2933).

Аргумент, основанный на тексте закона 111 г. до н.э., имеет одну слабую сторону. Дело в том, что, ссылаясь на категорию придорожных владельцев, мы апеллируем к существующей реконструкции текста закона, небезупречной в плане аргументации. В 12 строке сохранились буквы *..asiei*, начало слова осталось неизвестным из-за лакуны. Восстановление [*..vi*]asiei М. Кроуфорд, автор одного из последних изданий, объясняет тем, что больше никакое латинское слово сюда не подходит [Crawford, 1996, p. 160]. Однако, как заметил Т. Пекари, такого слова в латинском языке в конце II в. до н.э. уже не было: процесс ротацизма закончился много раньше, в IV веке до н.э., поэтому оно уже должно было звучать как *viagiei*. Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие каких-либо других сведений о данной категории населения для какой бы то ни было эпохи [Pekary, 1968, S. 69], как

---

³⁸ Как сообщает Ульпиан, общественная дорога – это та дорога, которая построена на общественной земле (Dig. XLIII.8.2.21).

и о неких сенатских земельных раздачах в целом. Таким образом, эти построения могут быть верными, но только в том случае, если мы признаем обоснованными достаточно большое количество допущений, на которых эти рассуждения строятся.

Что касается гипотезы об участии автора элогия в работе гракханской комиссии, то в самом его тексте нет никаких упоминаний о функционировании комиссии для раздела полей, о проведенных ассигнациях – тогда как это была бы важная для составителя надписи информация. К тому же, если мы допустим, что автор надписи – член гракханской комиссии и речь идет о раздаче земель, то непонятно, причем здесь явное противопоставление пастухов и земледельцев (на которое справедливо обращают внимание Бернارد, Дэймон и Грей) [Bernard, Damon, Grey, 2014, p. 964]. По сведениям нарративной традиции, гракханские ассигнации проходили на излишках *ager publicus*, конфискованных у их владельцев после возобновления нормы о земельном максимуме (*App. b.c. I.10; Plut. Tib.Gracch. 9*). В надписи нет акцента на то, что речь идет о конфискации *ager occupatorius*, но есть только противопоставление земли, используемой земледельцами, земле, используемой пастухами, причем земледелию явно отдается предпочтение перед скотоводством.

Таким образом, аргументы в пользу связи событий, описанных в элогии, с гракханскими реформами также не очень убедительны. Возможна ли иная трактовка упомянутых в надписи фактов? На наш взгляд, возможна.

Как было показано выше, соотнесение событий, описываемых в надписи, с сицилийским восстанием рабов и гракханскими реформами, предложенное еще Т. Моммзенем, весьма популярно среди исследователей, однако напрямую не следует из текста надписи. Другая возможная локализация событий, упомянутых в надписи, связана со временем постройки дороги. До сих пор исследователи не задавались вопросом, когда могло понадобиться сооружение дороги с именно таким маршрутом. В большинстве случаев в качестве причин строительства дорог в эпоху Республики исследователи называют экономические и военные, однако конкретный

ответ на вопрос как правило связан с условиями строительства конкретной дороги [Schneider, 1982, S. 24]. Тойнби считал, что дорога Капуя–Регий понадобилась для быстрой переброски войск в сторону Сицилии, в частности, для подавления там рабских восстаний. Вайзман и Буркхардт заметили, что для быстрой переброски войск следовало бы строить дорогу вдоль побережья, поскольку вести войска по Луканским горам было бы достаточно неудобно [Wiseman, 1964, p. 34; Wiseman, 1969, p. 90; Burckhardt, 1989, S. 13]. Едва ли это замечание справедливо: дорога от Капуи до Регия не была построена вдоль побережья, очевидно, из-за технической сложности. Первая дорога в этом районе, идущая по побережью – *via Domitiana* – была построена в 95 г. н.э. и даже тогда воспринималась современниками как своеобразное торжество технического прогресса [Frederiksen, 1984, p. 18]. Л. Буркхардт отметил, что сама Лукания была достаточно проблемной областью – возможно, что дорога была проведена для лучшего контроля над этой областью.

В сущности, все исследователи, принимающие гипотезу о строительстве дороги Капуя–Регий в конце II в. до н.э., соглашаются с фактом, что Рим вплоть до этого времени не имел сухопутных связей с Южной Италией. С точки зрения Т.Б. Вайзмана, дорога была длительное время не нужна, поскольку хватало морского сообщения [Wiseman, 1964, p. 34]. Однако морское сообщение не всегда удобно и безопасно, особенно зимой. Отметим также, что часто строительство дороги было связано с включением новых областей в орбиту римского влияния. Так, строительство *via Valeria* в 306 г. до н.э. очевидно было связано с колонизацией *Alba Fucens*, *via Aemilia* – с основанием колонии Бонония (187 и 189 гг. соответственно) [Wiseman, 1964, p. 23]. Не логичнее ли в таком случае отнести проведение трассы Капуя–Регий к более раннему времени, чем конец II в. до н.э.?

К мысли о том, что дорога должна была быть построена раньше, приводят следующие обстоятельства. В первую очередь, эта дорога не засвидетельствована археологически – она не была вымощена брусчаткой, как большинство римских дорог [Bracco, 1962, p. 449]. Как известно, в XIX в. строительство железных дорог

разрушило многие дороги римского времени, ибо зачастую их маршруты совпадали [Radke, 1964, S. 206], однако и сейчас дороги с таким маршрутом не существует. Для воссоздания маршрутов римских дорог исследователи часто пользуются сведениями позднеантичных карт и дорожных путеводителей, в их числе – итинерарий Антонина, Бурдигальский итинерарий, «Космография» Равеннского Анонима и, конечно, Певтингерова карта, на сведения которой и сориентировался Моммзен. Однако, как достаточно убедительно показало исследование Э. Руофф–Вянянен, ни один средневековый итинерарий или карта не упоминает дорогу от Регия до Капуи, маршрут которой совпадал бы с данными элогия [Ruoff–Väänänen, 1975, p. 93]. В самом деле, эта дорога была достаточно неудобна и не пользовалась популярностью в древности – на это указывают отзывы сатирика Луцилия и Цицерона, которые путешествовали в этих местах. По их оценке, путь был тяжелым, дорога грязной и скользкой (Luc. sat. III.109: *praeterea omne iter est hoc labosum atque lutorsum*; Cic. Att. III.2: *iter esse molestum scio*). Учитывая, что большей частью дорога Капуя–Регий должна была идти по горным склонам, это не удивительно.

Рассмотрим маршрут дороги более подробно. Путь от Капуи к Нуцерии предсказуем, поскольку Нуцерия – важный стратегический пункт, контролирующий подступы к Салерну. До сих пор через Нуцерию (совр. Ночера) проходит большая часть железнодорожного и автомобильного трафика в южную Италию [Frederiksen, 1984, p. 2]. Сам Салерн почему-то не упомянут, поэтому сложно сказать, в какой точке дорога начинает уходить от побережья в горы. Большая часть дороги идет именно через горы, и единственный упоминаемый на этом отрезке населенный пункт – это тот самый форум, который построил неизвестный автор надписи.

С точки зрения Руофф–Вянянен, в надписи речь идет не о форуме как о судебно–административном центре, а о форуме как о площади. В качестве доказательства она указывает на употребление глагола *facere* Августом в RGDA, где речь идет о сооружении новой площади в Риме; в случае обустройства форума как административного центра чаще используется глагол *constituere* [Ruoff–Väänänen,

1978, p. 12]. С нашей точки зрения, сооружение площади и общественных зданий совершенно не обязательно исключает организацию форума как административно–правового центра. Для нас более важно, впрочем, то, что кроме этого форума в надписи вплоть до Мурана, находящегося уже в долине р. Сибарис, не упоминается ни один населенный пункт. Из последующих городов особенный интерес представляет Валенция, или Вибон Валенция – колония, основанная в 192 г. до н.э. (Liv. 35, 40, 5) – и не только потому, что эта она дает *terminus post quem* для времени создания надписи.

Земельную политику римлян в этом регионе в начале II в. до н.э. можно описать как подведение итогов Второй Пунической войны. Основным источником об этом времени является труд Ливия, в котором большей частью описываются военные действия на Севере Италии и в Македонии, однако и его сведений достаточно, чтобы охарактеризовать политику римлян в Лукании. Предавшие римлян в ходе Второй Пунической войны общины были наказаны превращением части их земель в *ager publicus*. Опасность повторного предательства с их стороны, очевидно, ощущалась: Публий Сульпиций, отстаивая необходимость войны с Македонией, указывал на возможное повторное предательство луканов и бруттийцев в случае, если война будет на территории Италии (Liv. XXXI. 7. 12). Конфискация земли в такой ситуации давала возможность, во-первых, подорвать экономическое влияние этих общин, во-вторых вывести на эти земли римские поселения, упрочив таким образом влияние в регионе. По сведениям Ливия, сразу после окончания войны городским претором было назначено десять человек, в обязанности которых входило перемерить отошедшие Риму земли в Самнии и Апулии и раздать их ветеранам (Liv. XXXI, 4, 1–3). Примечательно, что речь в данном отрывке идет не об основании колонии, а, скорее всего, о виританских ассигнациях³⁹ (Liv. XXXI, 4, 1: de

---

³⁹ Это способ раздачи участков, при котором для поселенцев не создавалось самостоятельного административного центра, как в случае с основанием колоний [Salmon, 1969, p. 14-15].

agris veterum militum). На это же указывает и тот факт, что децемвиры назначают городской претор. Для организации общественной жизни таких поселенцев необходимо было создание форумов. Одним из таких форумов мог являться форум, упомянутый в надписи. Колония Вибон Валентия основывается позже, в 192 г. до н.э., и очевидно, что ее основание было продиктовано военными целями: известно, что она использовалась как порт, из которого суда также отправлялись в Македонию (Liv. XXXI, 3, 3–4). В таких условиях было бы естественно ожидать и постройку дороги. Она послужила бы средством связи с римским населением этих областей и сухопутным путем к стратегически важной новой колонии.⁴⁰

Таким образом, упоминавшийся в надписи *ager publicus* мог быть землей, конфискованной в начале II в. до н.э. у луканов и бруттийцев в наказание за предательство во времена Второй Пунической войны. Дорога, о которой сообщает надпись, также могла быть построена в первой половине II в. до н.э. Ее строительство было в состоянии обеспечить контроль над недружественным римлянам населением и связь с недавно выведенной колонией⁴¹ Вибоном Валенцией, использовавшейся как военный порт в период войны с Македонией. В конфискованные земли не были выведены колонии, однако, скорее всего, часть их была перераспределена между римскими переселенцами путем виританских

Конкретных сведений о географии ассигнаций начала II в. до н.э. практически нет [Brunt, 1971, p. 281-282].

⁴⁰ То, что дорога должна была обеспечивать контроль за этой местностью, отмечал Буркхардт, однако по его мнению, контроль этот был необходим для подавления восстаний рабов [Burckhardt, 1989, S. 5].

⁴¹ Роль дороги как способа связи римских колоний и метрополии, отмечает в своей работе и Адамо, однако он не уточняет, какие с какими именно колониями Риму требовалось установить связь в середине II в. до н.э. [Adamo, 2016, p. 95-96]

ассигнаций. Именно для координации общественной жизни этого населения и мог понадобиться форум, о сооружении которого и сообщается в надписи.

Разумеется, не весь конфискованный *ager publicus* был передан в частные руки – большая его часть, скорее всего оставалась пустовать и использоваться под пастбище, пока не понадобилась для поселенцев. Валло-ди-Диано – одна из немногих плодородных равнин в этом район. Она окружена горами, в которых и обитало местное население – луканы, жившие в основном скотоводством, поскольку именно к этому занятию наиболее всего располагал местный ландшафт [Pareti, 1997, p. 23]. В этой связи становится понятно, откуда, с одной стороны, в описании Сикула Флакка появляется неразмежеванная земля, а с другой стороны у Ливия – небезопасные общественные пастбища. В этой связи интересны заключения археологов, исследовавших следы римского межевания в Сабине, регионе, также отмеченном распространением скотоводства. Сетка римского межевания там перекрывает скотоводческую дорогу [Camerieri, Mattioli, 2013, p. 334]. Очевидно, что римляне таким образом вмешивались в сложившиеся в регионе земельные отношения, что должно было привести к определенным конфликтам между ними и местным населением.

Сведения элогия из Поллы, таким образом, корректируют сведения Аппиана и доказывают, что данные землемеров об использовании *ager publicus* более историчны. Как сообщает Сикул Флакк, большая часть общественной земли оставалась пустовать и, как мы видим из элогия, могла использоваться желающими под выпасы. Картина, созданная Аппианом, предполагающая, что римляне сразу же пускали в оборот всю завоеванную землю и максимально ее капитализировали, выглядит слишком оптимистичной. Очевидно также, что выпасы могли осуществляться и на потенциально пахотной земле. Валло-ди-Диано была одной из немногих долин с плодородной землей в этой области, и в этом смысле неудивительно, что неизвестный проконсул ставит себе в заслугу то, что с этой земли были изгнаны

пастухи, ведь пахотной земле можно найти и более достойное применение, чем пастбище.

Таким образом, фонд общественной земли римского народа пополнялся в результате завоеваний. Несмотря на то, что имелось достаточно много возможностей использовать *ager publicus*, эта земля отнюдь не всегда полностью распределялась между частными владельцами. Как сообщают источники, общественный статус мог сохранить лес, поскольку в его использовании были заинтересованы многие хозяева, встречаем мы и упоминания больших общественных пастбищ – *pasqua publica*. Распространение этой категории связано с окончанием Второй Пунической войны, когда многие земли были конфискованы в фонд *ager publicus*. Имеющийся у нас эпиграфический памятник – элогий из Поллы – сообщает, скорее всего, о распространении именно таких пастбищ. Предпосылкой для их существования были особенности данной местности, располагавшей к отгонному скотоводству. Оно было основным занятием местного населения. На данном этапе можно выдвинуть гипотезу, согласно которой небольшие пункты, населенные римлянами, контролировали ситуацию в этом регионе, вполне вероятно, что не всегда успешно. Сообщения Ливия о пастухах, облюбовавших дороги и общественные пастбища для грабежей, также создают картину достаточно больших массивов общественной земли, контроль за использованием которых не отличался строгостью.

1.2. Угодья общин: *ager compascuus*

Помимо угодий на *ager publicus* источники также сообщают о существовании другого типа пастбищ – *ager compascuus*. В основном землемеры описывают «поля для совместного выпаса», образованные на размежеванной территории ветеранской колонии. Однако примечательно, что эти пастбища имели свои региональные особенности. Так, землемер Юлий Фронтин, говоря о разных типах земельных споров (контроверсий), рассматривает среди прочих спор *de proprietate*. Сутью спора является решение вопроса о том, кто из соседей имеет право доступа к лесу, находящемуся, «как в Кампании, далеко от обрабатываемых полей, за четвертым или пятым соседом» (*CAR*, S. 6):

est et pascorum proprietas pertinens ad fundos, sed in commune; propter quod ea compascua multis locis in Italia communia appellantur, quibusdam provinciis pro indiviso.

«есть и собственность на пастбища, которая относится к имениям, но является общей, вследствие чего те совместные пастбища во многих местах Италии общими (*communia*) называются, в некоторых провинциях они являются неразделенными».

Данный фрагмент сообщает о наличии «во многих местах Италии» пастбищ *compascua*, которые связаны с земельными участками и являются общими для нескольких соседей. Аналогичные *compascua* возникают и в провинциях на размежеванных землях. Особое название таких выпасов на территории Италии заставляет предположить их потенциально древнее, не связанное с проведением межевания происхождение, что и подтверждается источниками эпохи Республики.

1.2.1. Категории земель покоренных общин: случай сентенции братьев Минуциев

Ager compascuus редко упоминается в нарративных источниках и, в целом, эти упоминания не позволяют реконструировать какие-либо особенности этой категории полей. Цицерон упоминает *ager compascuus*, чтобы объяснить значение

приставки *com/n*, и приводит пример: «Если поле для совместного выпаса, есть право выпасать вместе» (*Cic., Top., III. 12: Si compascuus ager est, ius est compascere*). По своей структуре этот пример напоминает правовую норму, однако он слишком лаконичен, и сложно сделать на его основании какие-либо выводы об иных, кроме совместного использования, характеристиках этой категории. Однако, несмотря на то, что данные нарративной традиции явно недостаточны, мы можем сформировать представление об *ager compascuus* во II в. до н.э., основываясь на эпиграфическом материале. С одной стороны, он исчерпывается одной⁴² надписью – датируемым 117 г. до н.э. судебным решением братьев Минуциев или, как ее еще часто называют, Польчеверской таблицей (*CIL I² 584 = CIL VI 29793 = ILS 5946 = ILLRP 517 = AE 1955, 223 = AE 1997, 244 = AE 2003, 671 = AE 2004, 570 = AE 2006, 54 = AE 2013, 126 = AE 2013, 540*) (см. рис. 2). С другой стороны, в отличие от «элогия из Поллы», датировка этого памятника и локализация описанных в нем событий не вызывают особенных сложностей. Упоминаемые в этой надписи общины, топонимы и гидронимы неоднократно становились предметом исследования. Мы же в данной работе обратим внимание на земельно-правовое оформление совместного пастбища и попытаемся ответить на вопрос о распространенности этого явления в других районах Италии.

Надпись была обнаружена в 1506 г. в долине реки Польчеверы [*Bianchi, 1996, p. 64*]. Текст надписи представляет собой решение братьев Квинта и Марка Минуциев по поводу земельного спора между кастеллом⁴³ лангенов витуриев и жителями Генуи:

---

⁴² Данные аграрного закона 111 г. до н.э. характеризуют изменения в использовании этой категории и рассматриваются отдельно, см. параграф 2.3.1.

⁴³ Лигуры в те времена жили в деревнях и на хуторах, кастелл же – укрепленное поселение, не место жительства большинства кастеллариов, но скорее центр защиты в случае опасности; также мог выполнять административные функции [*Sereni, 1955, p. 380-381, 396*].

Q. M. Minucieis Q. f. Rufeis de controversiis inter / (2) Genuateis et Veturiis in re praesente cognoverunt, et coram inter eos controversias compositiverunt, / (3) et qua lege agrum possiderent et qua fineis fierent dixserunt. Eos fineis facere terminosque statui iuserunt / (4) ubi ea facta essent, Romam coram venire iuserunt.

«Квинт и Марк Минуции Руфы, сыновья Квинта, о споре между / (2) генуатами и ветуриями на месте происшествия провели расследование, и лично между ними споры разрешили / (3) и по какому закону полем владели и по какому границы были, сказали. Те границы провести и термины поставить приказали, / (4) как только это было сделано, / приказали лично приехать в Рим».

Необходимо кратко коснуться предшествующей истории этого региона, чтобы прояснить причины земельного спора и роль римлян в его решении. По одной из гипотез, сама Генуя могла быть основана витуриями, однако с ростом и развитием города связи между генуатами и витуриями ослабли [Cauvin, 1987, p. 24]. По сведениям Ливия, в 205 г. до н.э. Генуя была взята Магоном, переправившимся туда из Испании (Liv. XXVIII. 46. 8). Очевидно, что в ходе военных действий город был разрушен: так, мы знаем о восстановлении Генуи в 202 г. до н.э. претором Спурием Лукрецием (Liv. XXX. 1. 10). Ливий также сообщает, что, будучи в Генуе, Магон пытался вызвать мятеж среди лигурийских племен, очевидно, надеясь сыграть на каких-то межплеменных противоречиях. Ливий упоминает, что во время пребывания Магона в этой области между собой вели войну ингавны, жившие на побережье к северу от Генуи, и эпантерии (Liv. XXVIII. 46. 8), однако, чем была вызвана война и как ее исход мог повлиять на позиции Рима в этом регионе, не сообщается. Известно, впрочем, что в 197 г. до н.э. Квинт Минуций Руф вел войну с лигурами, в результате которой из лигурийских племен не было подчинено только племя ильватов (Liv. XXXII. 29. 5). Очевидно, лангены витурии должны были оказаться среди покоренных племен. Такая ситуация могла повлечь за собой пересмотр границ разных категорий земель, поскольку, как известно, побежденные общины часто

наказывались отъемом земли. В 148 г. до н.э. была сооружена *via Postumia*⁴⁴ (Рис. 3), соединявшая Геную с Дертоной⁴⁵, находившейся уже в Паданской долине, а затем – с Плацентией и Кремоной. Как известно, общественная дорога должна была сооружаться исключительно на общественной земле (*Dig. XLIII.8.2.21*; *Isid. Orig. XV.16.5*), между тем, она частично проходила, как далее будет понятно из текста надписи, через частные земли витуриев. Естественно, что такая ситуация создавала предпосылки для земельной контрверсии [*Sereni, 1955, p. 477*].

Неслучайно для решения этого земельного спора на место событий были направлены братья Минуции – скорее всего, они были потомками воевавшего в этой области Квинта Минуция Руфа [*Gelzer, 1912, S. 90*] и должны были понимать местную специфику. В целом, вмешательство римлян в систему землепользования других общин не ограничивается примером судебного решения Минуциев. Одним из самых ранних таких случаев является решение спора между Нолой и Неаполем: посланный для решения вопроса о границе Квинт Фабий Лабен, консул 183 г. до н.э., убедил стороны не требовать себе лишнего, а оставшуюся после проведения границ землю объявил общественной землей римского народа (*Cic. de off. I.X.33*; *Val.Max. VII.3.4*). Судя по сообщениям нарративной традиции, этот спор ограничивался вопросом о границах владений этих общин. В 168 г. до н.э. сенат разбирал спор между Пизой, к тому времени уже получившей статус римской

---

⁴⁴ Маршрут и цели сооружения Постумиевой дороги, как и в случае с большинством римских дорог, дискуссионны, из относительно недавних исследований на эту тему можно назвать подробную работу Дж. Черра [*Cera 2000*].

⁴⁵ Время основания колонии Дертоны, несмотря на наличие определенных сведений в нарративной традиции, точно не известно (*Vell.Pat. I.15*; *Plin. NH. III.49*). Веллей Патеркул сообщает о спорах по поводу основания Дертоны, происходивших в то же время, что была основана колония Нарбон Марций, т.е. в 110 гг. до н.э., однако поселение на месте Дертоны могло существовать уже во время сооружения *via Postumia* [*Ewins, 1952, p. 54-71*].

колонии, и Луной⁴⁶, поскольку пизанцы жаловались, что римские поселенцы сгоняют их с земли, а луняне – что эту землю им отвели триумвиры. Для решения этой проблемы сенат отправил в эту местность квинквевиров.

Однако, если в случае Луны и Пизы речь шла о controversии между римскими колониями, то данные эпиграфики говорят и об установке римлянами границ между перегринскими общинами⁴⁷. Секст Атилий Серран, консул 136 г. до н.э., как сообщает надпись на межевом камне, найденном близ Вероны, будучи проконсулом приказал по решению сената установить границы и межевые камни между атестинами и викетинами⁴⁸. Почти в той же области, как сообщает надпись, происходящая из Эвганейских холмов, границы и термины между патавинами и атестинами устанавливал проконсул Луций Цецилий⁴⁹.

⁴⁶ Колония Луна была основана в 177 г. до н.э. на землях, конфискованных у лигуров. Каждому из двух тысяч поселенцев был ассигнован участок в 51,5 югера. (Liv. XLI.13.4-5).

⁴⁷ Обращение к римлянам за решением споров между другими общинами в целом не было редкостью, причем разбирались не только вопросы, связанные с землепользованием. Л.Л. Кофанов отмечает роль римского международного суда в упрочении внутренних связей между Римом и союзниками [Кофанов, 2015, с. 67-70].

⁴⁸ CIL V, 2490 = ILLRP 447 = ILS 5945 = AE 1997, 244 = AE 2000, 592: Sex. Atilius M. f. Saranus pro cos. / ex senati consulto / inter Atestinos et Veicetinos / finis terminosque statui iusit.

«Секст Атилий, сын Марка, Серран, проконсул / по решению сената / между атестинами и викетинами / границы и термины приказал установить»

Saranus – древнее написание когномена Серран, зафиксированное также на ранних монетах и надписях (примечание одного из издателей надписи Г. Дессау).

⁴⁹ CIL I² 633 = CIL V 2491 = ILS 5944a = AE 1992, 738 a-b: [L. Caecili]us Q. f. pro cos. / terminos finisque ex / senati consulto statui / iousit inter Atestinos / et Patavinos. «[Луций Цецил]ий, сын Квинта, проконсул / термины и границы по / решению сената поставить / приказал между атестинами / и патавинами.»

(ниже)

Вернемся к судебному решению Минуциев. Спор между лангенами витуриями и генуатами не сводился к контрверсии по одному вопросу: судебное решение рассматривает целый ряд проблем, требовавших как агрименсурного (уточнения границ и установки межевых знаков – терминов), так и правового решения (уточнения режима использования для земель разного правового статуса). Судебное решение, таким образом, 1) давало определение понятию частное поле кастелла Витуриев и устанавливало его границы (ст. 5–13); 2) устанавливало границы «общественного поля, которым владеют лангены» (Ст. 13–23); 3) определяло условия его использования лангенами (ст. 23–28); 4) определяло, кто еще и в каких обстоятельствах может пользоваться этим полем (ст. 28–32); 5) определяло условия использования *ager compascuus* – поля для совместного выпаса (ст. 32–35); б) устанавливало правила выплаты подати (*vectigal*) (ст. 35–36); 7) устанавливало границы лугов на общественной земле лангенов витуриев, одиатов, дектунинов, каватурной и ментовинов (ст. 37–42). Таким образом, круг вопросов, освещаемых в данной надписи, достаточно широк и позволяет реконструировать существовавшую в этой области систему землепользования и место в ней «поля для совместного выпаса».

Данные сентенции о частном поле кастела витуриев следующие:

(5) ...*Qua ager privatus casteli Vituriorum est, quem agrum eos vendere heredemque / (6) sequi licet, is ager vectugal. nei siet.*

L. Caecilius Q. f. pr / o cos. [ex] terminos / finisque ex senati / consulto statui iusit / inter Atestinos / Patavinosque

«Луций Цецилий, сын Квинта пр/оконсул термины / и границы по сената / решению поставить приказал между Атестинам и Патавинами.»

[Ex] – ошибка резчика. Из текста надписи неясно, о каком Луции Цецилии идет речь - о Луции Цецилии Метелле Кальве, консуле 142 г. до н.э, или о Луции Цецилии Метелле Диадемате, консуле 117 г. до н.э.

«(5) ...Где частное поле кастелла Витуриев, то поле они продавать и наследнику / (6) передавать могут, то поле не будет вектигальным полем».

Основной характеристикой частного поля кастелла была возможность продажи и наследования, также за его использование не взималась подать – вектигаль. *Privatus*⁵⁰ в данном случае означает лишь неподконтрольность этой земли римскому государству, о развитости частной собственности внутри этой общины это определение ничего не говорит [Sereni, 1955, p. 490]. По мнению Э. Серени, в какой-то степени этот *ager privatus* должен был быть сконструирован самими римлянами, которые должны были после поражения лигуров конфисковать часть их земель в фонд *ager publicus* [Sereni, 1955, p. 491]. Это влияние римского землепользования и аграрно-земельных институтов проявляется и при установлении границ частной земли:

(6) ...*Langatium fineis agri privati. Ab rivo infimo, qui oritur ab fontei in Mannicelo ad flovium / (7) Edem; ibi terminus stat. Inde flovio suso vorsum inflovium Lemurim. Inde flovio Lemuri susum usque ad rivom Comberane. / (8) Inde rivo Comberanea susum usque ad comvalem Caepiemam; ibi termina duo stant circum viam Postumiam. Ex eis terminis recta / (9) regione in rivo Vendupale. Ex rivo Vindupale in flovium Neviascam. Inde dorsum fluio Neciasca in Flovium Procoberam. / Inde / (10) flovio Procoberam deorsum usque ad rivom Vinelesca / (11) ibei terminus stat propter viam Postumiam. Inde alter trans viam Postumiam terminus stat. Ex eo termino, quei stat / (12) trans viam Postumiam, recta regione in fontem in Manicelum. Inde deorsum rivo, quei oritur ab fonte en Manicelo, / (13) ad terminum, quei stat ad flovium Edem.*

«(6) ...Границы частного поля лангетов. От нижнего ручья, который начинается от источника в Манникеле к реке / (7) Эду; там стоит термин. Оттуда вдоль по течению к реке Лемурису. Оттуда вдоль по течению Лемуриса вплоть до

---

⁵⁰ Тем не менее, само появление этого термина в латинских эпиграфических памятниках конца II в. может быть расценено как важный этап в процессе оформления квирильской собственности на землю [Сакки, 2016 (2), с. 37].

ручья Комберане. / (8) Оттуда по течению ручья Комберана вплоть до долины Камптиемы; там два термина стоят вокруг (на обеих сторонах) Постумиевой дороги. От этих терминов по прямой / (9) линии к ручью Вендупалу. От ручья Виндупала к речке Прокобере. От / (10) реки Прокоберы вниз вплоть до ручья Винедеска / (11) там термин стоит у Постумиевой дороги. От того термина, который стоит / (12) через Постумиеву дорогу, по прямой линии к источнику в Маникеле. Отсюда вниз к ручью, который начинается от источника в Маникеле, / (13) к термину, который стоит у реки Эд».

Перед нами классическое описание арцифинальной границы. Как видим, она сориентирована течениями рек и ручьев. Попытки реконструировать упомянутые границы предпринимались исследователями еще в XIX в. Эти попытки осложнялись прежде всего тем, что большая часть упомянутых в надписи гидронимов лигурийского происхождения. В современной историографии, очевидно, удачную попытку предпринял Э. Боккалери [Voccaleri, 1989; Voccaleri 1996] (рис. 4). Что касается межевых камней, то скорее всего текст на них должен был быть схожим с надписью на термине Секста Аттилия Серрана, т.е. включать указание на то, в связи с чем они были установлены и (в идеальном случае) какую границу отмечают: если в случае термина Серрана это граница между двумя пагами, то здесь – граница частной земли лангенов витуриев.

Ager publicus посвящен следующий пункт сентенции:

(23)...*Quem agrum poplicum / (24) iudicamus esse, eum agrum castelanos Langenses Veituros posidere fruique videtur oportere. Pro eo agro vectigal Langenses / (25) Veituris in poplicum Genuam dent in anos singulos vic(toriatos) n(ummos) CCCC. Sei Landenses eam pecuniam non dabunt neque satis / (26) facient arbitratu Genuatium, <...> tum quod in eo agro / (27) natum erit frumenti partem vicensumam, vini partem sextam Langenses in poplicum Genuam dare debent / (28) in annos singulos.*

«(23–24) Относительно какого поля мы присуждаем, что оно является общественным, то можно, чтобы этим полем жители кастелла лангены витурии

владели и пользоваться плодами (его). За это поле налог лангены (25) витурии в общественную казну Генуи пусть платят ежегодно 400 викториатов⁵¹. Если лангены тех денег не дадут и не сделают достаточно (26) по решению Генуатов, <...> тогда что на этом поле (27) выросло – двадцатую часть хлеба, шестую часть винограда – лангены в общественную казну Генуатов должны дать / (28) ежегодно».

Речь в данном пассаже идет об «общественной земле, которой владеют лангены» (ст. 13: *ager poplicus quod Langenses posident*). Скорее всего, эта земля является общественной землей римского народа, несмотря на отсутствие прямых упоминаний римлян: как отмечал Э. Серени, не стоит забывать, что и следствие по спору между лангенами и витуриями, и фиксация его результатов была произведена по решению римского сената [Sereni, 1955, p. 474]⁵². Скорее всего, право лангенов пользоваться общественной землей нарушалось, поэтому в судебном решении оговаривается, что лангены могут ей владеть (*posidere*) и пользоваться ее плодами. За это с них взимается ежегодный налог – 400 викториатов – в казну Генуи (ст. 26: *in poplicum Genuam in annos singulos vic(toriatos) n(ummos) CCCC*). Если денег нет, можно заплатить в натуральной форме: 1/20 части собранного за год зерна и 1/6 части вина.

Во II в. до н.э. уже существовала категория *modus* – размера участка, призванная, в частности, обеспечить большую ясность при взимании налогов, однако в данном случае *ager publicus* выделен, как и *ager privatus*, арцифинальными

---

⁵¹ Викториат – серебряная монета, чеканившаяся во II в. до н.э. и особенно популярная в Лигурии. Соответствовала $\frac{3}{4}$ денария, название получила из-за изображения на реверсе богини Виктории [Crawford, 1974, p. 7].

⁵² По гипотезе Э. Серени, в данном случае речь идет об *adtributio* этой некогда римской земли Генуе. Стоит, однако, признать, что *adtributio* (как и *contributio*) институт достаточно неясный в силу отсутствия сведений о нем во многих юридических памятниках [Faoro, 2015, p. 155].

границами⁵³, поэтому в данной надписи указана фиксированная арендная плата за пользование общественной землей. Конечно, измерить площадь горного массива было достаточно непростым делом, однако римская агрименсура уже располагала способом – *mensura per extremitatem*, который позволяла измерить площадь любой

---

⁵³ (13) *Agri poplici quod Langenses possident hisce finis videntur esse ubi confluent / (14) Edus et Procobera ibei terminus stat. Inde Ede flovio surs(o) vorsum in montem Lemurino infumo, ibei terminus / (15) stat. Inde sursum vorsum iugo recto monte Lemurino ibei termin(u)s stat. Inde su(r)sum iugo recto Lemurino ibi terminus / (16) stat. In monte pro cavo inde sursum iugo recto in montem Lemurinum summum ibi terminus stat. Inde sursum iugo / (17) recto in castelum quei vocitatust Alianus, ibei terminus stat. Inde sursum iugo recto in montem Ioventionem ibi terminus / (18) stat. Inde sursum iugo recto in montem Apeninum quei vocatur Boplo ibei terminus stat. Inde Apeninum iugo recto / (19) in montem Tuledonem, ibei terminus stat. Inde deorsum iugo recto in flovium Veraglascam in montem Berigiemam / (20) infumo, ibi terminus stat inde sursum iugo recto in montem Prenicum, ibi terminus stat. Inde dorsum iugo recto in / (21) flovium Tulelascam, ibi terminus stat. Inde sursum iugo recto Blustiemelo in montem Claxelum, ibi terminus stat. Inde / (22) deorsum in fontem Lebriemelum, ibi terminus stat. Inde recto rivo Eniseca in flovium Porcoberam, ibi terminus stat. / (23) Inde deorsum in floviom Porcoberam, ubi conflovont flovi Edus et Porcobera, ibi terminus stat.*

Общественного поля, что лангенсы владеют, границы, очевидно, такие. Где стекаются / (14) Эд и Прокобера, там термин стоит. Затем от реки Эд вверх по течению к подножью горы Лемуриин, там термин / (15) стоит. Оттуда вверх прямо к хребту горы Лемуриин, там термин стоит. Оттуда прямо по хребту Лемурина, там термин / (16) стоит на горе перед впадиной. Затем прямо по хребту к подножью горы Лемуриин, там термин стоит. Затем вверх по хребту / (17) прямо к кастелу, который зовется Алианским, там термин стоит. Оттуда прямо по хребту к горе Иовентий, там термин / (18) стоит. Затем прямо по хребту к горе Апенин, которая зовется Бопло, там термин стоит. Оттуда от Апенина прямо по хребту / (19) к горе Туледон, там термин стоит. Оттуда вниз по хребту прямо к реке Верагласка к горе Беригиема / (20) к подножью, там термин стоит. Оттуда вверх по хребту прямо к горе Преник, там термин стоит. Оттуда вниз по хребту прямо к / (21) реке Тулеласка, там термин стоит. Оттуда вверх по хребту Блустиемелу к горе Клаксел, там термин стоит. Оттуда / (22) вниз к ручью Лебриемелу, там термин стоит. Оттуда прямо по ручью Энисеке к реке Поркобере, там термин стоит. / (23) Оттуда вниз к реке Поркобере, где сливаются реки Эд и Поркобера, там термин стоит.

формы⁵⁴. Скорее всего, применения этой процедуры не потребовалось, вероятно, не только в силу нежелания лишней раз применять технические нововведения: упомянутый в надписи *ager publicus* сдавался лангенам витуриям не участками, а как бы целиком арендовался их общиной. Описываемый *ager publicus*, вероятно, некогда был землей лангенов, конфискованной римлянами в ходе завоевания лигуров [Sereni, 1955, p. 475], а затем приписанный Генуе. Если мы сориентируемся на реконструкцию Э. Боккалери (Рис.4), то заметим, что конфискована была большая часть земли пага – около $\frac{3}{4}$, причем конфискованный *ager publicus* окружает частные земли кастелла. Как видно по частому упоминанию горных хребтов, большая часть общественной земли лангенов находилась в горах, однако это была обрабатываемая земля: такой вывод можно сделать на основании того, что в случае отсутствия викториатов, арендную плату можно заплатить из того, что было выращено на этом поле (*quod in eo agro natum erit*).

Итак, указанный *ager publicus* обрабатывался лангенами витуриями, которые платили за его использование арендную плату в общественную казну Генуи. Как видно из дальнейшего текста, условия использования этой земли были таковы, что неминуемо должны были породить конфликт между лангенами и генуатами: с одной стороны, лангены большинством голосов решали, кто, помимо них может обрабатывать эту землю, с другой стороны, беспрепятственный (но, очевидно, как и у лангенов, небесплатный) доступ к ней имели генуаты:

«(28) ...Кто меж тех границ полем владеет, генуат или витурий, кто из них владел в календы секстильные при Луции Цецилии / (29) Квите Муции консулах, можно, чтобы они по-прежнему владели и обрабатывали (землю). Те, кто владел, вектигаль лангенам соразмерно пусть дадут так, как остальные / (30–31) лангены,

---

⁵⁴ Измерение по границе в общем представляло собой что-то вроде современной триангуляции, когда участок делился на многоугольники, площадь которых можно было подчитать [Hinrichs, 1992, S. 351].

которые (из них) в том поле полем владели и пользовались (его плодами). Кроме того, в том поле пусть никто не владеет, если не по решению большинства лангенов витуриев, пока его не введут внутрь (поля?), если (он) не генуат или витурий, для обработки (земли). Кто из них / (32) решением большей части лангенов витуриев таковым не будет, он то поле пусть не имеет и не пользуется (его плодами)»⁵⁵.

Таким образом, несмотря на то, что эта земля была конфискована в фонд *ager publicus*, община лангенов витуриев сохраняет возможность контроля за ее использованием. Она выделяет на этом поле участки для обработки и «соразмерно» собирает с них арендную плату. После решения вопроса о статусе *ager publicus*, которым владеют лангены, следует описание «поля для совместного выпаса».

(32)...*Quei / (33) ager compascuos erit in eo agro quo minus pecus [p]ascere Genuates Veiturosque liceat ita ut ei in cetera agro / (34) Genuati compascuo ni quis prohibeto nive quis vim facito neive prohibeto quo minus ex eo agro ligna materiamque / (35) sumant utanturque*

«Какое поле будет для совместного выпаса, пусть никто не запретит, чтобы генуаты и витурии пасли в том поле скот так, как и в остальном генуатском поле, и никто пусть не применит силу, и не запретит, чтобы с того поля брали и использовали древесину»

Первое, что обращает на себя внимание, – это отсутствие описания границ, которое традиционно следует после упоминания той или иной категории земли. Можно было бы предположить, что границы *ager compascuus* были общеизвестны,

---

⁵⁵ (28)...*Quei intra eos fineis agrum posedet Genuas aut Viturius, quei eorum possedit K(alendis) Sextil(ibus) L(ucio) Ca<e>cilio / (29) Q(uinto) Muucio co(n)s(ulibus) eos, ita possidere colereque liceat e[i]s, quei possidebunt vectigal Langensibus pro portione dent ita uti ceteri / (30) Langenses, qui eorum in eo agro agrum possidebunt fruenturque. Praeterea in eo agro ni quis possideto, nisi de maiore parte / (31) Langensium Veituriorum sentential, dum ne alium intro mitat, nisi Genuatem aut Veiturium colendi causa. Quei eorum / (32) de maiore parte Langensium Veituri(or)um sententia ita non parebit, is eum agrum nei habeto nive fruimino.*

однако форма *erit* заставляет предполагать, что его границы только будут установлены. Из-за отсутствия описания границ неясным остается вопрос о локализации *ager compascuus* и его расположении относительно других земельных категорий. Л. Грасси, сориентировавшись на сведения землемеров о *compascua* колоний, сформированных на *ager publicus*, пришел к выводу, что и *ager compascuus* сентенции должен был входить в *ager publicus* [Grassi, 1864, p. 471]. К этому же заключению в состоянии привести и то, что после описания *ager compascuus* следуют комментарии про время уплаты вектигаля⁵⁶.

Большинство исследователей, впрочем, ориентируются на другие сведения сентенции. Согласно судебному решению, пасти скот на *ager compascuus* имеют право и лангены витурии, и генуаты, причем специально оговаривается, что никто не должен им в этом препятствовать и мешать им брать оттуда лес и древесину (ст. 34: *ligna materiamque*). Таким образом, становится понятна «совместность» использования этого поля – речь идет о пастбище, используемом несколькими общинами. Этот вывод о существовании неких особых межобщинных пастбищ представлен во многих работах, посвященных сентенции⁵⁷.

Основным аргументом сторонников этой точки зрения является указание на то, что *ager compascuus* совместно использовался и генуатами, и лангенами. С одной стороны, само по себе это так, с другой стороны, не стоит забывать, что и обрабатывать землю на общественном поле лангенов витуриев могли и генуаты, и

---

⁵⁶ (35) ...Налог первого года во вторые календы января витурии лангены в общественную казну Генуи дать / (36) должны. Чем до первых календ января лангены пользовались и буду пользоваться, налог (за это) против воли давать не должны

⁵⁷ В мировой историографии эту точку зрения наиболее полно представил в своей известной монографии М. Вебер [Вебер, 2001, с. 391], в отечественной историографии проблемы *ager compascuus* касалась Е.М. Штаерман [Штаерман, 1978, с. 16]. На то, что *ager compascuus* является самостоятельной категорией, указывают и данные закона 111 г. до н.э., в которых говорится, что *ager publicus* не должен быть оккупированным или стать полем для совместного выпаса (см. 2.3.1).

витурии. Если мы допускаем, что *ager compascuus* локализован на *ager publicus*, то, что им могли пользоваться и генуаты, и витурии, выглядит вполне естественным. Кроме того, в самом термине *ager compascuus* нет ничего, чтобы указывало на его особое происхождение⁵⁸.

Помимо поля, на котором вместе выпасают скот генуаты и витурии, существует и «другое поле для совместного выпаса генуатов». Очевидно, спор относительно *ager compascuus* был вызван тем, что генуаты пытались удержать за собой исключительное право пользования *ager compascuus* в случае с землей лангенов витуриев. Далее в надписи упоминаются луга, которые находятся на

---

⁵⁸ *Ager compascuus* / *compascua* практически не встречается вне землемерного контекста. В начале главы уже упоминался фрагмент из «Топики» Цицерона, в котором *ager compascuus* служит примером словообразования (*Cic. Top. III.12*). Со ссылкой на Цицерона этим же примером пользуется оратор Марк Фабий Квинтилиан (*Quintil. Instit. orat. V.10.86: quod compascuum est, compascere licere*).

В литературных источниках можно встретить глагол *compascere*. Его дважды употребляет Варрон, тем не менее, оба этих случая в целом сводятся к выпасанию скота: в первом случае скот просто ест (*compascere*) имеющийся в имении корм (*Varr. rust. 2.pr.5*), во втором случае Варрон советует пасти скот на уже сжатом поле, т.е. на пахотной земле (*Varr. rust. 1. 53*) – таким образом, эти примеры употребления не имеют ничего общего с *ager compascuus* как земельной категорией. Пример *compascere/compascere* также встречается в «Метаморфозах» Апулея (*Apul. met. 4.1*). Герой, не привыкший еще к траве, не хочет пастись вместе с ослом или лошадью: «*Nec me cum asino vel equo meo compascuus...*», поэтому отправляется в ближайший огород за овощами. Наверное, самый необычный пример использования глагола *compascere/compascere* мы встречаем у Плиния Старшего: оно употреблено в сочетании с *fama* в переносном значении – утолять голод (*Plin. NH. IX.169.7*). Это случай генерализирующей метафоры, иными словами, в глаголе *compascere* изначально присутствовало значение утоления голода (правда, скота), Плиний же в данном пассаже просто убрал компонент значения, связанный со скотом, оставив только «утоление голода». Таким образом, *compascere* указывает на совместный выпас скота, в переносном значении употребляется для указания на утоление голода, и никакой специальной отсылки на обстоятельства выпаса в нем нет.

общественной земле, которой владеют не только лангены витурии, но и одиаты, дектунины, каватурны и ментовины:

«(37) Луга, которые были в прошлый сенокос в консульство Луция Цецилия и Квинта Муция на общественном поле, которым витурии лангены / (38) владеют и которым одиаты и которым дектунины и которым каватурны и которым ментовины владеют, те луга / (39) против воли лангенов и одиатов и дектунинов и каватурном и ментовинов, какой землей кто из них / (40) владел, против воли их никто пусть не косит и не пасет, и не пользуется (плодами). Если лангенсы или одиаты или дектунины или каватурны / (41) или ментовины предпочтут в том поле другие луга разместить, огородить, косить, можно это сделать, только чтобы не большего / (42) размера луга они имели, чем они имели и пользовались в прошлое лето»⁵⁹.

Луга находятся на общественной земле, закрепленной за той или иной общиной, и пользование ими без ведома этих общин запрещено. Очевидно, что адресатом этой нормы должны были стать генуаты, поскольку едва ли витурии сами могли нарушить свое собственное право покоса на общественной земле, которой они владеют. Не будет чрезмерным предположение, согласно которому использование общественной земли, принадлежащей этим общинам, должно было регулироваться теми же правилами, что и использование общественного поля лангенов витуриев. Иными словами, с одной стороны, право распоряжения этой землей сохранялось за общинами, а с другой стороны, права доступа к ней, и, следовательно, к угодьям,

---

(37) Prata quae fuerunt proxuma faenisicei L(ucio) Caecilio Q(uinto) Muucio co(n)s(ulibus) in agro poplico, quem Viturios Langenses / (38) possident et quem Odiates et quem Dectunines et quem Cavaturineis et quem Mentovines possident, ea prata / (39) invitis Langensibus et Odiatibus et Dectuninebus et Cavaturines et Mentovines, quem quisque eorum agrum / (40) possidebit, inviteis eis niquis sicet nive pascat nive fruatur. Sei Langenses aut Odiates aut Dectunines aut Cavaturines / (41) aut Mentovines malent in eo agro alia prata inmittere defendere sicare id uti facere liceat dum ne amplioem / (42) modum pratorum habeant quam proxuma aestate habuerunt fructique sunt⁵⁹

которые на ней находились, имели и гемуаты. Угодья на *ager publicus*, находящиеся во владении других общин, но приписанные Генуе, и описываются выражением *ceterus ager compascuus*.

Таким образом, с нашей точки зрения нет оснований локализовать поля для совместного выпаса где-то за пределами описываемого римлянами *ager publicus*, как это предлагает, например, Э. Боккалери⁶⁰. Этот вывод следует из того, что, во-первых, Минуции, установив границы частной и общественной земли, умалчивают о границах других полей. В надписи не содержится намека на местонахождение *ager compascuus*, однако о лугах достаточно недвусмысленно сказано, что он находятся на общественной земле. К *ager compascuus* имеют доступ и лангены витурии, и гемуаты – также, как и к обрабатываемой части общественной земли. Что же касается границ *ager compascuus*, то они, как и местонахождение лугов, скорее всего устанавливались самостоятельным решением общин.

Эти выводы совершенно не означают, что понятия *ager compascuus* и *ager publicus* равноценны. Как видно из данных сентенции, земля, формально имевшая статус *publicus*, могла быть использована по-разному. Часть этой земли была, как мы уже заметили, обрабатываемая, и должна была использоваться конкретными лицами, другая часть представляла собой угодья – *prata* и *ager compascuus*⁶¹.

1.2.2. Особенности категории ager compascuus

Упомянутый в надписи *ager compascuus*, судя по его внешним характеристикам, должен был представлять собой очень лесистую местность, настолько, чтобы получаемый с нее лес можно было использовать в

---

⁶⁰ С его точки зрения, *ager compascuus* находился в горах за пределами описываемого в сентенции *ager publicus*, в местах, чьи топонимика связана с выпасами [Boccaleri, 1996].

⁶¹ Собственно, о возможности превращения *ager publicus* в *ager compascuus* и говорит норма закона 111 г. до н.э., только она эту возможность, как и возможность оккупации общественной земли, запрещает (см. 2.3.1).

«промышленных» масштабах.⁶² Э. Серени, анализируя данные Веллейской таблицы, пришел к выводу, что наиболее лесистые участки – *saltus* – были расположены вдоль границ пагов: эти земли, используемые для получения древесины в качестве пастбищ, служили при этом как бы естественной границей пагов [Серени, 1956, с. 30–31]. Учитывая, что границы общественной земли лангенов витуриев проходят по поросшим лесом хребтам гор,⁶³ можно предположить, что именно эти земли были *ager compascuus*. Естественно, что конфигурация земель внутри общины может быть любой и зависеть, в первую очередь, от географических условий, однако мы можем привести еще один пример, когда граница пагов проходит по лесистой и гористой области, причем этот пример не из Лигурии, из которой происходят и судебное решение Минуциев, и Веллейская таблица, а из Венетии. Это уже упоминавшаяся нами надпись об установлении границ между атестинами и патавинами (CIL I² 633 = CIL V 2491 = ILS 5944a = AE 1992, 738 a–b). Примечательно, что этот памятник, из-за своего содержания обозначенный во многих изданиях как межевой камень, был изначально частью скалы, которая обвалилась в 1767 г. и в 1834 г. была передана в местный музей [Вуопоране, 1992, р. 209–210]. Таким образом, граница между атестинами и патавинами также проходила по поросшей лесом гористой местности – в данном случае, Эвганейским холмам. С точки зрения сельского хозяйства эта местность была пригодна для того же, что и *ager compascuus* из судебного решения Минуциев – для выпаса скота и получения древесины.

---

⁶² С точки зрения Э. Серени, на массовость использования древесины с *compascuum* указывает глагол *sumere* [Серени, 1956, с. 30].

⁶³ О связи леса и границы отчасти свидетельствует наличие у римлян такого божества как Сильван, считавшегося богом леса, охоты, выпасов и сельского хозяйства. Если покровительство охоте и выпасам можно связать с лесом, то связь Сильвана с сельским хозяйством обуславливается тем, что лес представлял собой границу обрабатываемых участков земли. (Нор. II.21-22: *et te, pater Silvane, tutor finium*) [Nissen, 1883, S. 431; Dilke, 1992, p. 98-99; Dorcey, 1992, p. 19-21]

К сожалению, у нас отсутствуют подробные эпиграфические данные об общинном землепользовании в пагах других районов, тем не менее, ландшафт Апеннинского полуострова указывает на то, что использование горных массивов под выпасы общин имело место и в других областях Италии⁶⁴. Южнее долины реки По начинались Аппенинские горы, лесистые и непроходимые (Liv. XXXI.2.: saltos prope invios), но пригодные для пастбищ. Очевидно, что до римского завоевания эти леса могли служить ager compascuus для обитавших неподалеку общин. Важно, впрочем, то, что, в случае, описанном сентенцией Минуциев, ager compascuus является угодьями, дополняющими земледельческое производство, – в отличие от pasua publica южной Италии.

Э. Серени в своих исследованиях проводит параллель между сентенцией Минуциев и другим памятником – так называемым cippus Abellanus (Zvetaieff, 136 = Imagines Italicae, p. 887–892). Эта оскская надпись конца II в. до н.э. представляет собой договор двух общин – Нолы и Абеллы – об использовании земли, на которой стоит общее для них святилище Геркулеса (Sakaraklom Herekleís). В документе устанавливается, что эта земля святилища является общей⁶⁵. Буквально в тексте

⁶⁴ О том, что в древности большая часть полуострова была покрыта лесами, свидетельствуют, в частности, данные топонимики [Луццатто, 1954, с. 47].

⁶⁵ (оск.) sakaraklom Herekleís slaagid pod íst íním teer[om] pod op eísod sakaraklod [íst] pod anter teremníss eh... íst paí teremennio mo[ínikad] tanginod proftoiset r[ehtod] amnod puz ídík sakara[klom] íním ídík terom moíní[kom] moíníkeí tereí fusíd [íním] eíseís sakarakeís í[ním] tereís fruktatiuf fr[uktaitiuf] moíníko potoro[m] íd fus]íd = (лат.) Sacrum Herculis e regione quod est et territorium, quod apud id sacrum est, quod inter terminos ex... est, quae termina communi sententia probata sunt, recto circuitu, ut id sacrum et id territorium commune in comuni territorio esset, et eius sacri et territorii fructus fructus communis utrorumque esset.

«Святилище Геркулеса, которое есть в регионе, и территория, которая у этого святилища есть, которая между межевых камней из...какие общие межевые камни судебным решением одобрены, прямо по кругу (поставлены), чтобы тот священный участок и та общая территория на общей

надписи говорится об «этом святилище и общей территории, которые находятся на общей территории», более того, мы точно знаем, что эта земля не простаивает, а каким-то образом используется – также совместно Нолой и Абеллой. С точки зрения Э. Серени, случай Нолы и Абеллы, несмотря на различие ситуаций, близок описанному в сентенции Минуциев, поскольку в обоих случаях речь идет о полосе совместно используемой земли, на которой также могли располагаться общие культы [Серени, 1956, с. 34].

С нашей точки зрения, случай, привлеченный Серени в качестве аналогии, действительно имеет нечто общее со случаем *ager compascuus*, описанным в сентенции Минуциев, однако полностью отождествлять эти ситуации не следует. Случай Абеллы и Нолы подтверждает, что между общинами располагалась некая буферная зона, которой могли пользоваться члены пограничных общин. Скорее всего, эти земли действительно использовались или как пастбище, или как источник древесины, поскольку с высокой вероятностью они должны были быть непахотной землей, а в тех районах Италии, где это было возможно, – лесом. Можно также допустить, что на таких буферных зонах устраивались общие святилища. В то же время, *ager compascuus*, упомянутый в сентенции Минуциев, является следствием взаимного влияния местных и римских традиций. Скорее всего *ager compascuus* действительно находился на месте древних общинных угодий. Однако на момент составления надписи эта территория – *ager publicus*, и для сентенции в случае с *ager compascuus* принципиально утвердить не право пользования угодьями соседних общин, а право выпаса на этих землях и для витуриев, и для генуатов, имевших на *ager publicus*, которым владели витурии, участки. *Ager compascuus* становится таковым не только в силу сложившихся традиций, но и в силу изменившихся обстоятельств, это пастбище не только проживающих и проживавших в этой области

территории находились, и того священного (участка) и территории плоды пусть будут общими плодами обоих (общин)».

общин, но и всех, кто владеет землей, в том числе генуатов, или же любого земельного собственника, которого одобрит община лангенов витуриев.

Как было отмечено в параграфе 1.1.2, появление *pasua publica* тесно связано с доримскими традициями сельскохозяйственного использования земли. Так, мы знаем об обширных *pasua publica* юга Италии, где скотоводство было основной отраслью экономики у местных народов. Представляя собой обширные пастбища, эти земли не нуждались в регламентации количества своих пользователей (о том, в какой регламентации они нуждались, более подробно будет сказано в главе 2). Вероятно, и в случае с *ager compascuus* римляне ориентировались на существующие на местах практики землепользования, учитывая существовавшие связи земледельческого хозяйства и угодий.

Таким образом, можно подвести определенный итог анализу категории *ager compascuus*. Основные сведения о ней содержатся в так называемой сентенции братьев Минуциев. Целью этой надписи было решение земельных споров, возникших между жителями Генуи и кастеллом лангенов витуриев. Только две категории земли имеют установленные римлянами границы – частная земля кастелла лангенов витуриев и общественная земля, «которой владеют лангенсы витурии». Если использование частной земли кастелла в судебном решении не освещается, то о земле, конфискованной в фонд *ager publicus*, можно сказать достаточно много. Несмотря на то, что фактически лангены витурии оказались ее арендаторами, они сохраняют право контролировать ее использование. Эта земля может сдаваться для обработки частным арендаторам, как из числа лангенов, так и из числа генуатов (или жителей других общин), на ней же находятся луга и пастбища – *ager compascuus*, которым пользуются и витурии, и генуаты, имеющие участки на общественной земле. Очевидно, совместное пастбище должно было располагаться вдоль лесистых и горных границ общественной земли лангенов витуриев, однако более точно местонахождение *ager compascuus* должна была определить сама община.

О распространении такого явления, как *ager compascuus*, мы можем судить по памятникам, происходящим из других областей Италии. Наличие на границах общин необрабатываемых, чаще лесистых зон, которые использовались вместе с соседними общинами, должно было послужить основой для формирования *ager compascuus* как категории римского землепользования. В то же время, *ager compascuus* из сентенции Минуциев не полностью оказывается связан с существовавшими традициями использования земли – эта категория была ориентирована также на новую ситуацию, сложившуюся после вмешательства римлян во владельческие отношения в регионе.

1.3. Общественные сельскохозяйственные угодья римских поселений

Если *pasua*, образовывавшиеся на общественной земле, были категорией, практически не разработанной в римской агрименсуре и по сути представляли собой в чистом виде *ager publicus*, если *ager compascuus* восходил к общинным угодьям, то угодья, возникавшие на размежеванных территориях, должны были изначально находиться в другом положении. В разделе 1.1. мы обращались к фрагментам из сочинения Аппиана (*App. b.c. I.7*) и трактатов Сикула Флакка (*CAR, S. 100*) и Гигина Старшего (*CAR, S. 78*). Эти авторы единодушно сообщали об основании на общественной земле колоний. Более того, Гигин Старший указывает на существование на территории римских колоний вектигальных полей, т.е. земель, принадлежавших этим колониям, пользование которыми было возможно при условии выплаты налога:

Vectigales autem agri sunt obligati, quidam r(ei) p(ublicae) p(opuli) R(omani), quidam coloniarum aut municipiorum aut ciuitatium aliquarum. qui et ipsi plerique ad populum Romanum pertinentes ex hoste capti partitique ac diuisi sunt per centurias, ut adsignarentur militibus, quorum uirtute capti errant ... qui superfuerant agri, uectigalibus subiecti sunt (CAR, S. 79)

«Вектигальные же поля подлежат обложению, некоторые (из них) государства римского народа, некоторые колоний или муниципиев, или других гражданских общин. Те (поля), и сами в большинстве своем принадлежащие к римскому народу, были взяты от врагов и разделены и размежеваны на центурии, чтобы быть приписанными воинам, чьей смелостью они были захвачены ... те поля, которые оставались в избытке, подлежали выплате вектигалия».

Очевидно, что в данном пассаже идет речь о землях, которые арендуются либо для занятия земледелием, либо используются как угодья. Что касается угодий на землях римского народа, то их происхождение было выяснено в разделе 1.1.

Муниципий, как известно, является бывшей самостоятельной общиной, которая получила права римского гражданства. При наделении таких общин правом римского гражданства римляне не касались вопросов местного землепользования⁶⁶. Очевидно, что муниципальными угодьями служили бывшие общинные пастбища,⁶⁷ но проследить эту трансформацию более подробно не представляется возможным ввиду отсутствия источников. Обратимся поэтому к вопросу об угодьях, образовывавшихся на размежеванной самими римлянами земле.

1.3.1. Лимитация как система межевания. Частные и общественные земли римских поселений

Размежеванная земля, по мнению землемера Юлия Фронтинуса, – это земля колонии (CAR, S. 3: *ager ergo diuisus adsignatus est coloniarum*). Другие землемеры, а именно, Гигин Старший и Сикул Флакк, более осторожно сообщают о том, что земля межевалась для того, чтобы быть переданной, как правило, ветеранам (CAR, S. 79: *divisi sunt per centurias, ut adsignarentur militibus*; S. 80: *divisi et adsignati agri sunt qui veteranis aliisque personis per centurias certo modo adscripto aut dati sunt*; S. 125: *agri dividuntur limitibus structis per centurias, assignantur viris nominibus*). Вообще же, Сикул Флакк обращает внимание на то, что поля размежеванные и поля, приписанные частным лицам, – не тождественные понятия, поскольку поля могут быть размежеваны и не переданы владельцам, или переданы владельцам без

---

⁶⁶ В этом смысле достаточно показательным является сравнение муниципальных законов эпохи Флавиев, из которых наиболее полным является текст *lex Irnitana* [González, 1986; Wolf, 2011], с законом колонии Генетивы Юлии. Во обоих законах содержится норма об общественных дорогах, однако если в законе колонии при перечислении различных типов дорог есть указание на лимиты, которые также являлись элементами римского межевания, то в *lex Irnitana* – только *via* и *iter*. Нет в нем и нормы, аналогичной 82-й статье *lex coloniae Genetivae*, статье, которая регулировала использование земель колонии.

⁶⁷ Более подробно о судьбе *ager compascuus* см. раздел 2.3.2.

межевания (CAR, S. 118: *nam et diuiduntur sine assignatione et redduntur sine diuisione*). В целом, осторожность формулировок землемеров обоснована.

Как можно судить из сообщений нарративной традиции, колонии в эпоху Республики выводились достаточно редко и часто проекты их основания встречали сопротивление со стороны сената. Причиной этому было то, что колония изначально представляла собой самостоятельную гражданскую общину, основание которой должно было быть обусловлено целым рядом факторов. Выделяются разные цели для выведения римских колоний: так, колонии были призваны подавлять и наказывать побежденные народы, романизировать их, разрешать социальные проблемы (в частности, выселять за пределы Рима городскую бедноту), служить коммерческим и торговым интересам. Вполне естественно, впрочем, что при основании разных колоний в разные периоды римской истории тот или иной фактор (а, быть может, и несколько факторов одновременно) играли определяющее значение [Capogrossi Colognesi, 2014, p. 94]. Тем не менее, выведение колоний не было единственной возможностью наделить землей. Межевание земли происходило и для так называемых виританских ассигнаций. Получившие таким образом участки колонисты в этом случае записывались в сельские трибы, а административными центрами для них становились *fora et conciliabula*⁶⁸.

Одним из самых известных примеров виританской ассигнации являются ассигнации Гая Фламиния на *ager Gallicus* [Oebel, 1993]. Ассигнация Гая Фламиния представляет собой один из ранних примеров применения лимитации – наиболее распространенного у римлян способа межевания земель⁶⁹. Смысл лимитации

---

⁶⁸ Убедительного объяснения, почему римляне использовали виританские ассигнации, особенно во внутренних областях полуострова, пока нет [Capogrossi Colognesi, 2014, p. 107].

⁶⁹ Римские агрименсоры практически не рассказывают о более древних способах межевания полей, однако сведения о них можно почерпнуть из другого источника – *Libri coloniarum*. В них упоминаются лацины, вытянутые полоски земли (SRF I, S. 226, 231), и прецизуры – участки в виде многоугольников неправильной формы (SRF I, S. 230). Прецизурами, например, была размежевана

заклучался в межевании полей прямыми лимитами, пересекающимися друг с другом под прямым углом через равное расстояние, в результате чего образовывалась квадратная единица площади – центурия. Самые древние образцы центуриации прослеживаются в районе Помптинского поля и Террацины (Рис.5) [Chouquer, Clavel–Levêque, Favory, 1982, p. 878]. С точки зрения Ф.Т. Хинрикса, распространение этого способа межевания земли было обусловлено тем, что он был достаточно удобным для быстрого освоения больших пространств, поэтому особенно активно он начал использоваться во время освоения территории северной Италии [Hinrichs, 1974, S. 58; Schubert, 1996, S. 46].

Межевание земли начиналось с поиска точки отсчета, в которой пересекались главные лимиты – *Decumanus Maximus* и *Cardo Maximus*. Декуман чаще всего проходил с востока на запад и делил поле на правую и левую стороны, кардо – с севера на юг и делил поле на верхнюю и нижнюю части (CAR, S. 11, 132). Параллельно им проводились обычные лимиты – субрунцивы (CAR, S. 71). Они нумеровались и, в зависимости от своего положения по отношению к основным осям, именовались правыми или левыми декуманами или верхними или нижними кардами.

Эти представления о делении пространства восходили к этрусскому учению о мироустройстве (CAR, S. 10–11, 131–132). Однако трактаты римских землемеров, хотя и содержат некоторые теоретические сведения, были в большей степени ориентированы на освещение практической стороны межевания земли. Главной же целью лимитации, по мнению Гигина Младшего, был правильный расчет и создание надежных границ определенной ширины (CAR, S. 135).

Остия (SRF I, S. 236), древнейшая римская колония, основанная, по сведениям Ливия, еще Анком Марцием на отобранных у вейян землях (Liv. I. 33. 9). Помимо лацин и прецизур, существовал и такой достаточно редкий тип межевания, как стригация-скамнация [Гвоздева, Гвоздева, 2015, с. 11–12].

В связи с этим, рекомендации для ориентации основных осей, конечно, сохраняются, однако нарушение их из-за особенностей местности не влечет за собой тяжелых последствий. Так, по сообщению Юлия Фронтинуса, на Кампанском поле Кардо был сориентирован на юг, а Декуман на восток (CAR, S. 12). Роль Декумана достаточно часто могли играть общественные дороги, который проходили через колонии. Изменение ориентации основных осей было допустимо, поскольку оно не влияло на главный результат межевания – правильную квадратную форму центурии. Значение имело не направление осей, а прямые углы, под которыми должны были пересекаться лимиты (CAR, S. 145). Для проверки углов с особой тщательностью должен был проводиться каждый пятый лимит, называвшийся квинтарным (CAR, S. 72, 139, 154) [Гвоздева, Гвоздева, 2016].

По сведениям землемеров, созданная сетка межевания дополнительно закреплялась при помощи постановки терминов. Чаще всего они ставились в местах пересечения лимитов (CAR, S. 71–72), в так называемых «клузарных», закрывающих углах центурий (CAR, S. 158). Такие термины должны были содержать информацию о названиях пересекавшихся в них лимитов, по ним именовались центурии. Результаты ассигнаций⁷⁰ были закреплены на плане колонии. О времени появления этих планов судить достаточно трудно. Однако, в конце II в. до н.э. практика составления планов межеваний уже существовали: например, некий план был составлен Марком Метеллом, проконсулом Сардинии 115 г. до н.э.⁷¹ Описанная

---

⁷⁰ Ассигнации как правило проходили с помощью жеребьевки. Соответствующие эпиграфические примеры см., например, у О. Олести Вила и М. Майера [Olesti Vila, Mayer, 2001].

⁷¹ CIL X 7852 = ILS 5957 = AE 1983, 447 = AE 1989, 353 = AE 1993, 0836a-b = AE 2000, 68 = AE 2004, 123 = AE 2009, 444: (6) fines Patulcensium...ut in tabula a{h}enea a M(arco) Metello ordinate essent.

«Границы патулькенсов... как на бронзовой таблице, составленной Марком Метеллом, пусть будут».

выше система межевания была идеальна для ассигнации земли в частную собственность: центурии одинакового размера позволяли без труда подсчитать площадь участка, система лимитов – зафиксировать его положение на плане колонии.

Что касается общественных угодий, то они без сомнения должны были присутствовать еще в древнейших колониях. Семи югеров, которые представляли собой стандартный участок в колонии римского права, не могло хватить даже для содержания упряжки волов – для их прокорма понадобилось бы еще по меньшей мере 5 югеров [White, 1970, p. 273]. Небольшой надел в римских колониях сохранялся и в первой половине II в. до н.э.: к примеру, 6 югеров было ассигновано в Потенции (Liv. XXXIX. 44. 10), еще меньше – по 5 югеров – получили поселенцы в Мутине (Liv. XXXIX. 55. 6). При этом такой небольшой надел был связан отнюдь не с недостатком земли: после ассигнаций в Мутине из площади в 165 км² оказалось передано в качестве участков только 25 км² [Roselaar, 2010, p. 136]. На этом основании традиционно делается вывод, что неассигнованная территория колонии составляла общественный фонд земли, который также могли использовать колонисты [Gabba, Pasquinucci, 1979, p. 21; Graham Mason, 1992, p. 86]. Наряду с колониями римского права существовали колонии латинского права, которые традиционно были масштабнее (2500–6000 поселенцев), выводились чаще и участки в них были значительно больше. К примеру, в Бононии колонистам всаднического сословия было ассигновано по 70 югеров, остальным – по 50 (Liv. XXXVII.57.8).

У исследователей нет однозначного ответа на вопрос о причине такой разницы в площади между участками в римских и латинских колониях. Достаточно распространена точка зрения, согласно которой жители колоний латинского права не

Данная надпись датирована 69 г. н.э. и представляет собой решение проконсула Сардинии Луция Эльвия Агриппы о земельном споре между общинами патулькенсов и галилленсов. Как видно, одним из решающих аргументов в споре являются данные плана, составленного еще в конце II в. до н.э.

имели права на оккупацию *ager publicus*, а жители колоний римского права это право сохраняли [Tibiletti, 1949, p. 35]. С точки зрения Э. Сальмона, эта разница объяснялась разными функциями колоний: колонии римского права представляли собой военные гарнизоны и не были рассчитаны на сельскохозяйственную деятельность [Salmon, 1969, p. 16]. По мнению И.Л. Маяк, римские колонии основывались ближе к Риму, поэтому участки в них были меньше [Маяк, 1956, с. 153]. В. Сираго отметил, что в 177 г. до н.э. поселенцы колонии римского права Луны получили по 51,5 югеров земли. По его мнению, с середины II в. до н.э. все основанные Римом колонии ориентированы на сельскохозяйственное производство, а военно-стратегический фактор ушел на второй план [Sirago, 1971, p. 66]. Эта точка зрения представляется достаточно остроумной, однако, ей противоречит отсутствие сведений об основанных в конце II в. до н.э. колониях, а также археологические данные о более поздних колониях – колониях гракханского времени. Так, Р. Компатанжело в своем исследовании следов римского межевания на полуострове Саленто, датируемых как раз концом II в. до н.э. (SRF I, S. 209 = Campbell, p. 164), отмечает, что внутри центурий прослеживаются участки по 5–8 югеров, которые, очевидно, являлись участками, переданными колонистам [Compatangelo, 1989, p. 174]. Это обстоятельство указывает на то, что использование общественной земли, в том числе в качестве пастбища, было важным условием для занятия сельским хозяйством в римских поселениях.

Думается, что наличие свободного *ager publicus*, используемого под угодья колонии, можно ожидать и в колониях римского, и в колониях латинского права. Это подтверждается и археологическими данными. Например, при первой ассигнации в наиболее исследованной колонии латинского права Козе 70% всей территории осталось свободным [Vallat, 1987, p. 196] и, следовательно, могло использоваться под пастбища. Неудивительно и то, что под пастбища оказывается зарезервировано такое сравнительное большое количество земли: как уже упоминалось во введении, пастбищам свойственно истощаться, следовательно, под них нужно отводить

достаточно большое количество земли, чтобы давать им возможность восстановиться.

Таким образом, общественные угодья в колонии могли быть локализованы на неассигнованных участках. Что представляли собой эти не переданные для занятия земледелием земли с точки зрения римской агрименсуры? О том, что на территории колонии есть неассигнованная земля, пишет землемер Гигин Старший (CAR, S. 79). Об особенностях её хозяйственного использования он ничего не сообщает, отмечая только, что использование такой земли осуществляется при условии уплаты аренды. Помимо этой земли, существуют отрезки (CAR, S. 78). Появление этой категории земель непосредственно связано с систематическим межеванием земли для поселения: от «отсекающей линии», то есть от межи, она и получила свое название (CAR, S. 2: *Subsiciuum est, quod a subsecante linea nomen accepit [subsiciuum]*; S. 78: *...subsiciua appellantur, hoc est quae a subsecantibus lineis remanent*). Землемеры предлагают несколько разную классификацию отрезков. Если для Гигина Старшего отрезки – это прежде всего неполные центурии на границе (CAR, S. 78), то Юлий Фронтин и Сикул Флакк выделяют второй тип отрезков – центурии с неудобьями, из-за которых прерывались линии межевания (CAR, S. 2: *aliud genus subsiciuorum, quod in mediis adsignationibus et integris centuriis interuenit*; S. 120: *alterum est autem quod subsecante assignationes linea[e] etiam in mediis centuriis relinquetur*). Это происходит, потому что поселенцам передается только пригодная для земледелия земля (CAR, S. 120: *cultura assignatur*; S. 128 *silvae et loca aspera in assignationem non reperunt*). Наличие у землемеров разных представлений о том, что входит и что не входит в отрезки, Б. Кэмпбелл связывает с простором для толкований, связанным с самим словом «отрезок» [Campbell, 2000, p. 320]. На наш взгляд, с одной стороны, многозначность термина «отрезок» играет здесь свою роль, но, с другой стороны, разные толкования этого термина могут быть следствием и личного практического

опыта того или иного автора, и отзвуком эволюции, которую претерпела эта категория.

В эпоху Империи существует целое «право отрезков» – *ius subsecivorum*, применяемое к самым разным землям, которые не передаются частным лицам (CAR, S. 3; S. 96: *subsiciva autem ea dicuntur quae adsignari non potuerunt*). Например, к «отрезкам» относится *ager extra clusus* – часть территории колонии, которая осталась неразмежеванной (CAR, S. 9, 161). Однако, судя по всему, в конце II в. до н.э. категория отрезков была еще слабо развита, и отрезки могли пойти в ассигнацию⁷². В этот период еще не существовало законодательных предписаний относительно того, какие земли идут в ассигнацию, а какие – не идут. Естественно, впрочем, ожидать, что до определенного момента руководители межевания стремились избежать ассигнации неудобий, однако законодательные постановления на этот счет связаны уже с именем Августа⁷³.

Таким образом, римское поселение II в. до н.э. уже располагалось на размежеванной лимитами земле. Эта система давала возможность точно посчитать площадь передаваемого ветерану участка и была достаточно удобна в применении. В то же время, участки зачастую были достаточно небольшими, в связи с чем хозяйство колониста сильно зависело от использования общественных земель. Эта

---

⁷² Помимо указаний землемеров на закон Августа, запрещающий ассигнацию непригодных для земледелия земель, к этому заключению может подвести содержание 66 строки аграрного закона 111 г. до н.э., в которой речь идет о римских колонистах в Африке: *quoī colono eiue, queī in coloneī numero scriptus est, ager locus in ea centuria subsicivou[e ...]*, «которому колонисту или тому, кто в число колонистов был записан, поле, место в той центурии или на том отрезке...». Надо признать, восстановления окончания фразы различаются, и проблема правового статуса участков за пределами Италии также довольно сложна (см. параграф 3.1.1); поэтому мы можем отметить лишь, что термин «отрезки» упоминаются в данном контексте наряду с участками в центуриях.

⁷³ См. параграф 3.2.2.

категория земель пополнялась за счет неассигнованной колонистам земли, которая была размежевана и пригодна для земледелия. Кроме того, уже во II в. до н.э. в римской агрименсуре появляется категория отрезков – неполных центурий на границах колонии или центурий с дефектами, которые в идеале не должны были переходить в собственность. На этих землях было возможно появление сельскохозяйственных угодий для колонистов. В следующем параграфе мы рассмотрим образовывавшиеся на этих землях категории угодий и их правовое положение.

1.3.2. Категории угодий колонии

Каков был правовой статус земли, не ассигнованной колонистам? Пожалуй, самое полное описание отрезков представлено у Гигина Старшего: тот, кто ответственен за проведение межевания, отрезки или оставляет себе, или кому-либо другому уступает – либо частным лицам, либо общественным (CAR, S. 96: haec ergo subsiciua aliquando auctor diuisionis aut sibi reseruauit, aut [alicui, id est aut] aliquibus concessit aut r(ebus) p(ublicis) aut priuatis personis). Res publica в данном отрывке, как следует из анализа описания Юлием Фронтином контрверсии de locis publicis, может быть res publica populi Romani, или же coloniarum municipiorumue (CAR, S. 9: nam et coloniarum aut municipiorum similis est condicio, quotiens loca, quae rei publicae data adsignata fuerint). Возникает вопрос, что представляла собой ситуация, когда ответственный за межевание (auctor diuisionis) оставлял отрезки «себе» (CAR, S. 96, 121), а также ситуация, описанная Сикулом Флакком – когда отрезки «остаются в их положении», не будучи уступленными администрации колонии (CAR, S. 127: aliquando subseciua rebus publicis coloniarum concesserunt; aliquando in condicione illorum remanserunt). Учитывая, что под auctor diuisionis землемеры эпохи Империи понимали самого императора, эта земля, в случае её пригодности для занятий земледелием, могла использоваться для дальнейших ассигнаций. Очевидно, на этом основании император Веспасиан предпринял памятную землемерам проверку

состояния отрезков, вскрывшую многие злоупотребления при их использовании (CAR, S. 96) [Moatti, 1993, p. 55; Гвоздева, 2012, с. 159–160; 2014, с. 60–61]. Такая ситуация, конечно, невозможна для эпохи Республики – неассигнованная земля, очевидно, либо передавалась администрации поселения, либо оставалась в прежнем положении – т.е. оставалась *ager publicus*. Отчасти на существование на территории колонии общественных земель указывает фраза из трактата Гигина Младшего: он различает уступление колонии и уступление *rei publicae*, которое маркируется на плане разными записями (CAR, S. 165: *aut si coloniae concessa fuerint, CONCESSA COLONIAE in aere inscribemus. ita si rei publicae concessa fuerint, in aere SVBSECIVA CONCESSA ut IVLIENSIBVS inscribemus*).

На размежеванной земле существовало несколько видов общественных угодий. В первую очередь, это «леса и пастбища» – *silva et pascua* (рис.6), и *compascua* (рис.7). Леса и пастбища рассматриваются как отрезки (CAR, S. 128), поэтому в ассигнацию идти не должны – об этом авторы неоднократно упоминают (CAR, S. 8, 128, 159, 161), незаконная оккупация леса может привести к тяжбе об общественных местах римского народа (CAR, S. 8). Колонистам должна быть предоставлена возможность пользоваться лесом (CAR, S. 166), его могут даже специально присоединить к колонии (CAR, S. 166). Из определения «*publicus*» (CAR, S. 159), которое фиксируется на плане колонии, мы можем лишь предположить, что пользоваться этими лесом и пастбищем могут все колонисты. Пользование лесами часто закреплено за ближайшими владельцами (CAR, S. 10), однако леса могут и находиться на расстоянии от участка, с которым они связаны (CAR, S. 6, 76). Более того, мы узнаем, что в некоторых районах они все-таки оказываются ассигнованными, что даже отмечается на плане колонии (CAR, S. 128). Упоминается также, что в Паннонии различные типы лесов и пастбища относятся к вектигальным полям, т.е. за их использование необходимо платить налог – *vectigal* (CAR, S. 168). Впрочем, не следует забывать, что картина, созданная землемерами, относится к концу I – II вв. н.э. Для конца II в. до н.э. мы с уверенностью можем констатировать

лишь наличие этой категории в составе римской колонии, и, пожалуй, различный правовой статус, в котором могли эти угодья находиться – они могли принадлежать как колонии, так и римскому народу.

Между тем, *pasua* и *silva* не были единственными категориями общественных угодий колонии. Другой тип общественных угодий – *compasua* – образуется на землях, оставшихся после межевания, и право его использования всегда закреплено, в отличие от *pasua et silva publica*, за ближайшими соседями. Об этом сообщают очень схожие определения Феста и Исидора Севильского:

Fest. s. v. <i>compasuus ager</i> :	Isid. orig. XV. 13. 9:
<i>Compasuus ager, relictus ad pascendum communiter vicinis.</i>	<i>Compasuus ager dictus qui a divisoribus agrorum relictus est ad pascendum communiter vicinis.</i>

Очевидно, что определение Исидора более полное – он упоминает также ответственных за проведение межевания. Впрочем, возможно, что первоначальное определение Феста могло также упоминать межевания. Сведения агрименсоров, разумеется, более подробны, но в принципе согласуются с вышеприведенными определениями. Чаще всего речь идет об образовании *ager compasuus* на отрезках. Так, по словам Гигина Старшего, на размежеванных и распределенных полях (*divisi et adsignati*) есть отрезки, и иногда совместные пастбища (CAR, S. 80). В случае, описываемом Гигином, речь идет о центурии с неудобьями: колонистам не были ассигнованы ближайшие к их участкам ухабистости и неплодородные земли, и в результате они служат для них совместным пастбищем. Рукописи трактата даже содержат подходящую к этой ситуации иллюстрацию (рис. 7). Сикулл Флакк определяет *compasua* как земли «как бы на положении отрезков» (*genus quasi subsecivorum*) или места, которое использует для выпаса каждый ближайший сосед, который с ними граничит (CAR, S. 121).

Скорее всего, под *ager compascuus* использовались относительно небольшие участки с неудобьями, непригодные для ведения сельского хозяйства⁷⁴. В этом смысле можно вспомнить единственное упоминание *ager compascuus* в классическом римском праве – фрагмент из сочинения Сцеволы «Дигесты» (Dig. VIII. 5. 20. 1). Для *compascua* группа лиц покупает себе *saltus* – лесистый участок земли. Этимология *saltus*⁷⁵ восходит к *silva*, т.е. к лесу. Очевидно, что эта связь является отголоском представлений, по которым вся земля делилась на обрабатываемую территорию и необрабатываемую, которая ассоциировалась с лесом [Frayn, 1975, p. 32]. У другого юриста – Гая – встречается даже упоминание «пастбищного леса» (Dig. L. 16. 30. 5). В целом, можно сделать вывод о том, что с выпасами как таковыми преимущественно связывалась непахотная земля, которая попадала в категорию отрезков [Carogrossi Colognesi, 2006, p. 589]. Однако, конечно, все зависело от условий местности, в которой располагалась колония и от состава неассигнованных земель.

---

⁷⁴ С точки зрения Ж. Шуке, появление *compascua* для нескольких соседей нужно относить только к концу I в. до н.э., после принятия «закона Августа», который предусматривал ассигнацию только пахотной земли. [Chouquer, 2016 (2), p. 75] С нашей точки зрения, это достаточно сложно доказать, поскольку, с одной стороны, действительно, закон Августа должен был способствовать распространению таких *compascua*, с другой стороны, у нас нет просто нет данных, доказывающих, что до Августа такой возможности не было – условия ведения хозяйства по всей Италии слишком разнообразны.

⁷⁵ *Saltus* – понятие более сложное и многозначное, чем просто указание на лесистую территорию. Существует также понятие *saltus* просто как большого участка земли и как единицы площади в 25 центурий (CAR, S. 123). Очевидно, Ю. К. Колосовская именно в этой связи упоминает о совместных выпасах (подразумевая под ними *compascua*, так как только такие выпасы являлись совместными), которые производились на территории в 20-25 центурий [Колосовская, 1973, с. 85]. Тем не менее, *сальтус* как единицу межевания едва ли следует смешивать с *сальтусом* как участком особого внешнего вида – лесогорьем, непригодным для пахотного земледелия. См. более подробно главу 3.3.

Таким образом, и *pasqua et silva publica*, и *compasqua* представляли собой лесистые местности, непригодные для регулярного межевания и земледелия, однако основное отличие между ними заключается в том, что *compasqua* зарезервированы для использования ближайшими соседями, а общественные леса и пастбища, очевидно, находятся в пользовании всех колонистов. Эти различия, как и различия категорий *pasqua publica* на *ager publicus* и *ager compasquus*, с вероятностью вызваны особенностями конкретного участка, на котором они образовывались – позволял ли его размер не контролировать его использование или же нет. Принципиальным, однако, является и то, на какой земле – общественной или частной – образуются общественные угодья. Точного соответствия определенного типа угодий определенному правовому статусу обнаружить не удастся.

Таким образом, мы рассмотрели различные категории общественных сельскохозяйственных угодий. Всего можно выделить две предпосылки образования таких угодий: они могут появляться на землях гражданских общин, преимущественно по их границам, или на общественной земле римского народа. О функционировании общинных пастбищ *ager compasquus* мы осведомлены в меньшей степени. Границы этих земель должны были устанавливаться обычаем, а их использование контролировалось со стороны общин. В ходе римского завоевания большая часть проживающих на территории Апеннинского полуострова общин должна была лишиться части своих угодий, однако даже при их конфискации в фонд *ager publicus* общины сохраняли определенный контроль за их судьбой.

Конфискованный *ager publicus* также служил для образования на нем общественных угодий – *pasqua et silva publica*. Очевидно, если у этих земель и была граница, то сформированная из границ других участков – это наиболее неясная с землемерной точки зрения категория земель. Использование *pasqua publica* должно было контролироваться римскими властями. Общественные угодья на *ager colonicus*, с одной стороны, образовывались на земле, которая изначально носила статус

publicus, и, с другой стороны, они могли быть уступлены колонии, которая получала право ими распоряжаться. Вторым вариантом в некоторой степени сближал их с общинными угодьями, поскольку контроль за их использованием теперь должна была осуществлять *civitas* этой колонии. Несомненным преимуществом угодий на размежеванной земле были более твердые границы и возможность быть зафиксированными в документах колонии, хотя нам сложно судить о том, насколько практика составления планов была распространена во II в. до н.э. и насколько подробными эти планы были. Тем не менее, это делало данную категорию угодий потенциально самой защищенной, однако все равно не страховало от нарушений при ее использовании.

Глава 2: Экономические и правовые аспекты использования *pasua publica* и *ager compascuus* во II – I вв. до н.э.

Конец II в. до н.э. ознаменовался аграрными преобразованиями братьев Гракхов, которые заключались в ревизии фонда общественной земли и основании новых колоний. Однако этими мероприятиями преобразования в аграрной сфере не закончились. Объемный, пусть и недостаточно хорошо сохранившийся текст аграрного закона 111 г. до н.э., указывает на изменения в использовании общественной земли в целом и общественных угодий на ней в частности. В данной главе будет исследован вопрос об экономической стороне использования угодий на *ager publicus* и общинных угодий *ager compascuus*, изменениях, которые они претерпели в ходе реформ и последствиях этих изменений.

2.1. Использование *pasua publica* накануне аграрных реформ II в. до н.э.

Аграрные реформы братьев Гракхов стали переломным моментом в истории римской *civitas*: по мнению Цицерона, реформа Тиберия расштала государственный строй Рима (*Cic. de har.resp.* 41), Аппиан же начинает с её описания серию книг «Римской истории», посвященных гражданским войнам (*App. b.c.* I.7–27). В общих чертах мы знаем, в чем заключалась эта реформа. Её целью была ревизия *ager publicus* – общественной земли римского народа: предполагалось восстановить норму о максимуме земельных владений, конфисковать земельные излишки и распределить их между нуждающимися (*App. b.c.* I.9; *Plut. Tib. Gracch.* 9; *Liv. per. LVIII*; *Flor.* III.14; *Vell.* II.2.3). Тем не менее, до сих пор в литературе отсутствует однозначная трактовка причин реформ, деталей их проведения и последствий, поэтому, несмотря на уже существующую обширную историографию, эта тема до сих пор привлекает исследователей.

Основной проблемой для исследователей является состояние источников. Ученые достаточно часто обращаются к сведениям о причинах реформ, кратко приведенным Плутархом в биографии Тиберия Гракха, а более подробно – Аппианом в «Римской истории». Рассказы этих поздних авторов являются единственным связным и подробным изложением истории реформ, хотя проблема первоисточников, которые использовали Аппиан и Плутарх, и, следовательно, достоверности их сведений остается открытой⁷⁶.

Что касается изложения Аппианом предыстории аграрной реформы Тиберия, то Э. Габба считает, что сведения Аппиана представляют собой авторскую интерпретацию реальных данных [Gabba, 1958, p. 14]. Отечественная историография в целом оценивает рассказ Аппиана о причинах реформы более критично. С точки зрения Д.П. Кончаловского, изложение Аппиана полно логических нестыковок (в частности, содержание 7-й и 8-й глав противоречит содержанию 19-й главы) и не имеет ценности исторического источника [Кончаловский, 1923, с. 42, 53]. В.И. Кузищин менее категоричен в своих оценках. С его точки зрения, 7-я глава не связана с дальнейшим повествованием и ее цель – оправдать деятельность Тиберия Гракха [Кузищин, 1976, с. 57]. Описание самой реформы вызывает доверие [Кузищин, 1960, с. 62], однако, излагая ее причины, Аппиан приносит в свое

---

⁷⁶ Вопрос об источниках Аппиана и Плутарха с давних пор обсуждается в историографии. С точки зрения Э. Мейера, Аппиан и Плутарх пользовались одним и тем же источником - сочинением Азиния Поллиона [Meuer, 1910, S. 397, 402]. Эта гипотеза достаточно распространена среди исследователей, ее поддерживает, в частности, Э. Габба [Gabba, 1958, p. XXIV-XXV]. По мнению М. Е. Сергеенко, изложение Плутарха кардинально отличается от Аппиана, источником Аппиана она считает некий политический памфлет времен Гая Гракха [Сергеенко, 1958 (2), с. 156]. И. Хан пришел к выводу, что «Римская история» написана на основе разных источников, от которых Аппиан достаточно сильно зависел; источник, использованный для освещения истории Гракхов, не был богат отсылками к конкретным материалам, особенно по сравнению со второй книгой «Гражданских войн» [Hahn, 1982, S. 252-253, 259].

повествование реалии II в. н.э., в частности, говоря о распространении латифундий и конкуренции между трудом рабов и свободных граждан [Кузищин, 1960, с. 60–61]. Некоторые же исследователи вообще склонны отрицать наличие у грахканских реформ какой-либо серьезной причины, связанной с аграрным кризисом, и считают их исключительно политическим шагом⁷⁷.

Ещё раз обратимся к уже рассматривавшемуся нами пассажи Аппиана. По его словам, *ager publicus* римляне добывали в результате завоеваний. Пригодную для обработки землю они распределяли между поселенцами, продавали или сдавали в аренду, непригодную – предлагали возделывать желающим при условии уплаты десятой части зерна и пятой части плодов от ежегодного урожая, также была определена плата для выпасающих крупный и мелкий скот (App. b.c. I.7: ἐλεκήρυττων ἐν τοσῶδε τοῖς ἐθέλουσιν ἐκπονεῖν ἐπὶ τέλει τῶν ἐτησίων καρπῶν, δεκάτη μὲν τῶν σπειρομένων, πέμπτη δὲ τῶν φυτευομένων. ὄριστο δὲ καὶ τοῖς προβατεύουσι τέλη μειζόνων τε καὶ ἐλαττόνων ζώων). Впрочем, продолжает историк, благие намерения римлян (а такая система распределения общественной земли должна была способствовать ее рациональному использованию и, как следствие, процветанию «италиков»⁷⁸) не достигли своих целей. «Богатые» в итоге захватывали

---

⁷⁷ Такая позиция близка и некоторым источникам, в основном, римским: в частности, с точки зрения Цицерона, истинной причиной аграрной реформы было желание Тиберия укрепить свои позиции, пошатнувшиеся после расторжения сенатом Нумантийского договора, в заключении которого он участвовал (Cic. de har. resp. 41) [Лапырёнок, 2016, с. 16-17]. Наиболее ярким примером такого подхода в историографии является работа Д. Эарла [Earl, 1963], встреченная, впрочем, возражениями [Brunt, 1964, p. 189].

⁷⁸ С точки зрения Х. Галштерера, под «италиками» Аппиан понимает римских граждан, привязанных к *fora* и *conciliabula* - мелким сельским административным центрам [Galsterer, 1976, S. 40]. Это толкование, конечно, было бы оптимальным, поскольку проведение аграрной реформы в интересах неграждан, как это можно понять при буквальном прочтении текста Аппиана, давно

общественную землю (App. b.c. I.7), несмотря на то, что ее, судя по Аппиану, можно было возделывать при условии выплаты налогов, причем как участки для земледелия, так и пастбища. Чтобы исправить эту ситуацию, был принят закон, по которому никто не должен был иметь больше 500 югеров земли и выпасать больше 100 голов крупного скота и больше 500 – мелкого (App. b.c. I.8: μηδένα ἔχειν τῆσδε τῆς γῆς πλέθρα πεντακοσίων πλείονα μηδὲ προβατεύειν ἑκατὸν πλείω τὰ μείζονα καὶ πεντακοσίων τὰ ἐλάσσονα).

Таким образом, следуя логике Аппиана, общественные земли, непригодные для земледелия, могли за плату использоваться в качестве пастбища, затем их использование было ограничено еще и установлением максимального количества выпасаемого скота. В целом, этому изложению соответствует точка зрения К. Трапенарда, автора до сих пор единственного специального исследования категорий пастбищных угодий в Древнем Риме. По его мнению, выпасы никогда не были бесплатными: все пастбищные угодья с давних пор относились к *ager scripturarius* – полям, на которых можно было выпасать скот при условии внесения арендной платы [Trapenard, 1908, p. 27]. Закон, ограничивающий выпасы скота, относился к *ager scripturarius* и должен был быть принят после Второй Пунической войны [Trapenard, 1908, p. 120]. Основные идеи работы К. Трапенарда, которая и в настоящее время считается классическим исследованием этой темы [Laffi, 2001, p. 401], были развиты в не менее известной монографии А. Бурдесе. С его точки зрения, в Древнем Риме существовало два типа пастбищных угодий: *ager compascuus* – бесплатные угодья, которыми пользовались жители связанных с ними общин, и *ager scripturarius* – пастбище на *ager publicus*, пользоваться которым мог за плату любой желающий [Burdese, 1952, p. 37–38]. Тем не менее, существует и другое мнение. С точки зрения Ж. Каркопино, в 7-й главе Аппиан писал про обложение

вызывало недоумение у исследователей. Разбор аргументов за и против этой гипотезы см. у Р. В. Лапырѐнка [Лапырѐнок, 2016: 17-26).

налогом выпасов на *ager scripturarius*, а ограничение на выпас скота действовало для *ager occupatorius* [Carcopino, 1928, p. 156]. То же понимание этого вопроса проявилось и в работе, посвященной вопросу об использовании *ager publicus* С. Розелаар [Roselaar, 2010, p. 111–112; 134–135].

Еще раз обратимся к тексту Аппиана. Как было отмечено в первой главе, примечателен тот факт, что оккупации общественной земли уделено очень немного внимания: по Аппиану, *ager publicus* либо распределялся между колонистами, либо продавался, либо использовался за плату. Оккупация как законный способ использования общественной земли им не упоминается, и в этом его большое отличие, к примеру, от римских землемеров, современником которых он был: они, описывая судьбу *ager publicus*, в первую очередь говорят именно об ее оккупации участвовавшими в ее завоевании римлянами (CAR, S. 102: *Occupatorii autem dicuntur agri, ...quibus agris uictor populus occupando nomen dedit*). Во времена Аппиана, однако, ни о какой законной оккупации речи идти не могло. В этой связи нельзя не вспомнить гипотезу В. И. Кузищина о привнесении Аппианом в описание аграрного кризиса реалий своего времени (см. параграф 1.1.1). Не является ли в таком случае описанная им система использования пастбищных угодий также калькой с ситуации II в. н.э.?

Для ответа на этот вопрос необходимо более подробно рассмотреть норму о максимуме голов скота. С законом Лициния–Секстия традиция связывает древнейшее ограничение на оккупацию *ager publicus*, умалчивая о том, предусматривал ли этот закон также ограничения на выпас скота (Liv. VI.35.4–5). Самое раннее упоминание о существовании этой нормы содержится во фрагменте речи Катона «В защиту жителей Родоса», датируемой 167 г. до н.э. (Cato. ORF. Fr. 40: *si quis plus quingenta iugera habere voluerit, tanta poena esto; si quis maiorem pecuum numerum habere voluerit, tantum damnas esto?*). Катон говорит об ограничении в 500 югеров, наложенном на земельное владение, и ограничении на количество скота, однако не называет ни автора закона, ни времени, когда он был принят, ни,

собственно, максимально допустимое количество голов скота. В историографии упомянутый Катонем закон принято считать более поздней модификацией закона Лициния–Секстия *de modo agrorum*, а временем его принятия гипотетически считается конец II в. или начало III в. до н.э. [Forsén, 1991, p. 80]

Мы можем, однако, предположить, что ограничения на выпасы существовали и раньше. На это указывают сведения, которые мы можем почерпнуть из «Фаст» Овидия. Описывая обстоятельства учреждения праздника Флоралий, Овидий приводит следующие подробности:

venerat in morem populi depascere saltus,
 idque diu licuit, poenaeque nulla fuit;
 vindice servabat nullo sua publica volgus,
 iamque in privato pascere inertis erat.
 plebis ad aediles perducta licentia talis
 Publicios; animus defuit ante viris
 rem populus recipit, multam subiere nocentes. (Ovid. Fast. V.283–288)

«Входило в обычай объедать народный сальтус: это было позволено долго, не было никакого наказания, народ не служил никакой защитой своему добру, и уже на частной (земле) выпасать было недальновидно. Такая свобода продолжалась до плебейских эдилов Публициев, прежде же мужам не хватало смелости. Народ вернул добро, преступники были оштрафованы».

Эдилитет братьев Публициев датируется 240 г. до н.э. [Gundel, 1959, S. 1901] Об этом же событии сообщает Фест: «Публициевым холмом называется тот, который два брата, Луций и Марк Публиции Маллеолы, будучи курульными эдилами и осудив скотоводов, из денег, которые они собрали, укрепили, чтобы повозкам можно было проехать на Авентин» (Fest. s.v. Publicius: Publicius clivus appellatur, quem duo fratres L. M. Publici Malleoli aediles curules pecuaris condemnatis ex pecunia, quam ceperant, munierunt, ut in Aventinum vehiculis ... venire possit). О

связи этого холма с братьями Публициями сообщает также Варрон (Varr. l.1. 5.158: *clivos Publicius ab aedilibus plebei Publicis qui eum publice aedificarunt*).

Из описания Овидия не следует, что за выпасы взималась какая-либо плата: напротив, оно создает впечатление максимальной безнаказанности хозяев стад. По выражению Овидия, «народ вернул добро», следовательно, оно было каким-то образом отнято. На пастбище на общественной земле могли посягать либо сборщики арендной платы, либо хозяева стад. При отсутствии соответствующего бюрократического аппарата в структуре римской *civitas* арендная плата за пользование общественными землями взималась откупщиками [Badian, 1972, p. 24; Baatz, 1986, S. 39], которым не было выгодно как-то экспроприировать землю, поскольку она сдавалась на откуп как общественная, следовательно, они должны были быть против того, чтобы она переходила в частные руки. Учитывая тот же фактор контроля со стороны публиканов, едва ли в массовом порядке можно было избежать уплаты аренды⁷⁹. Очевидно, общественная земля просто бесконтрольно использовалась под выпасы. Таким образом, Овидий, скорее всего, имеет в виду нарушение нормы о максимальном количестве скота, которое, как следует из дальнейшего описания, каралось штрафом. Косвенно в пользу этой версии говорит выражение *depascere saltus*,⁸⁰ которым описывается преступление.

---

⁷⁹ В этой связи можно вспомнить самое раннее упоминание скриптурных полей, содержащееся в комедии Плавта «Грубиян». Главный герой сетует служанке гетеры на то, что он потратил на возлюбленную все свои средства, однако теперь она предпочитает ему другого; служанка же указывает ему в терминологии арендных отношений, что он сам виноват в своей неплатежеспособности: «Многие, ведущие дела плохо, то же, что и ты, делают: когда у них неоткуда заплатить скриптуру, они винят публиканов» (Plaut. Truc. 146: *Plerique idem quod tu facis faciunt rei male gerentes: ubi non est, scripturam unde dent, incusant publicanos*).

⁸⁰ Напомним, что *сальтус* в данном случае - местность, поросшая кустарником или небольшим лесом, и потому непригодная для земледелия. *Сальтус* не обрел более четкого агрименсурного

У Тита Ливия же зафиксировано четыре процесса против скотоводов (*ресуагii*; Liv. X.23.13; X.47.4; XXXIII.42.10; XXXV.10.12), самые ранние из которых относятся к 295 и 291 гг. до н.э. (Liv. X.23.13; X.47.4). Все эти сообщения Ливия очень похожи на рассказ Овидия: эдилы (плебейские или курульные) привлекают к суду скотоводов, однако об обстоятельствах дел подробно не сообщается. Деньги со штрафов расходуются схожим образом: так, в 295 г. до н.э. устраиваются игры и в храм Цереры посвящаются золотые чаши, в 291 г. до н.э. устраиваются игры и мостится дорога от Марсова камня до города Бовиллы. Дела *ресуагii* рассматривались на *iudicium populi* (Liv., XXXIII.42.10: *aediles plebes... multos ресуагios ad populi iudicium adduxerunt*), т.е. на суде народного собрания.

Интерпретация этих сведений Ливия самих по себе может представлять собой определенную проблему, связанную прежде всего с переводом данного пассажа: *ресуагiуs* может обозначать как крупного скотовода, так и арендатора общественных пастбищ. Лингвистические исследования показывают, что первоначальным было, конечно, было значение «скотовод», однако очень быстро термин *ресуагiуs* стал синонимом термина *сриптурариуs* [Botteri, 1977, p. 322; García-Hernández, 2006, p. 225], т.е. откупщика скриптуры – платы, взимаемой за выпасы на общественном поле. С другой стороны, описываемый Овидием случай достаточно однозначен, а его детали похожи на рассказы Ливия: во всех случаях делом занимаются эдилы, наказанием является штраф, расходуемый на общественные нужды. Таким образом, можно предположить, что у Ливия речь также идет об осуждении скотоводов, а не откупщиков скриптуры. Так как самое раннее преступление скотоводов у Ливия датируется началом III в. до н.э., можно предположить, что ограничения на выпасы существовали уже в это время и скорее всего впервые были

выражения даже во II в. н.э.: землемеры сообщают лишь о пометках на деревьях, которыми обозначались границы *locus incultus et silvosa*. (CAR, S. 109)

приняты вместе с законом Лициния–Секстия *de modo agrorum* – по крайней мере, данных о других аграрных законах для этого времени у нас нет.

Таким образом, существование скриптурных полей зафиксировано по меньшей мере для конца III – начала II в. до н.э. (Plaut. Truc. 146), однако, скорее всего, эта система не была изначальной и распространялась на общественные сельскохозяйственные угодья постепенно. Накануне реформ часть общественной земли могла использоваться под пастбище бесплатно, будучи ограниченной только количеством голов выпасаемого скота, а мнение К. Трапенарда об обязательной плате за использование всех видов угодий [Trapenard, 1908, p. 27] едва ли справедливо. Косвенным аргументом против гипотезы К. Трапенарда является и то обстоятельство, что сведения об откупах платы за пользование общественной землей очень немногочисленны (они исчерпываются вышеперечисленным отрывком из Плавта), а откуп, к примеру, *ultra tributa* приносил гораздо больший доход [Badian, 1972, p. 23–24]. С точки зрения Э. Бэдиана, *ager publicus* начал весьма постепенно восприниматься как источник арендной платы, начиная со 170–160-х гг. до н.э. [Badian, 1972, p. 43–44] И наличие скриптуры, и наличие ограничений в количестве скота, выпасаемого на общественной земле, были попытками контролировать использование общественной земли в условиях землемерной и правовой аморфности категории *rasua publica*.

О распространенности *agri scripturarii* во II в. до н.э. судить достаточно сложно. По наблюдениям С. Йео, склонность к занятиям скотоводством проявилась у римлян достаточно рано – еще до Второй Пунической войны, чему во многом способствовала прибыльность этого занятия [Yeo, 1948, p. 277]. Следовало ожидать постепенного распространения скриптурных полей, поскольку это была единственная форма контроля над *rasua publica*, к тому же, достаточно прибыльная для римлян. В этой связи стоит еще раз упомянуть то обстоятельство, что в начале II в. до н.э. были конфискованы значительные территории на юге Италии, где отгонное скотоводство было основным занятием. Взимание арендной платы за пользование

pasqua publica было выгодно римлянам, однако оно должно было сказаться на настроениях этого населения, для которого использование таких пастбищ традиционно было бесплатным [Salmon, 1967, p. 68–70]

Распространению скриптурных полей должна была способствовать и общая социально–экономическая ситуация в Италии во II в. до н.э. Так, М. Фредериксен установил, что данные археологии не позволяют говорить об наличии каких–либо аграрных проблем – наоборот, сельскохозяйственное производство процветало [Frederiksen, 1970–1971]. Г. Борен обратил внимание на то, что меры, которые предпринимает Гай Гракх – мобилизация населения на строительство, установление фиксированных цен на зерно – характерны для решения проблем не деревни, а города [Boren, 1976]. Многолетний опыт социально–экономических исследований аграрного кризиса обобщила в своей работе С. Розелаар. С её точки зрения, аграрный кризис был вызван не распределением общественной земли, а тем, что ценность земли во II в. до н.э. повышается из-за спроса на сельскохозяйственную продукцию все растущего города Рима. В связи с этим крестьяне предпочитали продавать свои участки и уезжать в Рим, пополняя и без того значительную массу городского пролетариата, все это происходило еще и на фоне постоянного демографического роста [Roselaar, 2010, p. 219–220]. Эти условия, безусловно, должны были способствовать постепенному введению арендной платы за пользование общественными пастбищами.

Тем не менее, состояние источников не позволяет нам реконструировать детали этого процесса. По сути, наш единственный источник по истории сельского хозяйства II в. до н.э., трактат Катона Старшего, о них умалчивает. Примечательно, что сам Катон, хотя в его трактате практически нет сведений о скотоводстве, по свидетельству Цицерона, считал именно скотоводство наиболее прибыльным занятием (Cic. de off. XXV.89). Введение за выпасы на общественной земле скриптуры, с одной стороны, могло представлять собой форму контроля за прибыльным занятием, с другой стороны, было выгодно собиравшим её публиканам.

Таким образом, можно предположить, что общественные земли постепенно превращались в *agri scripturarii* в течение II в. до н.э.

2.2. Общественные угодья и проведение аграрных реформ Гракхов

При исследовании истории древнеримских земельных категорий нельзя не обратиться к вопросу о влиянии на их развитие аграрных реформ конца II в. до н.э. Программа земельной реформы, предложенная в 133 г. до н.э. Тиберием Гракхом, по словам Ливия, заключалась во введении очередного ограничения на владение землей, на этот раз в 1000 югеров. Остальная земля, очевидно, должна была быть поделена между бедными. Практическая реализация этого замысла была возложена на триумвиров, которые и должны были определять границы частной и общественной земли (Liv. per.58). С точки зрения Аппиана, Тиберий Гракх возобновил закон, запрещавший иметь кому-либо более 500 югеров – очевидно, имелось в виду возобновление закона Лициния–Секстия. К этому закону Тиберий Гракх добавил меру, по которой сыновья могли также иметь половину от 500 югеров, очевидно, прочую землю нужно было освободить. После она должна была быть передана нуждающимся без права продажи, чтобы богатые не смогли ее скупить (App. b.c. I.10). По сведениям Плутарха, получив компенсацию за конфискованные земли, «богатые» должны были освободить незаконно приобретенную землю (Plut. Tib. Gracch. 9). Таким образом, общее содержание закона Тиберия можно реконструировать следующим образом: основным положением закона было восстановление и корректировка уже существующего положения о земельном максимуме.

Сама по себе идея реформы была не нова. Однако, принципиальным новшеством подхода Гракха было обеспечение практической реализации этого принципа. В конце II в. до н.э. римское межевание было уже достаточно развито, чтобы обеспечить не просто декларацию этого закона, но и его выполнение. Поэтому важным элементом реформы было создание комиссии триумвиров, которая и должна

была отделить частную землю от общественной, а общественную – размежевать на участки.

Для исследования нашей темы важно прояснить вопрос, который традиционно оказывается на периферии интересов исследователей гракханской реформы: насколько её реализация повлияла на положение общественных угодий. Непосредственно в рамках нашего исследования мы считаем нужным прояснить, повлияло ли проведение реформы на размеры общественных угодий, уточняли ли какие-либо положения реформы вопрос об их использовании.

2.2.1. Реализация гракханских преобразований

О проведенной комиссией работе по реализации положений реформы можно судить по сведениям, зафиксированным в *libri coloniarum* и надписях, содержащих имена комиссии тресвигов. Местонахождение камней и указания *libri coloniarum* (см. рис. 8) не всегда коррелируют между собой: зачастую *libri coloniarum* умалчивают о засвидетельствованных эпиграфикой местах работы гракханской комиссии или же наоборот, указывают на области, в которых не найдено ни одного гракханского межевого камня (более подробно об этом будет сказано в дальнейшем). С одной стороны, такая ситуация связана с тем, что, разумеется, в распоряжении исследователей находится лишь небольшая часть гракханских терминов, частично уничтоженных еще в древности⁸¹. С другой стороны, *libri coloniarum* сами по себе

---

⁸¹ Речь идет об интерпретации фразы SRF I, S. 242 = Campbell, p. 190: *Ratio militiae adsignationis prima triumvirales lapides Graccani, rotundi columniaci, in capite, diametrum pedem unum et pedem unum et semis, altus ped. III et III (et semis)*. Б. Кэмпбелл переводит этот фрагмент следующим образом: «In the initial process of allocating land to soldiers, triumvirs have used Gracchan boundary stones, which were round and column-shaped, with a diameter at the top of 1 foot or 1 ½ feet, and were 4 feet of 4 ½ feet high» [Campbell, 2000, p. 191]. На самом деле, фраза не содержит указаний на то, что гракханские камни для ассигнаций использовали именно триумвиры: в выражении «*triumvirales lapides Graccani*» нет противоречия, поскольку гракханская комиссия состояла из трех человек. Таким образом, речь в данном отрывке скорее идет об использовании для ассигнаций ветеранам

представляют собой достаточно сложный для интерпретации источник. Восходящий, очевидно, к эпохе Августа, их текст содержит следы поздних редактирований, ошибки и внутренние противоречия, не упоминает всех известных по нарративным источникам колоний. Эти обстоятельства позволили Моммзену крайне критично отнестись к *libri coloniarum* как к источнику [Mommsen, 1852 (1), S. 188]. Со времени первого издания, впрочем, было сделано многое для изучения этого источника. Было установлено, что большая часть данных *libri coloniarum* подтверждается археологическими и эпиграфическими источниками, следовательно, нет оснований ставить под сомнение остальное [Peugas, 2006, p. 59; Roselaar, 2009, p. 213].

На сегодняшний момент с гракханскими мероприятиями связывают 24 камня [Sisani, 2015, p. 294–300], из которых 23 происходят с территории Италии. На десяти камнях (CIL I² 719, 2935, 639, 640, 641, 642a, 642b, 2932, 2932a, 2933) засвидетельствованы имена первого состава комиссии триумвиров: Гая Гракха, Аппия Клавдия Пульхра и Публия Лициния Красса, на четырех – Гая Гракха и Марка Фульвия Флакка (CIL I² 2933a; AE 1994, 533; AE 2010, 353; Sisani, 2015, p. 298), на двух – полный второй состав триумвиров (Гая Гракх, Фульвий Флакк и Папирий Карбон; CIL I² 643, 644)⁸². Верхняя часть камня как правило содержит

камней триумвиров-гракханцев. Другая сложность этого фрагмента заключается в том, что формально он отнесен в описание колоний в Далмации, где гракханские межевые комиссии никак не могли работать [Roselaar, 2009, p. 204]. Однако, в этом разделе вообще не содержится каких-либо указаний на конкретные города Далмации, и его заголовок никак не связан с его содержанием.

⁸²С реформами Гракхов принято также связывать межевые камни без надписей, найденные в районе функционирования гракханских комиссий, камни с указанием лимитов без указания на комиссию триумвиров и межевые камни, содержащие неоднозначно восстанавливаемые аббревиатуры FPV [Sisani, 2015, p. 300] и FPCAV (AE 1997, 380). Их связь с работой гракханской комиссии восстанавливается по надписи CIL I² 644:

указание на лимиты, в точке пересечения которых был поставлен межевой знак, также имена триумвиров и их полномочия: *Triumviri agris iudicandis adsignandis* – «триумвиры для полей присуждаемых и ассигнуемых»⁸³. Очевидно, что комиссии триумвиров понадобились судебные полномочия⁸⁴ для того, чтобы определить, какая земля является частной, а какая общественной. По сведениям Аппиана, работа комиссии была связана с решением многочисленных судебных дел, поскольку *agri occupatorii*, полученные в результате завоевания, не имели четких границ и не были

[in vertice]

FVEPCI

[in fronte]

M. Folvius M. f. Fla[c(cus)] / C. Sempronius Ti. f. G[ra(c)chus] / C. Paperius C.f. Carb(o) / Triumviri agris iudicandis adsignandis).

Эпиграфисты единогласны относительно восстановления начала аббревиатуры: F(undus) VE(teri) P(ossessori) C(oncessus) – У(часток) П(режнему) В(ладельцу) У(ступленный), однако расходятся в трактовке конечной I – I(mmunis) – свободный от налогообложения [Warmington, 1940, p. 168-173] или I(udicatus) – присужденный [Sisani, 2015, p. 299]. Очевидно, что в данной надписи, как и в надписях с буквами FPV и FPCAV, речь идет об участке на *ager publicus*, уступленном прежнему владельцу. О возможности такой ситуации мы знаем из аграрного закона 111 г. до н.э, там же, в строке 21, упоминается и термин *vetus possessor*.

⁸³ Примечательно, что ассигнация здесь означала только фактическую передачу колонисту, а не передачу в собственность. В пользу этого свидетельствует надпись CIL I² 719, установленная значительно позже работы комиссии триумвиров и фиксирующая уже ситуацию, когда гракханские ассигнации стали считаться частной собственностью [Molthagen, 1973, S. 436].

⁸⁴ Наличие у аграрной комиссии судебной власти не должно удивлять, в частности, это предусматривалось и аграрным законопроектом Сервилия Рулла (Cic. leg. agr. I.9; II.34; 45; 60; 99). На этом основании Р.В. Лапырёнок реконструирует полномочия аграрной комиссии по аграрному закону Тиберия Гракха как *summum imperium iudiciumque*. [Лапырёнок, 2016, с. 39].

достаточно хорошо зафиксированы документально (App. b.c. I.18)⁸⁵. Собственно, целью комиссии было наделение земель малоимущих граждан (*assignatio*), что также отражено в её названии⁸⁶.

Примечательна география работы комиссии триумвиров. Большая часть надписей происходит из Кампании. Надпись CIL I² 641 была найдена на территории Свессулы, хотя *liber coloniarum* указывает, что этот город был выведен по закону Суллы, а его территория была ассигнована «сулланскими лимитами» (SRF I, S. 234 = Campbell, p. 184). Севернее Свессулы, у подножья горы Тифаты в непосредственной близости от старой латинской колонии Кал также был найден камень гракханской комиссии (CIL I² 640)⁸⁷. То, что поле этой колонии было размежевано «гракханскими лимитами», подтверждается и *liber coloniarum* (SRF I, S. 232 = Campbell, p. 182). Разумеется, сейчас сложно сказать, использовался ли для гракханских ассигнаций *ager publicus*, принадлежавший колонии, однако представляется, что такой вариант был более чем возможен, особенно если учесть, что на территории колоний могла иметься общественная земля. Целых пять надписей происходят с территории Абеллина (SRF I, S. 229 = Campbell, p. 178), в том числе надписи, указывающие на уступление некоторых оккупированных полей прежним владельцам.

---

⁸⁵ О подобных особенностях *agri occupatorii* сообщают и римские землемеры, в частности, Сикул Флакк (CAR, S. 102).

⁸⁶ В надписях аграрной комиссии не засвидетельствована, однако, передача ассигнуемых участков владельцам – *datio*. С точки зрения К. Дарта, функция *datio* была предоставлена комиссии после 129 г. до н.э., когда у нее были изъяты судебные функции [Dart, 2011, p. 353-354]. С нашей точки зрения, отсутствие *datio* в формуле может быть связано с особым статусом гракханских поселений: как известно, по установлению Тиберия, ассигнованные участки нельзя было продавать (App. b.c. I.10), следовательно, их нельзя было определить как *dati assignati*.

⁸⁷ Она была основана еще в 334 г. до н.э. и вскоре приобрела статус муниципия [Campbell, 2000, p. 417].

Пять камней происходят из Апулии. Два – с севера, с территории лигуров-корнелианов, на которой *libri coloniarum* упоминают лишь ассигнация Августа (SRF I, S. 235 = Campbell, p. 185), три из Компсы, что совпадает с данными *Libri coloniarum* (SRF I, S. 210, 261 = Campbell, p. 165, 200).

По меньшей мере три камня⁸⁸ свидетельствуют в пользу активности гракханской комиссии на *ager Volceianus*, что в Лукании. *Libri coloniarum* не сообщают прямо о гракханских межеваниях в районах местонахождения камней, однако указывают, что префектура находящегося в сравнительной близости Грумента размежевана «гракханскими лимитами»,⁸⁹ следовательно, определенные следы гракханских ассигнаций в этой местности фиксируются. Еще три межевых камня (CIL I² 639, 642a, 642b) также происходят из Кампании, из района Атины, для которой *libri coloniarum* не фиксируют следов гракханских межеваний⁹⁰.

---

⁸⁸ Это надписи CIL I² 2932, 2932a, 2933.

⁸⁹ С точки зрения Б. Кэмпбелла, выражение «гракханские лимиты» не обязательно означает, что поселение было основано именно в эпоху Гракхов, имеется в виду какой-то особый вид лимитов [Campbell, 2000, p. 403]. В поддержку этой точки зрения можно привести указание *libri coloniarum* на августовские ассигнации в Козентии, которые были проведены с помощью гракханских лимитов. Тем не менее, по мнению С. Розелаар, которое кажется нам более обоснованным, эту фразу можно толковать и так, что император Август использовал при своих ассигнациях сетку межевания Гракхов [Roselaar, 2009, p. 201-202]. Косвенным подтверждением этому может служить не только то, что имеющиеся данные археологии не позволяют установить существование специфического стиля гракханских межеваний, но и тот факт, что землемеры, обращающие в своих трактатах внимание на специфические типы межевания, ничего об особых гракханских лимитах не сообщают. Ж. Пейрас обращает особое внимание на сведения *libri coloniarum* о гракханских лимитах, формирующих 200-югерные центурии, в целом, не характерные для гракханского времени. На том основании, что следы подобного межевания можно встретить в Африке, на месте колонии Юнонии (см. параграф 3.1.1) исследователь предлагает считать их нововведением Гая Гракха. [Peugas, 2006, p. 57]

⁹⁰ Они датируют основание колонии временем правления «Клавдия Нерона» и фиксируют древние следы межевания лацинами и стригами (SRF I, S. 230 = Campbell, p. 178). Этот факт, в целом,

Деятельность в этих регионах гракханской комиссии должна была быть обусловлена тем, что, с одной стороны, это была сравнительно близкая к Риму местность и поэтому привлекательная для поселенцев, с другой стороны, в некоторых из них имелось достаточно много *ager publicus*, пригодного для ассигнации. В то же время, часть этого *ager publicus* потенциально могла служить угодьями для близлежащих общин. Таким образом, проведение аграрной реформы Тиберия Гракха предсказуемо должно было сократить площадь общественных угодий. Также обращает на себя внимание то, что зачастую *libri coloniarum* сообщают для мест, где были найдены гракханские термины, данные о более поздних межеваниях. На то же отчасти указывает надпись из Умбрии⁹¹. Речь в ней идет о восстановлении межевых камней, поставленных гракханской комиссией. Скорее всего, имелся в виду межевой камень, закреплявший сетку лимитации. Таким образом, не вся выделенная комиссией общественная земля оказалась передана в собственность поселенцам.

примечателен, поскольку Томсен идентифицирует «Клавдия Нерона» с будущим императором Тиберием, до усыновления Августом носившим имя Тиберий Клавдий Нерон, Э. Паис же предпочел видеть в нем императора Нерона [Pais, 1923, p. 145-146].

⁹¹ CIL I² 719 = CIL XI 6331 = ILS 26 = ILLRP 474 = AE 1993, 622: M(arcus) Terentius M(arci) f(ilius) / Varro Lucullus / pro pr(aetore) terminos / restituendos / ex s(enatus) c(onsulto) coeravit / qua P(ublius) Licinius / Ap(pius) Claudius / C(aius) Graccus IIIvir(i) / a(gris) d(andis) a(dsignandis) i(udicandis) statuerunt.

«М(арк) Теренций, с(ын) М(арка) / Варрон Лукулл / пропр(етор), о терминах, / которые необходимо восстановить / согласно с(енатус) к(онсульту) позаботился, / где П(ублий) Лициний, / Ап(пий) Клавдий, / Г(ай) Гракх трезвир(ы) / для полей п(ередаваемых) а(ссигнуемых) п(рисуждаемых) поставили.»

Датировка надписи спорная: по одной из гипотез, это 82 или 81 г. до н.э., когда Лукулл воевал в этой области, по второй – 75 или 74 г., до его консульства.

Аграрный закон Гая Гракха, несмотря на свидетельство Ливия, согласно которому Гай Гракх *legem agrariam, quam et frater eius tulerat* (Liv. Per. 60), отличался от закона Тиберия. В первую очередь, он изымал из ассигнации некие категории земель. Об этом свидетельствует текст аграрного закона 111 г. до н.э.:

(6) *Quod C. Sempronius Ti.f. tr(ibunus) pl(ebis) rog(avit), exemptum cavitumve est nei divideretur...*

«(6) Что по предложению Г. Семпрония, сына Тиберия, народного трибуна, должно быть изъято (из межевания) или оговаривалось, что не будет размежевано...»

В историографии существует ряд гипотез относительно того, что представляли собой земли, изымаемые из раздела по предложению Гая Гракха. Так, по мнению Ф.Т. Хинрикса, Гай стремился улучшить отношения с союзниками, поэтому изъял из межевания некоторые оккупированные ими земли. В качестве одного из аргументов он обращает внимание на то, что в 123–122 гг. до н.э. не было волнений союзников, как это было во время реализации закона Тиберия [Hinrichs, 1966, S. 256]⁹². С точки зрения А. Бурдесе, исключены из межевания были *ager censorius*, *ager quaestorius* и *ager compascuus*, поскольку взимание за их использование арендной платы приносило доход в казну [Burdese, 1952, p. 92–93]. Р.В. Лапыренку, в целом, импонирует гипотеза А. Бурдесе за исключением категории *ager compascuus* – с его точки зрения, *ager compascuus* представляли собой малопригодные для земледелия земли, поэтому едва ли они были интересны аграрной комиссии [Лапыренок, 2014, с. 34].

В связи с этой дискуссией обратим внимание на то, что об «изъятых» землях сообщают землемеры. С их точки зрения, *exserta* – это земли, которые изымались из

---

⁹² С нашей точки зрения, имеющиеся сведения о работе комиссии, созданной по закону Тиберия, несопоставимы со сведениями об аграрных преобразованиях Гая, и едва ли это случайность, - скорее всего, это свидетельствует о слабой активности преобразований.

межевания теми, кто проводил межевание⁹³. По сообщению Гигина Громатика, изъятые участки были полностью частными и исключались из юрисдикции колонии, эта привилегия добывалась хорошей службой (CAR, S. 160). Видимо, в данном случае под *excerpta* также имелись в виду некие частные владения на *ager publicus*, которые изымались из действия закона⁹⁴. Что касается земель, которые не межевались (*nei divideretur*), то как-то прояснить, что могло скрываться за этим понятием, не представляется возможным. Можно предположить, что Гаем Гракхом был предложен вполне детальный перечень конкретных земель, которые необходимо было изъять из межевания – в конце концов, большая работа на местах, проведенная комиссией, и личное участие в этой работе, давало ему такую возможность. В связи с этим, нам ближе точка зрения Хинрикса⁹⁵.

Таким образом, имеющиеся у нас данные позволяют говорить о том, что реформа Тиберия Гракха действительно в определенной степени была реализована. По крайней мере, мы можем говорить о том, что работой гракханских комиссий была охвачена значительная часть южной и центральной Италии, особенно те районы, где после второй Пунической войны были проведены масштабные

---

⁹³ CAR, S. 121: *inscribuntur quaedam EXCEPTA, quae aut sibi reservavit auctor divisionis et assignationis, aut alii concessit.*

«Надписываются какие-либо ИЗЪЯТЫЕ (места), которые или для себя оставляет руководитель межевания и ассигнаций, или другим уступает».

⁹⁴ Впрочем, были ли это частные земли конкретных лиц или же земли, находящиеся в пользовании других общин, как общественная земля, находящаяся во владении лангенов витуриев (см. пункт 1.2) сказать сложно.

⁹⁵ В качестве контраргумента часто используется соображение, что послабления италикам в области использования *ager publicus* должны были вызвать недовольство со стороны римлян. Представляется, что часть римской элиты в то время понимала необходимость мирного решения земельного конфликта с италиками. Об этом говорит хотя бы позиция Сципиона Эмилиана в 129 г. до н.э. (App. b.c. I.19)

земельные конфискации. Результатом этой работы было сокращение массива *ager publicus*, часть которого потенциально могла использоваться в качестве общественных угодий. Очевидно, что далеко не вся земля, конфискованная в фонд *ager publicus*, была передана в собственность, поскольку работа комиссии Тиберия была остановлена. Аграрный закон Гая Гракха предполагал изъятие из межевания некоторых земель, однако практических свидетельств, что работа комиссии возобновилась, нет.

2.2.2. Место общественных угодий в гракханских реформах

Имеющиеся сведения о реформе Тиберия Гракха умалчивают о том, касался ли его закон регламентации использования общественных пастбищ. С одной стороны, мы знаем, что закон был направлен против незаконного использования общественной земли. В то же время, выпасы на *ager publicus*, очевидно, должны были создавать проблемы при использовании этой земли накануне реформы Тиберия Гракха. С точки зрения К. Йоханнсен, проект аграрной реформы Тиберия должен был содержать пункт про ограничения на выпасы, скорее всего, не вводивший никаких новых постановлений [Johannsen, 1971, S. 76]. С ней не согласен А. Линтотт: с его точки зрения, если бы закон Тиберия или Гая содержал пункт о пастбищах, отсылка к нему содержалась бы в аграрном законе 111 г. до н.э., как это было сделано в других случаях [Lintott, 1992, p. 226].

Как нам представляется, вопрос о наличии пункта о *pasqua publica* в гракханском аграрном законодательстве следует рассмотреть с точки зрения его соответствия целям реформ. Установление максимума для владений на *ager publicus* позволяло частично освободить его для земельных ассигнаций; однако, давали ли такую возможность ограничения на выпасы на общественной земле? В том случае, если они относились к *ager occupatorius*, безусловно, давали. Как мы помним, по словам Аппиана выпасы ограничивались 500 головами мелкого скота и 100 – крупного. По подсчетам Дж. Тибилетти, это количество скота невозможно выпастить

на 500 югерах земли – для него понадобилось бы по меньшей мере 1800 югеров [Tibiletti, 1949, p. 12]⁹⁶. В случае, если вся эта земля была *ager occupatorius*, получится, что максимальное владение составляло не 500 югеров, а по меньшей мере около 2300, из которых большая часть – это частные пастбища. Едва ли такая ситуация рациональна, к тому же, источники, напротив, указывают на строгий контроль цензоров за тем, чтобы оккупированные земли обрабатывались (Plin. NH. XVIII.11). Обращает на себя внимание и тот факт, что *ager occupatorius* ограничен размером, пусть, очевидно, и не точно подсчитанным,⁹⁷ а *pasqua* – количеством голов скота, величиной, которая не имеет никакого отношения к землемерной практике и не может считаться указанием на величину участка. К тому же, по буквальной формулировке Катона, закон запрещал *иметь* скота больше разрешенного количества (Cato. ORF. Fr. 40: *si quis maiorem pecuum numerum habere voluerit*). Это ограничение могло быть вызвано тем, что большее количество скота создаст неудобства на общественном поле другим хозяевам и истощит пастбищные земли. Таким образом, едва ли справедливо и то мнение, по которому *pasqua publica* было частью *ager occupatorius*.

---

⁹⁶ Дж.К. Типпс, перепроверивший вычисления, пришел к выводу, что цифры Тибилетти сильно занижены. С его точки зрения, Дж. Тибилетти ориентировался в своих подсчетах на данные современного сельского хозяйства, которое может использовать достижения научно-технического прогресса, которых не было в распоряжении римлян [Tipps, 1989, p. 340-341].

⁹⁷ 500 югеров – величина скорее описательная, чем связанная с реальным расчетом: как известно, югером называлась площадь, которую могла распахать в день пара быков (Plin. NH. XVIII.9). По сведениям римских землемеров, *agri occupatorii* имели лишь арцифинальную, т.е. обозначенную особенностями ландшафта, границу (CAR, S. 78, 101-102). Это сообщение особенно примечательно в связи с тем, что в современную агрименсорам эпоху *modus* (размер) является уже неотъемлемой характеристикой земельного участка [Гвоздева, 2001, с. 85].

Тезис о том, что законы Гракхов едва ли включали в себя пункт о регулировании выпасов на *pasua publica*, можно проиллюстрировать на материале фрагмента из трактата Цицерона «Об ораторе» (Cic. de orat. II.284):

Sed ex his omnibus nihil magis ridetur, quam quod est praeter expectationem, cuius innumerabilia sunt exempla, vel Appi maioris illius, qui in senatu, cum ageretur de agris publicis et de lege Thoria et peteretur L[...]us⁹⁸ ab eis, qui a pecore eius depasci agros publicos dicerent, “non est” inquit “L[...]i pecus illud; erratis“;—defendere L[...]um videbatur—“ego liberum puto esse: qua libet pascitur.

«Но из всех (приемов остроумия) ничто не является более смешным, чем (сказанное) против ожидания, чему есть многочисленные примеры. Да хотя бы (пример) Аппия Старшего, того, который в сенате, когда обсуждался вопрос об общественных землях и о законе Тория и когда Л. обвинялся теми, кто говорил, что общественные земли объедаются его скотом, ответил: «Ошибаетесь, не Л. тот скот» – казалось, он защищает Л. – «я считаю его вольным, где вольно, там пасется»⁹⁹.

Перед тем, как использовать этот рассказ в качестве источника, следует ответить на вопрос, следует ли воспринимать его как анекдот с упоминанием случайных лиц или все же как свидетельство реальной ситуации. В этой связи принципиально, что Цицерон сам характеризует историю об Аппии Старшем как

⁹⁸ Имя приводится с лакуной из-за разночтений, которые будут разобраны далее.

⁹⁹ Интересующий нас анекдот находится в примечательных разделах «De oratore». Во-первых, вторая книга, ввиду наличия у нее отдельного введения и особенностей композиции, может восприниматься как отдельное произведение [Корш, 1897, с. 3]. Во-вторых, этот анекдот содержится во фрагменте, который представляет собой рассуждение об остроумии, произнесенное от лица Гая Юлия Цезаря Страбона, оратора, по мнению самого Цицерона, отличавшегося этим качеством (Cic. Brut. 177). Высказывались предположения, что в силу значительности размера и композиционной целостности этот отрывок мог изначально являться отдельным произведением [Fleck, 1993, S. 24].

exemplum – исторический пример. И. Опперман, исследуя вопрос об *exempla* в письмах Цицерона, обратила внимание на то, что все они являются конкретными историческими примерами (Cic. Top. 44–45) [Oppermann, 2000, p. 16]. С ее точки зрения, под *exempla* следует понимать уже завершенные события прошлого, произошедшие с реальными или считающимися реальными людьми, которые идентифицировались читателями – современниками Цицерона [Oppermann, 2000, p. 19].

На то, что данный отрывок следует трактовать именно как исторический пример, а не просто как шутку, указывает и крайне аккуратное использование самим Цицероном термина *exemplum*. Из многочисленных образцов остроумия, содержащихся во второй книге, он характеризует как *exemplum* только три случая: помимо разбираемой нами истории об Аппии Старшем, это пример из речи против Гая Меммия, произнесенной действующим лицом трактата «Об ораторе» Луцием Лицинием Крассом (Cic. De orat. II.240; текст этой речи, скорее всего, был знаком Цицерону), а также пример остроумного высказывания, который Цицерон, по собственному признанию, заимствует из сборника изречений, составленного Катонем (Cic. De orat. II.271). Таким образом, историю Аппия Старшего действительно стоит воспринимать как историческое (по крайней мере, с точки зрения Цицерона) свидетельство. Стоит также отметить тот факт, что о событиях конца II в. до н.э. Цицерон был осведомлен достаточно хорошо: по нашим подсчетам, в своих произведениях он упоминает Гракхов около 150 раз. Сведения Цицерона об этом периоде должны были опираться как на письменные источники, так и на устную традицию, которая, впрочем, могла содержать характерные для нее неточности [Stockton, 1979, p. 3–4].

Обратимся к анализу конкретных сведений, приведенных Цицероном. Обсуждение выпасов на общественной земле происходит в связи с упоминанием некоего закона Тория. Цицерон упоминает Спурия Тория еще раз в трактате «Брут»: *Sp. Thorius satis valuit in populari genere dicendi, is, qui agrum publicum vitiosa et inutili*

lege vectigali levavit (Cic. Brut. XXXVI.136). Проблема интерпретации данного фрагмента состоит в том, что его можно перевести по-разному: Спурий Торий «освободил ошибочным и бесполезным законом общественную землю от вектигалия (т.е. налога)» или «с помощью вектигалия освободил общественное поле от ошибочного и бесполезного закона»¹⁰⁰. С точки зрения Цицерона, закон Тория был посвящен использованию общественной земли (об этом свидетельствует фрагмент из «Брута»), в более узком смысле – регулированию выпасов на ней, как можно судить по упоминанию в трактате «Об ораторе». Кроме того, согласно фрагменту из «Брута», по закону Тория использование общественных земель регулировалось вектигалием – его отменой или введением, в зависимости от того, какого перевода этого фрагмента мы придерживаемся. Также следует отметить, что Цицерон имеет представление о временном промежутке, в течение которого был принят закон Тория. Известно, что в «Бруте» Цицерон собирался рассказать об известных ораторах, расположив сведения о них в хронологической последовательности (Cic. Brut. XIX.74: *oratorum genera distinguere aetatibus*). Торий упомянут в числе ораторов поколения, пришедшего на смену поколению Гая Гракха. Анализ принципов, согласно которым Цицерон располагает ораторов, привел к выводу, что Спурий Торий должен был быть народным трибуном между 111 и 95 гг. до н.э. [Douglas, 1966, p. 384].

Спурия Тория из произведений Цицерона принято отождествлять с неким Борием¹⁰¹ из «Гражданских войн» Аппиана: по его сведениям, после смерти Гая

---

¹⁰⁰ Многие исследователи [Mommsen, 1905, S. 70; Johannsen, 1971, S. 77; Flach, 1973, S. 276; Meister, 1974, S. 91; Crawford, 1996, p. 59] считают, что в данном случае речь идет о введении вектигалия и упразднении «ошибочного и бесполезного закона», которым считают один из гракханских аграрных законов ввиду известного отрицательного отношения Цицерона к политической деятельности Гракхов (Cic. In Cat. IV.4; De off. II.72; Tusc. Disp. III.20.48).

¹⁰¹ Редкость имени делает это сопоставление практически неизбежным, к тому же, описания деятельности Бория у Аппиана и Тория у Цицерона имеют между собой много общего. По словам

Гракха было принято три аграрных закона, Борий же являлся автором второго из них (App. b.c. I.27). Помимо сведений нарративной традиции об аграрных законах, принятых после смерти Гракхов, в распоряжении исследователей имеется эпиграфический памятник – аграрный закон, который однозначно датируется 111 г. до н.э., о его авторе у нас сведений нет. В целом, вопрос о сопоставлении рассказа о послегракханских законах у Аппиана, «закона Спурия Тория» Цицерона и аграрного закона 111 г. до н.э. является отдельной, достаточно серьезной проблемой¹⁰². В рамках данного исследования мы хотели бы ограничиться утверждением, что в рассматриваемом фрагменте Цицерона речь идет о некоем законе Спурия Тория, который касался общественных земель и обсуждался в конце II в. до н.э. – уже после гибели Гая Гракха.

Идентификация лиц, упомянутых в данном отрывке, достаточно сложна. Согласно популярной точке зрения, восходящей к Моммзену, Аппием Старшим мог быть консул 79 г. до н.э. Аппий Клавдий Пульхр, период же, в который могло произойти описываемое Цицероном обсуждение – между 104 и 84 гг. до н.э.

Аппиана, Борий, «будучи народным трибуном, внес закон, по которому земля не должна была подлежать переделу, но принадлежать ее владельцам, которые были обязаны платить за нее налог народу, и эти деньги должны были быть розданы» (App. b.c. I,27: δημαρχῶν εἰσηγήσατο νόμον, τὴν μὲν γῆν μηκέτι διανέμειν, ἀλλ' εἶναι τῶν ἐχόντων, καὶ φόρους ὑπὲρ αὐτῆς τῷ δήμῳ κατατίθεσθαι καὶ τότε τὰ χρήματα χωρεῖν ἐς διανομὰς).

¹⁰² Сведения Аппиана о третьем послегракханском аграрном законе, который отменил налог с оккупированных земель и попытки сопоставить эти сведения с имеющимися в аграрном законе 111 г. до н.э. привели к продолжительной дискуссии о корреляциях между законом Тория, аграрным законом 111 г. до н.э. и списком послегракханских законов Аппиана. Отметим лишь, что, несмотря на замечания о литературности текста Аппиана, частичной тенденциозности и возможных ошибках в нем [Gabba, 1956, p. 39-41; Gargola, 1997, p. 562], интерес к этой проблеме не пропадает: например, С. Сизани считает законом цицероновского Спурия Тория третий закон из списка Аппиана, а автором закона 111 г. до н.э. – Гая Меммия [Sisani, 2015, p. 243,248].

[Mommsen, 1905, S. 69]¹⁰³. Тем не менее, эта точка зрения не является единственной: согласно другой гипотезе, Аппием Старшим мог быть Аппий Клавдий Пульхр, консул 143 г. до н.э., тесть Тиберия Гракха и член первой аграрной комиссии¹⁰⁴. Однако едва ли он мог присутствовать при обсуждении закона Тория, который в понимании Цицерона должен был быть принят не раньше 111 г. до н.э. Аппиан сообщает, что Аппий Клавдий скончался вскоре после убийства Тиберия Гракха, и вместо них в первую аграрную комиссию вошли Фульвий Флакк и Папирий Карбон (App. b.c. I.18). Гипотеза о том, что приведенное Цицероном высказывание принадлежит этому Аппию Клавдию, особенно импонировала Д. Шэклтону Бэйли, который предлагал датировать сам сюжет анекдота 130 г. до н.э., т.е. кануном смерти Аппия Клавдия, а упоминание закона Тория считать анахронизмом [Shackleton Bailey, 1996, p. 24].

Наконец, существует и третья точка зрения, согласно которой упоминаемый Цицероном Аппий Клавдий может быть тождествен Аппию Клавдию Пульхру, консулу-суффекту 130 г. до н.э. Сведения о нем мы находим в фастах, и это в общем единственное, что мы о нем знаем [Broughton, 1951, p. 502]. В связи с этим, конечно,

---

¹⁰³ В пользу этой гипотезы можно привести другое указание из «De oratore» (Cic. De orat. II.246), посвященное неудачному остроумию некоего Аппия, который шутит над кривым Гаем Секстием. А. Уилкис обратил внимание на то, что Аппий, упоминаемый во фрагменте II.284, именуется Старшим, в отличие от Аппия во фрагменте II.246 [Wilkie, 1881, p. 217]. Гая Секстия Цицерон называет своим другом (*familiari meo*), соответственно, упомянутый здесь Аппий должен был быть современником Цицерона, а Аппий из II.284 – возможно, его отцом.

¹⁰⁴ В качестве аргумента для этой точки зрения можно привести соображение, что в *exemplum* должны были упоминаться достаточно известные, легко идентифицируемые лица; Аппий Клавдий же был известным оратором и политическим деятелем. Цицерон упоминает его в «Бруте»: он характеризует его речь как плавную, но немного горячую (Cic. Brut. XXVIII.108: *Appi Claudii volubilis sed paulo fervidior oratio*), другие же лица с этим именем в числе известных ораторов не фигурируют.

возникает вопрос, почему этого политического деятеля Цицерон именует «Старшим» (старшим относительно кого?) и почему, если его упоминание не нуждалось в дополнительных пояснениях для читателей Цицерона, он настолько плохо известен по источникам¹⁰⁵.

Сложности возникают и при попытке выяснить, кто был владельцем стада, не в последнюю очередь в связи с наличием различных вариантов прочтения его имени. Достаточно распространен вариант *Lucilius*, в связи с чем было сделано предположение, что Цицерона имел в виду Гая Луцилия [Wilkins, 1881, p. 340; Mommsen, 1905, p. 70], создателя римской сатиры, известного своим богатством. Тем не менее, конкретных аргументов в пользу этой точки зрения нет¹⁰⁶.

Между тем, большинство списков трактата содержат форму имени «Лукулл», и в этих условиях нет оснований считать вариант «Луцилий» более предпочтительным¹⁰⁷. В таком случае уместно допустить, что речь в анекдоте идет о Луции Лицинии Лукулле, отце известного римского полководца с тем же именем, который был уличен в казнокрадстве (Plut. Luc. 1) Против этой точки зрения Э. Раббие возражал, что Луций Лициний Лукулл в 111 г. до н.э. не был сенатором

---

¹⁰⁵ С точки зрения А. Дугласа, Аппием Старшим был неизвестный нам сын Аппия Клавдия Пульхра, консула 143 г. до н.э., имевший схожие с отцовскими политические взгляды [Douglas, 1956, p. 394], однако эта точка зрения не находит подтверждений в источниках.

¹⁰⁶ А. Каппельмахер выражал сомнения по поводу этой гипотезы [Kappelmacher, 1927, Sp. 1620-1621], указывая, что Цицерон мог иметь в виду брата сатирика Луцилия или еще кого-то из его родственников. С точки зрения Шэклтона Бэйли, Цицерон не стал бы распространяться о нарушении закона Гаем Луцилием, о котором он был очень высокого мнения (Cic. De orat. II.25), по этическим соображениям [Shackleton Bailey, 1996, p. 39].

¹⁰⁷ Написание *Lucilius* восходит к *codex Erlangensis 848*, одной из трех древнейших рукописей трактата, датируемой X веком; однако две другие рукописи, середины IX века, фиксируют форму имени *Lucullus*, и она же отразилась в рукописной традиции, восходящей к другому прототипу [Kumaniecki, 1969, p. VI, 225].

[Rabbie, 1986, S. 178], хотя и не обязательно, что хозяин стада обязательно им был. Мог иметься в виду и дед Лукулла, консул 151 г. до н.э. [Shackleton Bailey, 1996, p. 39]

Таким образом, идентификация упомянутых у Цицерона лиц представляет собой определенную проблему. С нашей точки зрения, принципиален факт, что речь идет не о некоем давнем преступлении, а о преступлении, современном обсуждению закона Тория; на это указывает, в частности, употребление *inf.praes. depasci*.

В чем же состоит описываемое преступление? Главного героя обвиняют в том, что он своими стадами объедает (*depascere*) общественную землю. Можно провести параллель между этой фразой и *depascere saltus* Овидия: таким образом, в этом фрагменте речь идет не о невыплате скриптуры, как это предполагал К. Трапенард [Trapenard, 1908, p. 106], но явно о злоупотреблении возможностью использовать общественную землю для бесплатных выпасов. Примечательно, что именно в связи с обсуждением закона Тория, т.е. одного из послегракханских законов, поднимается вопрос о нарушениях, действовавших до того правил пользования общественными пастбищами – несовершенных, поскольку при них явные нарушители имеют возможность уйти от наказания. Гракханские реформы, таким образом, едва ли могли как-то урегулировать вопрос об использовании пастбищных угодий или ужесточить контроль за соблюдением норм; очевидно, ожидалось, что закон Тория внесет в этот вопрос большую упорядоченность.

Таким образом, Аппиан, описывая систему использования общественных земель в конце II в. до н.э., допускает в отношении пастбищного *ager publicus* определенную модернизацию, состоящую в том, что, с его точки зрения, использовать общественные пастбищные угодья можно было исключительно за плату. Если обратиться к сведениям других источников, то можно сделать вывод, что пастбище на *ager publicus* – *pascua publica* – не было тождественно *ager scripturarius* и не относилось к *ager occupatorius*. *Pascua publica* являлось бесплатным пастбищем на *ager publicus*, и его можно считать самостоятельным, пусть и крайне

неопределенным в агрименсурном плане явлением. Для того, чтобы не допустить истощения этой земли и создания иных неудобств другим хозяевам стад, вероятно, начиная с IV в. до н.э. вводились ограничения на количество выпасаемых на нем животных. Наказанием за несоблюдение этих ограничений был денежный штраф. Гракханские реформы никак не затронули часто нарушавшийся режим использования *pasua publica*; решить этот вопрос предстояло следующему поколению законодателей.

Таким образом, результаты гракханской реформы нельзя недооценивать, даже если считать данные *libri coloniarum* о деятельности гракханских комиссий преувеличенными и опираться исключительно на сведения эпиграфики. С 132 по 129 гг. до н.э. комиссией были проведены исследования и межевания земель в разных районах Кампании, Апулии и Лукании, *libri coloniarum* фиксируют также деятельность в долине По, Пицене, Этрурии и Бруттии. Не вся размежеванная земля в итоге была ассигнована – судя по указаниям книг колоний и надписи CIL I² 719, в областях работы комиссии проводились ассигнации и в I в. до н.э. Примечательно, что для ассигнаций Гракхи использовали систему лимитации: о *limites Gracchani* сообщают книги колоний, и их данные подтверждаются выявленными с помощью аэрофотосъемки следами межеваний. Безусловная заслуга гракханских комиссий состояла в том, что они провели ревизию фонда *ager publicus*. Это создавало базу для более детальной юридической проработки способов его использования, в том числе и в качестве пастбища. По сообщению закона 111 г. до н.э., Гай Гракх изъял некоторые земли из ревизии *ager publicus*. Определить, какие категории земель оказались изъяты, достаточно сложно: очевидно, что под *ager exseptus* имелись в виду некие земли, принадлежащие частым лицам или общинам, а *ager cautus ne divideretur* – общественные земли, которые по каким-либо причинам не должны были идти в ассигнацию. С нашей точки зрения, едва ли в эту категорию

целенаправленно включались все леса и пастбища на *ager publicus*, потому что на тот период это понятие было весьма расплывчато с точки зрения агрименсуры.

Тем не менее, аграрные реформы Гракхов не предусматривали иного способа вмешательства в использование общественных земель, кроме восстановления норм о максимальном землевладении и непосредственной ревизии *ager publicus*. После гракханской реформы по-прежнему актуальна была проблема уточнения режима их использования. Попытку решения этой и некоторых других проблем, оставшихся после проведения аграрной реформы Гракхов, мы можем найти в законе 111 г. до н.э.

2.3. Категории общественных сельскохозяйственных угодий в аграрном законе 111 г. до н.э.

Об изменениях в использовании общественной земли мы осведомлены из фрагментарно сохранившегося *lex agraria*, принятого, как свидетельствует текст, в 111 г. до н.э. Сохранилось двенадцать фрагментов бронзовой таблицы, на которой был записан текст закона (вернее, 10, поскольку два из них были потеряны, в распоряжении исследователей есть только их копии). На обратной стороне фрагментов находится текст закона против взяточничества (*lex repetundarum*). Манера написания обоих текстов различна: текст *lex repetundarum* расположен менее убористо (например, пустым пространством там выделены отдельные главы), однако для него свойственны повторы и многочисленные описки, поэтому, скорее всего, этот вариант был забракован и использован для написания *lex agraria* [Mattingly, 1969, p. 140]. Главной проблемой при реконструкции обоих законов является то, что по сохранившимся фрагментам нельзя судить ни о длине, ни о ширине исходной бронзовой таблицы, и, как следствие, о величине лакун. Единственной подсказкой для восстановления текста закона является заполнение лакун формулами (естественно, с обеих сторон).

Первое издание этого текста было осуществлено А. Рудорффом [Rudorff, 1839]¹⁰⁸. Вариант реконструкции Рудорффа был достаточно сильно переработан Моммзенем¹⁰⁹. В течение долгого времени это издание обладало абсолютным авторитетом, однако в 1953 г. Дж. Тибилетти предложил перестановки во

---

¹⁰⁸ Естественно было бы ожидать одновременного издания текстов *lex agraria* и *lex repetundarum*, поскольку в обоих случаях речь идет о содержании двух сторон одних и тех же фрагментов. Однако, первый издатели *lex repetundarum*, К.А.К. Кленце не успел этого сделать; результаты его работы над *lex agraria* были унаследованы А. Рудорффом [Rudorff, 1839, S.1].

¹⁰⁹ Первый вариант Т. Моммзена, вошедший в первое издание CIL, был им впоследствии сильно переработан. Мы использовали второй вариант, вошедший во второе издание CIL и GS.

фрагментах, сокращающие лакуну между фрагментами А и В для *lex repetundarum* [Tibiletti, 1953]. Э. Бэдиан признал эти перестановки обоснованными, однако, по его мнению, необходимо было учесть и изменения в тексте *lex agraria* [Badian, 1962, p. 203]. Такая попытка была предпринята Г. Мэттингли, который, вслед за Тибилетти, предположил, что длина закона, предложенная Моммзеном, чрезмерна, и длину строки следует сократить на 30 букв, передвинув влево ряд фрагментов; среди аргументов было и то, что некоторые восстановления Моммзена выглядят весьма натянуто [Mattingly, 1969]. Отметим, впрочем, что публикация Мэттингли представляла собой статью с предложением ряда восстановлений, а не новое издание закона. В связи с этим не удивительно, что Йохансен в своем издании *lex agraria* в большей степени ориентировалась на Моммзена [Johannsen, 1971], как и Э. Линтотт [Lintott, 1992]. Отчасти идеи Мэттингли воскрешает Кроуфорд, который, впрочем, крайне осторожен при заполнении лакун [Crawford, 1996]. О. Сакки, напротив, для своего историко-правового комментария выбирает вторую редакцию Моммзена [Sacchi, 2006], сталкиваясь, впрочем, с критикой [Crawford, 2010, p. 250]. На то, чтобы применить подход Мэттингли ко всему тексту закона, претендует реконструкция С. Сизани [Sisani, 2016], уже получившая признание у исследователей [Chouquer, 2016 (2), p. 8–9].

Таким образом, реконструкция аграрного закона до сих пор представляет собой определенную проблему. В этой связи историки, не работавшие непосредственно с фрагментами закона, демонстрируют два подхода к построению исследований на его основе: либо они доверяются большей частью какому-то одному издателю (как, например, Ж. Шуке, пытающийся соединить достижения О. Сакки и С. Сизани), либо стараются вообще по возможности избегать восстановлений, кроме самых очевидных [Granet, 1989 (2)]. В целом, нам ближе второй подход, однако в то же время нельзя не учесть существующей традиции восстановлений. Различия в реконструкциях вызваны различным пониманием аграрной ситуации и способны повлиять на наши представления о процессах в

римских аграрных отношениях. К тому же, лакуна, варианты заполнения которой обсуждаются со времен Дж. Тибилетти, приходится как раз на место, которое нас особенно интересует, – это строки 14–15, в которых упоминается *ager compascuus*.

Нарративная традиция не помогает прояснить вопрос о содержании закона, а наоборот, усложняет его. Она представлена Цицероном и Аппианом и рассмотрена в предыдущей главе. Очевидно, впрочем, что повествование Аппиана о послегракханском аграрном законодательстве призвано показать поэтапное уничтожение гракханской реформы. Как заметил А. Линтотт [Lintott, 1992, p. 48], целью аграрного закона 111 г. до н.э. явно было не уничтожить что-либо, но добиться определенной упорядоченности в землепользовании, причем не только на территории Италии, но также в Африке и в Греции. На это указывает прежде всего анализ его содержания. Целью закона было уточнить положение различных категорий земель. Отправным временным пунктом, относительно которого это уточнение производилось, был 133 г. до н.э. – год начала гракханской реформы. Первая часть закона посвящена положению дел в Италии: в ней достаточно подробно перечисляются категории земель, которые становятся после принятия этого закона частными, оговаривается возможность их продажи и передачи по наследству, судопроизводство по спорным вопросам. Вторая часть посвящена римским владениям в Африке. Обращение к проблемам землевладения в этом регионе было вызвано необходимостью прописать статус участков колонистов упраздненной гракханской колонии *Iunonia Karthago*. Судить о греческой части достаточно тяжело, ибо сохранилась она крайне фрагментарно.

2.3.1. Правовое положение ager compascuus и pascia publica

Обратимся непосредственно к сохранившемуся тексту аграрного закона. Структура закона достаточно последовательна и логична, поэтому, на наш взгляд, стоит обратить внимание на то, в какой контекст помещены нормы, касающиеся использования общественных угодий.

В начале закона перечисляются земли, которые в 133 г. входил в состав *ager publicus*, однако по данному закону становятся частными (это строки 1–8), в 8–11 строках прописываются разного рода правовые последствия этого решения. В 11–13 строках речь идет о такой не очень ясной категории как *viasii vicani* – так называемые «придорожные владельцы». Это достаточно сомнительное место во всех реконструкциях закона с точки зрения латинского, потому что это слово слишком архаично для языка II в. до н.э. и такая категория владельцев больше не упоминается ни в каком другом источнике [Рекару, 1968, S. 69], однако исследователи так и не предложили другого варианта восстановления этого места [Crawford, 1996, p. 160]. Строки 13–14 посвящены возможности оккупации *ager publicus* 133 г. до н.э.: оккупация ограничивалась 30 югерами, в таком случае этот участок будет признан частным.

В строках закона 14–15 мы встречаем упоминание пастбищной категории – *ager compascuus*.

(14) *Quei in agrum compascuom pequdes maiores non plus X pascet quae[que ex eis minus annum gnatae erunt,—^a] pascet quaeque ex eis minus annum gnatae erunt, post ea qua[m —]/ (15) [—^b]e dato neive solvito.*

---

^a *Rudorff* quaeive in eo agro loco pecudes minores non plus L; *Mommsen* post ea quam gnatae erunt ... quaeive pequdes minores non plus ?; *Johannsen* queique ibei pequdes minores non plus...; *Crawford* pecudesque minores non plus ?; *Sisani* quaeive pequdes minores non plus L.

^b *Rudorff* qua[m gnatae erunt, is pro eo numero pequdum, quae in eo agro pascentur, populo aut publicano pequnam scripturam vectigalve dare nei debeto, neive eius pequniae nomine sati]s dato; *Mommsen* qua[m gnatae erunt, is pro iis pequdibus ... populo aut publicano pequnam vectigal scripturamve dare nei debeto, neive de ea re sati]s dato;

Johannsen qua[m] gnatae erunt ... nei is pro eo numero pequdum, quae in eo agro pascentur, populo aut publicano vectigal scripturamve pecori]s dato; *Mattingly* qua[m] vectigalia consistent, quae post h(ac) l(egem) r(ogatam) primum consistent,... is pro eo pecore, quod in eo agro pascetur, populo aut publicano scripturam vectugalve nei dare debeto neiv]e dato; *Lintott* qua[m] vectigalia consistent, quae post h(ac) l(egem) r(ogatam) primum consistent,... is pro eo numero pecudum populo aut publicano pequniam scripturam vectugalve nei debeto neive satis de ea r]e dato; *Crawford* qua[m] ... nei debeto neiv]e; *Sisani* qua[m] vectigalia]/ [constiterint, quae post h(anc) l(egem) rog(atam) primum constiterint, is pro eo numero pequdum quae in eo agro pascentur neiquid quoi vectigal neive scripturam dare debeto neiv]e

«(14) Кто на поле для совместного выпаса не более 10 (голов) крупного скота пасет, и те [из них меньше года от роду, ...] пасет и те из них меньше года от роду, после того ка[к...]/ (15) [...] пусть (не) дает и не платит»

Таким образом, общий смысл фразы примерно понятен: есть поле для совместного выпаса скота, на нем некто выпасает крупный рогатый скот в количестве не более 10 голов, фигурирует некое возрастное ограничение (меньше года), и за этот выпас, очевидно, не надо платить. Все исследователи одинаково восстанавливают начало первой лакуны: quaeque ex eis minus annum gnatae erunt – это продолжение подсказывается той же строкой. Естественно предположить, что этой фразе в конце 14–й строки предшествовало упоминание мелких домашних животных¹¹⁰ – эта логика также прослеживается у всех издателей.

¹¹⁰ Если для русского языка привычнее противопоставлять крупный рогатый скот мелкому, то латинский отличает *pecus maior*, крупных домашних животных (быков, ослов, лошадей), от *pecus minus* (овец, коз и свиней) [Rendich, 2016, p. 323].

Таким образом, первая часть статьи, прерываемая первой лакуной, определяла количество скота, выпасаемого на *ager compascuus*. Это крупные и мелкие домашние животные. А. Рудорфф и С. Сизани решаются указать число и для крупного скота – 50. Оно объясняется тем, что у Аппиана сохранилось указание на максимально допустимое количество выпасаемого на общественной земле скота: 100 голов крупного и 500 голов мелкого скота (App. b.c. I.8); таким образом, исследователи сохраняют пропорцию 1 к 5.

Сомнение вызывают некоторые переводы, т.е., по сути, трактовки получившихся восстановлений. По переводам и М. Кроуфорда,¹¹¹ и С. Сизани¹¹² становится понятно, что, по их мнению, помимо 10 голов бесплатно можно выпастить еще и их потомство, которому от роду меньше года, т.е. они понимают *quaeque* как *quisque*. Строго говоря, можно понять и по-другому, учитывая, что *rescides* женского рода, – «кто выпасает не больше 10 голов скота и которые из них меньше года от роду», т.е. окончание нормы справедливо для 10 голов скота, которым меньше года от роду, т.е. выполняться должны оба условия. Еще одна возможная интерпретация заключается в том, что среди 10 голов скота может быть и скот меньше года от роду. Пространное восстановление А. Рудорффа, Т. Моммзена и К. Йоханнсен вызвано тем, что, с одной стороны, им необходимо заполнить лакуну, которая, с точки зрения этих исследователей, довольно большая. Однако, с другой стороны, их

---

¹¹¹ «Whoever shall graze on shared pasture-land not more than 10 larger animals [and] whatever [offspring from them shall be less than a year old and] shall graze [not more than ??? smaller animals] and whatever offspring of them shall be less than a year old, after[—he is not to owe or] give or pay» [Crawford, 1996, p. 142].

¹¹² «Colui che pascolerà sull'ager compascuus non più di dieci capi di bestiame grosso con la relativa prole di età inferiore ad un anno, o che pascolerà non più di cinquanta capi di bestiame piccolo con la relativa prole di età inferiore ad un anno, dopo che saranno stati stabiliti i vectigali che per la prima volta saranno stati stabiliti dopo l'approvazione di questa legge, per quel numero di capi che pascoleranno in quell'ager non sia in debito né dia né paghia nessuno vectigalo scriptura» [Sisani, 2015, p. 146].

восстановление «*postea quam gnatae erunt*» делает норму более точной: под бесплатный выпас попадают и те животные, кому меньше года, и взрослые, т.е. бесплатно можно выпастать 10 животных независимо от их возраста. Исторический смысл этого варианта реконструкции заключается в том, что, с точки зрения А. Рудорффа, данная норма была призвана защитить крестьян – пользователей *ager compascuus*, гарантировать им наличие определенного количества скота, который они смогут выпастать бесплатно. Предложенный им более длинный вариант реконструкции этой строки выражает эту идею наиболее последовательным и непротиворечивым образом. Как известно, II в. до н.э. как раз был веком зарождения сравнительно небольших торговых рабовладельческих вилл. Их хозяева, с одной стороны, оставались членами общин [Кузищин, 1973, с. 20], а с другой стороны, не вписывались в сложившуюся систему земельных отношений. Занимая своими большими стадами все пастбище, они подрывали хозяйственную деятельность своих менее удачливых соседей, усиливая, таким образом, социальную напряженность в районе. Отчасти свидетельством того, что этот процесс начался задолго до гракханских реформ, является наличие упоминаемого Катонем закона об ограничении выпасов на общественной земле. В качестве примера нарушения этого закона можно привести разобранный нами в прошлой главе анекдот из трактата Цицерона «Об ораторе».

Разбирая обстоятельства появления нормы об *ager compascuus* в законе 111 г. до н.э., еще раз обратимся к событиям, описанным в сентенции Минуциев. Мы до сих пор не касались причин, которые спровоцировали разбираемый Минуциями конфликт. Из текста сентенции можно сделать вывод, что генуаты препятствовали витуриям пользоваться *ager compascuus*. Судя по археологическим данным, лигурийские племена, жившие вокруг Генуи, занимались преимущественно сельским хозяйством на небольших площадях. Что касается населения Генуи, то в ней засвидетельствовано наличие слоя торговцев, многие из которых могли быть связаны со скотоводством как наименее затратной и наиболее прибыльной отраслью

сельского хозяйства. Именно они могли спровоцировать конфликт, занимая своими стадами совместное пастбище, тогда как витурии отстаивали свои права на его использование [Bianchi, 1996, p. 76–77]. Текст надписи свидетельствует, что генуаты пытались ограничить лангенам витуриям доступ к *ager compascuus*, однако судебное решение в данном случае склонилось на сторону лангенов витуриев, фактически поддержав сложившиеся порядки. Норма закона 111 г. до н.э. по сути стремится к тому же. В ней проявляется стремление уравнивать хозяев разного достатка в количестве голов выпасаемого скота и избежать таким образом возникающих на пастбищах конфликтов.

Что касается предположения, согласно которому норма предполагала бесплатный выпас на *ager compascuus* 10 взрослых животных и их потомства в неограниченном количестве, то такая интерпретация делает норму, быть может, чересчур неясной. Впрочем, состояние источников не позволяет отдать предпочтение тому или иному восстановлению, пусть и восстановление Рудорффа выглядит наиболее непротиворечивым.

Относительно заполнения второй лакуны мнения также расходятся. Рудорфф, Моммзен и Йоханнсен ограничиваются (с небольшими вариациями) постулированием того, что за выпас указанного количества скота на *ager compascuus* не нужно платить арендную плату. У Мэттингли, Линттога и Сизани вторая лакуна заполнена иначе. Мэттингли первый предложил позаимствовать для ее окончания текст, имеющийся в 20-й строке закона – окончание *postea quam vectigalia consistent, quae post hac lege rogata primum constiterint*. Речь в ней идет об *ager locus aedificium*, которые после принятия этого закона стали частными – за их использование не предполагалось взимание платы. Сизани аргументирует это восстановление тем, что *ager compascuus* представлял собой разновидность *ager publicus* и относился к вектигальным полям [Sisani, 2015, p. 147]. Как и во многих других случаях, сложно однозначно высказаться в пользу или против этого восстановления. Тем не менее,

заметим, что сам текст закона достаточно явно показывает, что авторы его видят разницу между *ager publicus* и *ager compascuus*:

(25) *quod eius agrei locei post [h] l. rog. publicum populei Romanei erit, extra eum ag [...] neive is ager compascuos esto, neive quis in eo agrum oqupatum habeto neive defendito, quo mi[nus quei v]elit compascere liceat.*

Rudorff ag[rum locum, quei ager locus ex lege plebeive sc., quod C, Sempronius Ti. f. tr. pl. rog., exseptum cavitumve est nei divideretur, is ager privatus nei esto] neive; *Mommsen* ag[rum locum, quei publico usui destinatus est vel publice locatus est, in eo agro qui volet pascito...] neive; *Johannsen* ag[rum quei ager ex lege pl.ve sc. ita utei s.s.e. exceptum cavitumve est nei divideretur extraque eum agrum quei ager publice locatus venditusve est privatus nei esto] neive; *Lintott* ag[rum locum, quei ager ex lege plebeive s.c., quod C. Sempronius Ti. f. rog. exseptum cavitumve est / nei divideretur, extraque eum agrum, quei publice locatus est...]; *Crawford* ag[rum locum, quei...] neive; *Sisani* ag[rum locum quei ager locus poplice deve senati sententia fruendus datus est, neiquis in eo agro loco agrum locum sibi sumito, neive quis agri colendi causa in eo agro agrum possideto neive habeto] neive

«(25) что из того поля, участка после принятия [этого] закона общественным (полем) римского народа будет, кроме того по[ля...], пусть не будет полем для совместного выпаса, пусть никто в том поле оккупированный (участок) не имеет и пусть не огораживает, чтобы нельзя было тому, кто хочет, совместно выпасать».

Как видим, текст закона ставит в один ряд *ager occupatorius* и *ager compascuus*, которые не соответствуют *ager publicus* «в чистом виде». В целом, проблема определения правового статуса *ager compascuus* довольно часто привлекала исследователей, поскольку его сравнительно сложно вписать в систему римского права классической эпохи. Так, несмотря на то, что *ager compascuus* соседствует в

законе с *ager occupatorius*, его, с точки зрения М. Казера, нельзя считать *possessio*,¹¹³ т.е. земельным владением, поскольку для его описания формула *uti, frui, habere, possidere* не применяется. [Kaser, 1942, S. 51] Однако право пользования этой землей ограничено, поэтому она не может считаться просто *ager publicus*, она, по определению Ф. Серрао, «не частная и не общественная» [Serraο, 2006, p. 305].

Как можно заключить из материала, проанализированного в предыдущих главах, под *ager compascuus* в законе 111 г. до н.э. понимаются угодья общин разного правового статуса, образованные на земле, некогда бывшей *ager publicus*. Это могут быть угодья колонии, используемые самими колонистами, это могут быть угодья, как в случае сентенции Минуциев, образованные на общественной земле, которой владеет перегринская община. Они не уступлены им в собственность, однако, в сущности, ближе всего они находятся именно к *res universitatis*.

На *ager publicus* тоже можно выпасать некое количество скота, которое было упомянуто в законе, однако почему-то в данной норме речь идет не о крупных и мелких животных, а перечислены отдельные виды: быки и, очевидно, лошади. Разные издатели с разной степенью смелости дополняют этот список:

(25) *Boves equ[os...] / (26) [...]ei numerus pecudum in h(ac) l(ege) scriptus est liceto, neive quid quoi ob eam rem vectigal neive scri[pturam da]re debeto.*

Rudorff equ[os mulos asinos pecudesve minores ... pascere inpellere usque ad eum numerum pecudu, qu]oi; *Mommsen* [... in eo agro loco, quei post h(ac) l(egem) r(ogatam) publicus populil romanei erit, pascere ad eum numerum pecudum qu]ei; *Lintott* equ[os... quei volet pascere ad eum numerum pecudum qu]ei; *Crawford* equ[os... pascet in eo agro

---

¹¹³ *Occupatio*, как известно, было предпосылкой для формирования земельного владения (*possessio*). Сам термин “*possessio*” восходит к “*potis sedere*” [Biondi, 1957, p. 418], т.е. изначально это фактическая ситуация удержания земли, а не правовая (*Fest. s.v. possessiones*) [Kaser, 1943, p. 240]

loco quei post h(anc) l(egem) rog(atam) publicus populi Romanei erit ad eum numerum pecudum qu]ei; *Sisani* equ[os asinos non plus]/[X, oves capras sues non plus L quaeque pecudes ex eis minus annum gnatae erunt quei pascet in eo agro loco quei post h(anc) l(egem) rog(atam) publicus populi Romanei erit, ei pascere ad eum numerum pecudum qu]ei

«(25) Быков, лоша[дей ...] / (26) [... ко]торое количество скота в э(том) з(аконе) написано, и что ему за это ни вектигалья, ни скри(птуры да)вать не нужно»

То, что в данном пассаже идет речь именно об общественной земле, мы понимаем из предыдущей, 24–й, строки. В ней говорится, что в данной норме речь идет о поле, которое post h(anc) l(egem) r(ogatam) publicum populei Romanei erit, а в начале 25–й строки указано, что оно не должно каким-либо образом сменить правовой статус: *neive is ager compascuos esto, neive quis in eo agro agrum occupatum habeto neive defendito*, т.е. оно не должно стать *ager compascuus*, полем оккупированным или же огороженным. В случае нарушения этого положения необходимо платить за каждый югер захваченной территории. В этой связи еще раз становится понятно, что *ager compascuus* представляет собой нечно более близкое к владельческим отношениям, иначе он бы не упоминался в законе наравне с *ager occupatorius*.

Не вполне понятно, почему в случае с *ager compascuus* речь идет о крупном и мелком скоте, а применительно к *pasua publica* используются конкретные указания на отдельные виды животных: к сожалению, лакуна не позволяет ответить на вопрос, имело ли такое построение фразы какой-то практический смысл. В любом случае, очевидно, что количество скота, которое можно выпасать бесплатно, скорее всего оговорено не случайно и за превышение нормы взималась плата. Это косвенно свидетельствует о превращении в скриптурные поля различных типов общественных пастбищ. В некотором смысле это явление можно трактовать как усиление контроля за использованием этой земли со стороны *res publica*.

Таким образом, в законе 111 г. до н.э. упоминаются выпасы на *pasua publica* и выпасы на *ager compascuus*. Несмотря на то, что эти категории общественных сельскохозяйственных угодий изначально достаточно сильно отличались друг от друга, нормы закона делают их похожими – они оговаривают, что определенное количество скота можно выпасать на них бесплатно. Примечательно, что на *ager compascuus* оговаривается еще и возраст животного – норма, посвященная *pasua publica*, сохранилась гораздо хуже, и мы не знаем, была ли аналогичная поправка там. Очевидно, появление такого установления было реакцией на превращение большей части *ager publicus* в скриптурные поля. Сложно сказать, насколько этот же процесс был характерен и для *ager compascuus*. Данные сентенции Минуциев упоминают только о выплатах за арендованные земли, но неясно высказываются на предмет подати за *ager compascuus*. Впрочем, сама постановка вопроса о требовании какой-либо платы за пользование *ager compascuus* заставляет допустить такую возможность¹¹⁴.

2.3.2. Экономические последствия аграрного закона 111 г. до н.э.

Санкция за нарушение нормы о бесплатном выпасе скота на *ager compascuus* и *pasua publica* не вполне ясна. В частности, неясным остается вопрос, следовало ли платить налог в том случае, если выпасалось больше голов скота, чем это предусматривалось законом. У исследователей нет единого мнения по этому вопросу [Johannsen, 1971, S. 245]. Особенностью римского налогообложения было то, что частная собственность, как правило, не облагалась налогами, но налогами постепенно облагалось использование общественной земли [Carlà, Marcone, 2011, p. 213–215], прежде всего, для контроля за ее использованием. Мы уже упоминали создаваемые на общественной земле пастбища *ager scripturarius* – поля, за

---

¹¹⁴ В некотором смысле, все эти действия можно оценивать как утверждение *possessio populi Romani* на *ager publicus*. О публичном владении см., например, статью Л.Л. Кофанова [Кофанов, 2016].

использование которых необходимо было выплачивать *scriptura* – небольшую плату. Вполне возможен постепенный ввод ограничений на использование пастбищ, в том числе *ager compascuus*, тем не менее, из строк 14–15 следует, скорее, что государство стремилось не пополнить казну за счет платы с совместных пастбищ, но наоборот, поддержать небогатых крестьян. Сизани, как мы видим даже из его реконструкции, придерживается мнения, согласно которому закон 111 г. до н.э. должен был превращать все пастбища на *ager publicus* в скриптурные поля. Отчасти доказательством этому может служить следующий отрывок закона:

(26) *Quod quique pecides in calleis viasve publicas itineris causa indu[xerit] pastum inpulerit, pro eo pecore, quod eius in calli]bus vieisue publiceis pastum inpulsum itineris causa erit, neiquid populo neive publicano d[are debeto]*

Rudorff indu[xerit] inpulerit pastasve habebit pro eo pecore quod in calli]bus; *Mommsen* indu[xerit] ibei que paverit ... pro eo pecore quod eius in calli]bus; *Lintott* indu[xerit] ibei que pastum inpulerit ... pro eo pecore quod eius in calli]bus; *Crawford*, *Sisani* indu[xerit] pastum inpulerit, pro eo pecore, quod eius in calli]bus

«(26) Ибо и кто скот на долгие или общественные дороги или тропинки, по той причине, что в[ел ... на дорогах для скота] или общественных дорогах или на тропинках, погнанный пастись, был, ничего ни народу, ни публикану не д[олжен давать]»

Calles publicae упоминаются у Варрона: «в обоих этих местах, словно корзинки по концам коромысла, находятся государственные пастбища» (*Varr. rust. 2. 9: cum inter haec bina loca, ut iugum continet sirpiculos, sic calles publicae distantes pastiones*). Таким образом, *calles* – дороги большой протяженности, которые позволяли перегонять скот с одного пастбища на другое, как и описывается в данном отрывке. Принято считать, что именно на них располагались пункты, которые контролировали сбор *scriptura* [*Gabba, Pasquinucci, 1979, p. 140–141*]. Очевидно, что

в данной норме для них оговаривается возможность бесплатного прогона скота [Salmon, 1967, p. 69] с той целью, чтобы избежать излишеств со стороны публиканов в виде нескольких контрольных пунктов, каждый из которых взимал бы соответствующую плату.

Примечателен тот факт, что именно Варрон, автор I в. до н.э., особое внимание уделяет скотоводству и первым описывает крупные стада, перегоняемые для выпаса на значительные расстояния [Sabattini, 1977, p. 200]¹¹⁵. Размеры его стад значительно превышают максимальное количество голов, указанное Аппианом, – 500 голов мелкого скота и 100 – крупного, и уж тем более они превышают указанные законом 111 г. до н.э. цифры в 10 и 50. По его сведениям, у некоторых стада овец тысячные, у него самого – 700 голов. Табун кобылиц кажется сравнительно небольшим – он составляет 50 голов (Varr. rust. 10.11), однако надо помнить, что лошадям сложнее организовать пропитание, им требуется больше травы. Для них как правило отводились лучшие луга. Таким образом, введение скриптуры на общественные пастбища фактически означало и отмену прежних ограничений на выпасы и дало возможность развивать пастбищное скотоводство в гораздо больших размерах, чем это было до сих пор.

Подведем итоги. В начале II в. до н.э. существовало по меньшей мере два способа контроля за использованием *pasqua publica*. Выпасы на общественной земле изначально было бесплатными и регулировались количеством выпасаемого скота. Эта норма, аналогичная норме о максимальном количестве оккупированной на *ager publicus* земли, достаточно часто нарушалась. Тем не менее, уже в III в. до н.э. начал распространяться такой способ контроля за использованием общественных пастбищ,

---

¹¹⁵ Сведений об отгонном скотоводстве мы не встретим у Катона. Очевидно, это связано не только с изменениями в землепользовании, но и с тем, что Катон и Варрон описывают сельское хозяйство в разных районах Италии [Сергеенко, 1958 (1), с. 137-139].

как скриптурные поля. Вопрос об использовании *ager publicus* был поднят при проведении гракханской аграрной реформы. Постановления закона Тиберия Гракха действительно начали реализовываться, причем работа комиссии охватила достаточно большую территорию Центральной и Южной Италии, где имелись большие массивы *ager publicus*, конфискованные еще после Второй Пунической войны. Большая их часть, впрочем, должна была использоваться в качестве пастбища, следовательно, количество пастбищных угодий могло сократиться. Каких-либо специальных постановлений, касающихся регулирования выпасов на общественных землях, в гракханских законах скорее всего не содержалось.

Положение различных категорий общественных угодий изменилось после принятия аграрного закона 111 г. до н.э., отразившего основные тенденции в развитии управления общественными землями. Основной целью закона 111 г. до н.э. было определить статус различных категорий земель, как частных, так и тех, что остались в составе общественных угодий. Закон 111 г. до н.э. вводил минимальное количество голов скота, которое можно было выпасать бесплатно, причем это количество было сравнительно небольшим даже на общественных пастбищах. Скорее всего, за превышение этой нормы нужно было платить скриптуру. Между тем, эта мера не только не сократила количество стад, но наоборот, сняла ограничения, которые были установлены до сих пор. Именно для I в. до н.э. источники фиксируют большие стада, нехарактерные для более ранних эпох. Впрочем, способствовать развитию скотоводства должно было также и запустение земель в ходе гражданских войн I в. до н.э.

Смогли ли постановления закона 111 г. до н.э. как-то повлиять на положение общественных угодий, остановить их оккупацию частными лицами? Ответ на этот вопрос скорее отрицательный, чем положительный. По крайней мере, об этом свидетельствует окончание тяжбы лангенов витуриев с генуатами. Известно, что к середине I в. до н.э. Генуя включает в свою территорию земли лангенов витуриев [Bianchi, 1996, p. 79]. Таким образом, ни судебное решение братьев Минуциев, ни

земельный закон 111 г. до н.э. не смогли спасти поля кастелла. Отчасти это позволяет сделать вывод о том, что, даже если закон 111 г. до н.э. вводил некие ограничения на пользование общественными землями и предусматривал некие санкции, едва ли эти меры были эффективными.

Глава 3: Общественные сельскохозяйственные угодья на *ager colonicus* в конце II – I вв. до н.э.

Фонд общественных земель после II в. до н.э. сократился в силу реализации гракханской программы, использование оставшегося *ager publicus* не было бесплатным, эта земля приносила доход государству и публиканам, поэтому её передача в частное владение была невыгодна. Между тем, потребность в земельных раздачах не только не снизилась, но и наоборот, возросла и стала еще более актуальной. В I в. до н.э. к традиционным поводам для земельных раздач, как то выселение из Рима бедноты или освоения новых территорий, добавился еще один – раздача земельных участков в качестве награды за военную службу. Гай Марий стал первым полководцем, который набрал войско из всех желающих, независимо от их имущественного положения (Sall. 86. 2; Plut. Mar. 9; Val. Max. II.3.1). Основной мотивацией для записавшихся в войско Мария была материальная награда за победу, в том числе — земельный участок. Эта практика в I в. до н.э. получила широкое распространение, в том числе благодаря непростой политической обстановке. Земельные раздачи поднимали авторитет полководца в глазах воинов, а также давали возможность населить ту или иную область своими сторонниками, что было особенно важно в условиях, систематически граничавших с гражданской войной [Erdmann, 1972, S. 102; Kerrie, 1987, p. 63].

Таким образом, политические события I в. до н.э. должны были оказать большое влияние на формирование различных земельно-правовых институтов¹¹⁶. Поскольку наиболее важной оказалась проблема организации ветеранских

---

¹¹⁶ Так, исследователи отмечают, что именно в этот период под воздействием особой политической и социальной ситуации складываются представления о земле как об источнике коммерции и объекте личной собственности [Сакки, 2016 (1), с. 96].

поселений, рассмотрим в данной главе те новации, которые были выработаны в ходе поиска для нее соответствующего решения.

3.1. Способы решения вопроса о земле для новых поселений

Первый вопрос, который возникал при попытке основать новое поселение, – вопрос о его локализации. К концу II в. до н.э. уже давно закончилась эпоха завоевания Римом Италии, а опыт реализации аграрной реформы Тиберия Гракха показал практическую сложность получения земли для ассинаций путем ревизии *ager publicus*. После смерти Тиберия Гракха было предложено еще несколько способов, позволявших решить вопрос о земле для новых поселений. Одним из таких способов было выведение колоний за пределы Италии — казалось бы, максимально безболезненное решение проблемы, дававшее возможность избежать конфликтов с итальянскими землевладельцами, однако, как будет показано далее, оно долго не воспринималось всерьез. Найти землю в Италии можно было либо купив её, либо конфисковав. В данном параграфе мы рассмотрим обстоятельства, в которых римляне прибегали к тем или иным способам поиска пространства для земельных раздач, и последствия их действий для итальянского землепользования.

Как было сказано выше, выведение колоний за пределы Италии могло помочь избежать конфликтов с крупными землевладельцами и союзниками. Между тем, примеры основания колоний за пределами Италии исключительно немногочисленны: массовому выведению заморских колоний при Цезаре и Августе предшествует лишь основание колонии Марианы и Алерии Гаем Марием и Суллой на Корсике, Нарбона Марция в Нарбонской Галлии в 118 г. до н.э. и попытка основания колонии Юнония на территории бывшего Карфагена. В историографии нередко можно встретить мнение об изначальной чуждости римлянам идеи основания колоний вне Италии [Abbot, 1915, p. 370; Scullard, 1963, p. 37; Salmon, 1969, p. 119, 130, 133–134; Mossé, 1970, p. 109; Thein, 2011, p. 88]. В этом смысле они часто противопоставляются грекам, для которых выведение колоний за море было

абсолютно естественным явлением. Единственная известная нам работа, претендующая на сравнение греческой и римской практики основания колоний – монография К. Моссе [Mossé, 1970] – подробного анализа причин отличия греческой колонизации от римской не содержит, автор лишь ограничивается противопоставлением греческого и римского характеров. Естественным было бы искать объяснение в разных географических условиях, в которых формировались эти народы, однако, насколько нам известно, и эта тема не получила развития в исследованиях. Чтобы восполнить этот пробел, рассмотрим более подробно обстоятельства выведения заморских колоний.

3.1.1. Первая римская колония за морем

Наиболее ранней из известных нам заморских колоний была колония, основанная на территории бывшего Карфагена¹¹⁷. Тит Ливий, Веллей Патеркул и Аппиан приписывают решение вывести колонию в Карфаген Гаю Гракху (Liv., per. 60; Vell. II.7.7; App. Pun. 136). По сообщению Плутарха, закон об основании колонии Юнония на территории бывшего Карфагена был предложен не самим Гракхом, а неким Рубрием, о котором практически ничего не известно (Plut. C.Gracch. 10). Учитывая, что межеванием земли для колонии, по единогласному мнению источников (Plut. C.Gracch. 11; App. b.c. I.24), руководил Гракх, Рубрия, формального автора закона,¹¹⁸ действительно можно считать его сподвижником. Пожалуй, наиболее скептически к этой точке зрения отнесся Ж. Каркопино, считавший, что закон мог быть предложен и политическим оппонентом Гракха с

---

¹¹⁷ Как известно, Третья Пуническая война закончилась длительной, почти трехлетней осадой и взятием Карфагена. По сообщению Аппиана, послевоенным устройством этой области, ставшей римской провинцией Африка, занималась комиссия из десяти человек. В результате было принято решение о разрушении Карфагена; кроме того, «они (т.е. децемвиры – прим. М.К.) прокляли того, кто вновь заселит это место» (App. Pun. 135: ἐπὶ τῷ ἁγίῳ ... εἴ τις οἰκήσειεν αὐτὴν).

¹¹⁸ Об идентификации личности Рубрия см. [Лапыренко, 2016, с. 209-210].

целью услатить его за море накануне выборов народных трибунов, в которых он должен был принять участие [Carcopino, 1928, p. 267].

В целом, интерес римлян к этому региону Африки предсказуем – это удобное в силу своего географического положения место для занятия сельским хозяйством и торговлей. В частности, Аппиан отмечает редкое плодородие африканских земель (App. Lyb. X. 67). Более того, в Африке уже было римское население, которое, судя по сведениям Ливия, незадолго до принятия закона Рубрия сократилось из-за эпидемии (Liv. Per. 60). Колонистам предоставлялись достаточно большие участки — по сведениям закона 111 г. до н.э., до 200 югеров (*amplius iug(era) (ducenta)*). Очевидно, что обработка этих участков позволяла надеяться на вывоз произведенного хлеба в Рим. По распространенной в литературе точке зрения, площадь в 200 югеров соответствует участку для колониста из всаднического сословия [Crawford, 1996, p. 172]. Уже исходя из этой информации, выведение этой колонии нельзя воспринимать как меру, направленную на улучшение благосостояния малоимущих: естественно, что для малоимущего римлянина обработка 50 га земли была бы делом затруднительным. Скорее можно предположить, что ввиду недостатка в Риме продовольствия (App. Lyb. 136) в Северной Африке планировалось создать относительно крупные товарные хозяйства¹¹⁹. Сохранились и остатки римского межевания, которые предполагали создание участков в 200 югеров, т.е. в 50 га [Saumagne, 1924; Caillemer, Chevallier, 1954, p. 454]. Таким образом, данные археологии подтверждают сведения закона 111 г. до н.э. На этом основании эти следы связывают с работой Гая Гракха. Однако достаточно сложно сказать,

---

¹¹⁹ Так, Г. Борен в результате своих наблюдений над источниками пришел к выводу, что в конце II в. до н.э. Рим переживал продовольственный кризис, поскольку экономика вилл II в. до н.э. была основана на производстве вина и оливкового масла. В этих условиях требовались новые источники импорта зерна, одним из которых как раз могла стать колония в Африке [Boren, 1976, p. 92].

распространялись ли они на собственно территорию города Карфагена, поскольку там сохранилось лишь межевание эпохи Августа.

Как видим, основание колонии за морем, на территории бывшего Карфагена имело под собой достаточно рациональных оснований. Тем не менее, оно было омрачено зловещими предзнаменованиями, и закон об основании колонии был отозван (App. b.c. I.24), хотя колонисты, как мы можем заключить из текста аграрного закона 111 г. до н.э.,¹²⁰ своих наделов не лишились.

Примечательны те эпизоды нарративной традиции, в которых описаны предзнаменования, сопровождавшие основание колонии Юнонии. О них нам сообщают Аппиан и Плутарх, и в несколько более краткой версии – Павел Орозий. Наиболее зловещую картину рисует Плутарх: «ветер рвал главное знамя из рук знаменосца с такой силой, что сломал древко, смерч разметал жертвы, лежавшие на алтарях, и забросил их за межевые знаки, которыми наметили границы будущего города, а потом набежали волки, выдернули эти знаки и утащили далеко прочь»¹²¹. Описание Аппиана менее драматично: когда Гракх и Фульвий Флакк находились в Риме, пришло известие, что «волки вытащили и разбросали пограничные столбы, поставленные Гракхом и Фульвием, и авгуры истолковали это как дурное предзнаменование для будущей колонии» (App. b.c. I.24: *λύκοι τοὺς ὄρους Γράκχου τε καὶ Φουλβίου διέρριψαν ἀνασπάσαντες, καὶ τῶν μάντεων τὴν ἀποικίαν ἡγουμένων ἀπαίσιον*).

¹²⁰ В его тексте упоминаются колонисты *ex lege Rubria*; собственно, положению африканских земель посвящена соответствующая часть аграрного закона 111 г. до н.э. О сложностях, связанных с её реконструкцией, см. далее.

¹²¹ Plut. C. Gracch. 11: *ἢ τε γὰρ πρώτη σημαία, πνεύματος ἀφαρπάζοντος αὐτήν, τοῦ δὲ φέροντος ἐγκρατῶς ἀντεχομένου, συνετρίβη, καὶ τὰ ἱερὰ τοῖς βωμοῖς ἐπικείμενα διεσκέδασεν ἀνέμου θύελλα καὶ διέρριψεν ὑπὲρ τοὺς ὄρους τῆς γεγενημένης ὑπογραφῆς, αὐτοὺς δὲ τοὺς ὄρους ἀνέσπασαν ἐπελθόντες λύκοι καὶ μακρὰν ὄχοντο φέροντες*.

Еще сдержаннее ситуацию комментирует Павел Орозий в своей «Истории против язычников». По его сообщению, Карфаген был восстановлен и заново населен выведенными туда семьями римских граждан, однако его восстановлению предшествовало «великое знамение» (*magnum prodigium*): межевые знаки, расставленные землемерами, ночью были вытащены и изгрызены волками. По этой причине «некоторое время все колебались, стоит ли римскому миру восстанавливать Карфаген» (Oros. V. 12: *aliquamdiu haesitatum est, utrum Romanae paci expediret Carthaginem reformari.*). Для христианских авторов обстоятельства восстановления Карфагена должны были бы представлять особый интерес, поскольку в их эпоху он был важнейшим центром христианства. Тем не менее, либо они этого интереса не проявили, либо сведения их источников по этому вопросу были достаточно ограничены. С точки зрения Орозия, дурные предзнаменования не повлияли на сам процесс восстановления города: он не сообщает ни об отмене закона о выводе колонии на территорию Карфагена, ни о двух последующих попытках основать колонию на его месте¹²². Евтропий же лаконично сообщает, что Карфаген был восстановлен в консульство Луция Цецилия Метелла и Тита Квинция Фламинина, т.е. в 123 г. до н.э. (Eutr. IV, 21). Основным источником для трудов и Орозия, и Евтропия с большой долей вероятности был труд Тита Ливия [Stockton, 1979, p. 229], однако его 60-я книга, которая должна была рассказывать об обстоятельствах основания колонии на месте Карфагена, не сохранилась. Краткое содержание этой книги указаний на знамения не содержит, хотя, возможно, их описание там все-таки имелось: это можно предположить, учитывая склонность Ливия к описанию разного рода чудес. Другой латиноязычный автор, достаточно близкий по времени

---

¹²² Вторая попытка была предпринята после смерти не успевшего, но планировавшего сделать это Цезаря в 44 г. до н.э. – в консульство Марка Антония и Публия Корнелия Долабеллы, третья в 29 г. до н.э. – Октавианом, которому пришлось восстанавливать опустевшее за время наместничества Лепида поселение [Charles-Picard, 1962, p. 28].

описываемым событиям, Веллей Патеркул, также не сообщает ни о каких предзнаменованиях: он характеризует решение о выведении колоний за пределы Италии как «наивреднейшее» (*perniciossima*), отмечая, что первой такой колонией был Карфаген (Vell. II.7). Таким образом, наиболее подробно обстоятельства выведения колонии на территорию Карфагена описывают Плутарх и Аппиан – авторы достаточно поздние, а наличие отсылки к этому сюжету у Орозия позволяет также предполагать, что он был засвидетельствован и в латинских источниках, скорее всего, у Ливия.

Версия Плутарха существенно отличается от версии Аппиана тем, что неудачи действительно сопровождают саму процедуру выведения колонии. Аппиан расставляет другие акценты: пока Гай Гракх и Фульвий Флакк проектируют колонию в Африке, в Риме распространяется слух о волках. Аппиан подчеркивает, что именно наличие дурных предзнаменований послужило причиной отмены закона о выведении Юнонии: «Сенат созвал народное собрание, на котором закон о ней должен был быть аннулирован. Гракх и Фульвий, потерпев и здесь неудачу, словно обезумевшие, стали утверждать, что сенат введен в обман рассказом о волках»¹²³. Именно народное собрание, созванное для отмены закона об основании колонии Юнонии, стало для Гракха роковым. Совершенно иную картину мы находим у Плутарха. Несмотря на то, что его описание носит гораздо более драматичный характер, чем Аппианово, оно при этом и более детально, и более последовательно: Гай Гракх возвращается из Африки к выборам, однако проигрывает их, тогда как получивший консульство Луций Опимий, политический оппонент Гракха, начинает добиваться отмены его законов и критиковать его деятельность в Африке (Plut. C.Gracch. 12–13).

¹²³ App. b.c. I.24: ἡ μὲν βουλή προέγραφεν ἐκκλησίαν, ἐν ἣ τὸν νόμον ἔμελλε τὸν περὶ τῆσδε τῆς ἀποικίας λύσειν ὁ δὲ Γράκχος καὶ ὁ Φούλβιος, ἐπεὶ καὶ τοῦδε ἐξέλιπτον, μεμηνόσιν εὐκότες ἐψεῦσθαι τὴν βουλὴν ἔφασκον περὶ τῶν λύκων. οἱ τε θρασύτατοι τῶν δημοτῶν.

Чье повествование следует считать более достоверным? В исследованиях XIX в. было принято отдавать предпочтение Аппиану [Nitzsch, 1847, S. 438]. Казалось бы, его «Римская история» претендует на более серьезный характер, нежели морализаторские биографии Плутарха. Тем не менее, уже в начале XX в. восприятие этих текстов начало постепенно меняться. Так, Дж. Кардинали обратил внимание на бóльшую детальность повествования Плутарха и пришел к выводу, что он пользовался неким источником, который Аппиан игнорировал [Cardinali, 1912, p. 71]¹²⁴. Ж. Каркопино нашел этому явлению, с нашей точки зрения, более правдоподобное объяснение. Дело в том, что цель Аппиана достаточно глобальна – это создание ни много ни мало всей римской истории, и эта цель, как раз ввиду её глобальности, позволяет игнорировать детали, тогда как для Плутарха, составляющего анекдотические по своему характеру биографии именно детали представляют особую ценность. И Плутарх, и Аппиан пользовались одним и тем же источником, только учли его данные с разной степенью подробности [Carcopino, 1928, p. 11].

Таким образом, более вероятно, что в действительности имела место последовательность событий, изложенная Плутархом: межевание земли для колонии, возможно, действительно сопровождавшееся какими-то сложностями; возвращение Гракха из Африки к выборам трибунов; его поражение на выборах; отмена закона о выведении колонии на основании дурных предзнаменований, которыми сопровождалось её выведение.

Обращает на себя внимание сам сюжет слуха о волках, которые зачем-то повредили межевые знаки. Теоретически эта ситуация возможна, однако еще С. Гзель выразил сомнение, что в Африке в это время водились настоящие волки [Gsell, 1927, p. 227]. За волков, впрочем, можно было принять и любых псовых или

---

¹²⁴ Скорее всего, Аппиан при составлении своего произведения использовал по одному источнику для каждой темы [Hahn, 1982, S. 255].

шакаловидных собак [Audollent, 1901, p. 34]. В древнегреческом нет разницы между «шакалом» и «волком», а латинский язык отличает *lupus cervarius* – «рогатого волка», т.е. шакала, от обычного волка. В труде Орозия – единственном латиноязычном источнике – погрызшие межевые знаки животные обозначены как *lupi*, что, на наш взгляд, не случайно. Римляне достаточно презрительно относились к обычаю других народов (например, египтян) почитать священных животных, однако волк играл в их религиозных представлениях довольно важную роль [Gilhus, 2006, p. 106] – достаточно вспомнить волчицу, вскормившую Ромула и Рема, а также связанный с волками праздник Луперкалий. Согласно Аппиану, волки также появились на римском форуме после заключения второго триумvirата, как бы предвещая грядущие проскрипции (App. b.c. IV.4). В этой связи замечание Э. Сальмона об истоках этого предзнаменования в африканских верованиях не выглядит достаточно обоснованным [Salmon, 1969, p. 190]. Независимо от реальности данного события, распространение данного слуха должно было быть важно именно для римлян, и целью его было, скорее всего, подготовить население к тому, что закон о выведении колонии отменят. События, сопутствующие основанию колонии, скорее всего, были бы проигнорированы, если бы Гаю удалось стать трибуном третий раз, однако после его поражения они, вероятно, были преувеличены и поданы как *auspicium oblatum* – т.е. «явленный ауспиций», который демонстрировал, что божество против основания этой колонии. Учитывая, что волю божества в данном случае выражал волк – животное, которому Рим в некотором смысле был обязан своим основанием, предзнаменование должно было выглядеть достаточно зловещим и доступным для понимания. На основании этого дурного предзнаменования и было созвано народное собрание, которое должно было отозвать закон. Аналогичные прецеденты отозвания колоний из-за дурных предзнаменований нам неизвестны. В целом же, аргумент «дурных предзнаменований» в политической борьбе использовался: так, противники Апулея Сатурнина, чтобы не допустить принятия его аграрного закона, кричали, что

слышали гром во время собрания комиций, на которых он должен был быть принят (App. b.c. I.30; de vir. ill. LXXIII. 7) [Сморчков, 2012, с. 518].

Таким образом, неблагоприятные обстоятельства основания колонии (или, по крайней мере, преувеличенный слух о них) были использованы как элемент контрпропаганды против Гая Гракка, а после его поражения на выборах трибунов – как основание для отмены этого закона (Plut. C.Gracch. 13). Неудача первой попытки основания колонии за морем была вызвана, таким образом, победой политических оппонентов её основателя. С другой стороны, определенную роль играло и неприятие самого места основания колонии. Абсолютное большинство авторов, за исключением, пожалуй, Плутарха и Аппиана, сообщают не об основании колонии Юнонии, а о восстановлении Карфагена, а Аппиан, несмотря на свою благожелательную по отношению к Гракху позицию, все равно отмечает, что для основания колонии была выбрана проклятая земля.

На самом деле, авторы, писавшие о восстановлении Карфагена, отражают достаточно важную особенность римского восприятия этой колонии. Колония должна была называться *Iunonia Karthago*, причем упоминание Юноны здесь – это апелляция к женскому божеству, являвшемуся покровительницей Карфагена [Berti, 1990, p. 74]. Как отмечает Н. Берти, проклятие города должно было сочетаться с «вывозом» в Рим этого божества, что было достаточно традиционной мерой по отношению к богам покоренных общин, а с восстановлением города богиню требовалось бы вернуть на её место. Таким образом, с точки зрения римлян действительно шла речь о восстановлении Карфагена, что, разумеется, не все могли приветствовать.

Тем не менее, возможность использования такого довода против основания колонии Юнония его противниками является в некотором смысле исследовательской реконструкцией. Из всех древних авторов наиболее последовательно против основания как колонии на месте Карфагена, так и заморских колоний вообще выступает Веллей Патеркул, и его доводы звучат более чем прагматично: «Ведь

предки, поскольку видели, насколько Карфаген могущественнее Тира, Массилия — Фокеи, Сиракузы — Коринфа, Кизик и Византий — Милета, своей родной земли, мудро старались этого (т.е. выведения заморских колоний – М.К.) избежать и собирали римских граждан из провинций в Италию для проведения ценза» (Vell. Pat. II. 7: *Id maiores, cum uiderent tanto potentiolem Tyro Carthaginem, Massiliam Phocaea, Syracusas Corintho, Cyzicum ac Byzantium Mileto, genitali solo, diligenter uitauerant et ciues Romanos ad censendum ex prouinciis in Italiam reuocauerant*). Это высказывание Веллея позволяет предположить, что колония Юнония должна была стать колонией римского права, и выведение колонии римского права за пределы Италии вызывало опасение у консервативно настроенной части сената¹²⁵, которая, очевидно, еще более утвердилась в своих взглядах после сведений о дурных предзнаменованиях.

Между тем, несмотря на неприятие идеи колонии на месте Карфгена, межевание территории все–таки было проведено¹²⁶. Более подробно о положении в

---

¹²⁵ Заметим, что в Испании, еще в 138 г. до н.э. была основана колония латинского права в Картее (Liv. XL, 3) для оставшихся там римских ветеранов и их детей от местных женщин.

¹²⁶ Об этом свидетельствует найденная на территории Карфгена (близ деревни Мальга) надпись (CIL I² 696 = ILS 28 = AE 1923, 103). Она сделана на фрагменте мраморной доски толщиной в 4 см. Текст реконструируется следующим образом:

[Ex auctoritate] / [C(ai) Sulpici] Galbae / [C(ai) Pa]piri Carbonis / [L(uci) Calpu]rni Bestia[e] / [Шvir(or)um] a(gris) i(udicandis) a(ds)ignandis]

[По решению] / [Г(ая) Сульпиция] Гальбы / [Г(ая) Па]пирия Карбона / [Л(уция) Кальпу]рния Бети[и] / триумвир(ов) (для) п(олей) п(рисуждаемых) (и) а(ссигнуемых)]

Как видим, надпись содержит остатки трех имен, которые издатели сочли именами членов аграрной комиссии. Верхней границей для датировки этой надписи является 119 г. до н.э. - год смерти Гая Папирия Карбона (Cic. Brut. XXVII.105-106; Fam. IX.21.3; Liv. Per. 59). Луций Кальпурний Бестия же был народным трибуном в 120 г. до н.э., в ходе своего трибуната он вернул из изгнания Публия Попилия Лената, отправленного туда Гаем Гракхом. В 111 г. он был назначен консулом в Африку для войны с Югуртой, однако был осужден за взяточничество, как и, очевидно,

Африке римских поселенцев мы можем судить, опираясь на данные аграрного закона 111 г. до н.э. Африканским землям он уделяет достаточно много внимания, что в целом неудивительно, поскольку закон был принят в ходе Югуртинской войны. До сих пор спорным остается вопрос, какими строками начинается его «африканская секция», поскольку строки 42–44 достаточно плохо сохранились. Наиболее важные для интерпретации этой части закона сведения, сохранившиеся в 43 строке:

(43) ...quemve agrum locum de eo agro lo[co ... ex lege] pl(ebeive) sc(ito) quod M(arcus) Baebius tr(ibunus) pl(ebis) Шvir coloni[a]e deducend[ae rogavit ...] / (44) [... datu]m adsignatum esse fuiseve ioudicaverit utei in h(ac) l(ege) sc(riptom) est...

Наиболее дискуссионно в этих строках упоминание Марка Бебия, плебейского трибуна и к тому же триумвира для выведения колонии. С точки зрения А. Рудорффа [Rudorff, 1842, S. 180], которую в настоящее время поддерживает С. Сизани [Sisani, 2015, p. 220–223], в данном фрагменте речь идет о законе о выводе колонии в Африку, после чего в законе рассматриваются особенности африканского землепользования.

Первое достоверное упоминание Африки встречается в строках 48–49:

(48) [... q]uei ager locus in Africa est, quei Romae publice [...]^a / (49) [...]^b eius esto isque ager locus privatus vectigalisque e^c[sto—]tus erit, quod eius agro locei extra terra Italia est.

---

^a *Rudorff* publice [veniet venieritve...]; *Sisani* publice [venieit venieritve, quod eius agri locei ...]

упомянутый в этой же надписи Гай Сульпиций Гальба. (Cic. Brut. XXX.127) Неясно, впрочем, с какой целью была сделана эта надпись. Представить себе мраморный межевой камень достаточно сложно, поскольку мрамор - слишком мягкий и недолговечный материал. По нашему предположению, она могла сопровождать план поселения.

^b *Mattingly, Crawford, Sisani* [... ei herede]iv[e]

^c *Lintott* vectigalisque v[...]tus erit.

Как видим, закон начинается с определения юридического статуса африканских земель. По версии Рудорффа и Сизани, в этих строках речь идет о поле или участке, «который Риму официально достанется или будет продан». К Моммзену, однако, восходит мнение, что здесь описывается особый правовой статус, которым должно было обладать владение, полученное за пределами Италии: *ager privatus vectigalisque*, т. е. поле частное и налогооблагаемое. Это сочетание терминов – частный и налогооблагаемый – достаточно редко, поскольку в системе римского права частная собственность, как правило, налогами не облагалась¹²⁷. Известный юридический памятник эпохи Империи – «Институции» Гая – свидетельствует, что на земле провинций возможна была собственность либо императора, либо римского народа (Gai II. 7: *Sed in prouinciali solo ... dominium populi Romani est uel Caesaris*). То обстоятельство, что на территории провинций не могло быть *solum religiosum*, привело исследователей к мысли, что италийская земля имела особый статус в глазах римлян, а земля провинций этим статусом не обладала [Bleicken, 1998, S. 722; Ando, 2015, p. 20–22]. Таким образом, авторы проекта о выведении колонии должны были столкнуться со сложностями при определении правового статуса участков, которые они обещали колонистам [Watkins, 1983, p. 320]. К концу I в. до н.э., когда римские колонии за морем стали уже массовым явлением, было выработано *ius Italicum* – правовой статус, согласно которому имеющая его колония считалась

¹²⁷ Собственно говоря, отсутствие аналогичной земельной категории на территории Италии является главным аргументом сторонников существования особого правового статуса для участков римских колонистов за морем [Triebel, 1980, S. 207]. Исследователи, принимающие точку зрения о существовании *ager privatus vectigalisque*, предлагают разные выходы из этой ситуации: например, Ф. Де Мартино предлагает считать этот особый земельный статус эллинистическим влиянием (у него же см. дискуссию по проблеме) [De Martino, 1979, p. 374].

основанной как бы на территории Италии. Однако о начале формирования *ius Italicum* можно говорить не раньше середины I в. до н.э.

Таким образом, первая попытка выведения колонии за пределы Италии окончилась относительно неудачно. Проблемы были связаны не только с тем, что колония планировалась в некогда проклятом римлянами Карфагене, но и, с одной стороны, страхом перед расширением римской *civitas*, засвидетельствованном Веллеем Патеркулом, а с другой стороны – отсутствием ясности в правовом положении земель, ассигнованных в этой колонии.

3.1.2. Заморские колонии Рима (от смерти Гая Гракха до Августа)

Прошло не так много времени после смерти Гракха, как сенату пришлось обсуждать выведение еще одной колонии за пределы Италии — Нарбона Марция. По сообщению Веллея, Нарбон Марций был основан в консульство Марка Порция Катона и Квинта Марция Рекса, т. е. в 118 г. до н.э. (*Vell. Pat. I.15.5*), об этом же сообщает Евтропий (*Eutr. IV.23*)¹²⁸. Закон об основании этой колонии также встретил противодействие со стороны сената: в его поддержку, однако, выступил Луций Лициний Красс, он же потом состоял в комиссии, основывавшей эту колонию. (*Cic. Brut. XL.160; Pro Cluen. LI.140*). По свидетельству Цицерона, молодой Красс поддержал закон *causae popularis*, однако, без сомнения, основание этой колонии преследовало не одну лишь популярную у населения цель земельных раздач: Нарбон Марций был также важным стратегическим пунктом, прикрывающим дорогу на Испанию, и морским портом.

По сведениям Аппиана, Нарбонскую Галлию в 100 г. до н.э. планировал заселить и Апулей Сатурнин (*App.b.c. I.29*). Скорее всего, получателями земли должны были стать ветераны Мария, сражавшиеся в войне с кимврами.

---

¹²⁸ Впрочем, точная дата основания Дертонны остается дискуссионной [Mattingly, 1972; Hermon, 1976].

Законопроект предположительно предусматривал раздачу земель и в Африке в форме виританских ассигнаций [Salmon, 1969, p. 129]¹²⁹.

Также известно о колонии Мариане, основанной, судя по названию, также Гаем Марием на Корсике. При Сулле в противовес Мариане на Корсике была основана колония Алерия – на месте греческой колонии Алалия, основанной фокейцами еще во второй четверти VI в. до н.э. Нарративных источников об этих колониях немного, и их данные крайне лаконичны: к таковым можно отнести сведения Гая Солина (Solin. III.2), Помпония Мелы (Mel. II.122) и Клавдия Птолемея (Ptol. geogr. III.2). Также о существовании этих колоний говорится в «Естественной истории» Плиния¹³⁰.

О причинах выведения этих колоний остается только догадываться. Достаточно предсказуемым было бы объяснение, согласно которому основной целью этих колоний было обеспечение земель ветеранов Мария¹³¹. На карте видно, что и Алерия, и Мариана расположены в равнинных, относительно пригодных для сельского хозяйства областях, и, к тому же, обращены к материку. С другой стороны, эту вероятность основания этих колоний как сельскохозяйственных можно также поставить под сомнение, учитывая другие сведения об этом регионе. Как известно, Корсика была местом ссылки Сенеки. В своем диалоге «Утешении к Гельвии» он касается истории Корсики. В конце пассажа Сенека заключает:

---

¹²⁹ В нескольких надписях, найденных на территории римской провинции Africa proconsularis, упоминается колония Мариана Августа Александрина, она же Ухи Майус (CIL VIII 15450, 15454, 15455, 26275, 26281, 26282, 26282). Статус колонии эти поселения, как видно из названия, приобрели уже при Августе.

¹³⁰ Plin. NH. III. 80: ...civitates habet XXXII et colonias Marianam, a C. Mario deductam, Aleriam, a dictatore Sulla.

«(Корсика)... имеет 32 общины и колонии Мариану, выведенную Гаем Марием, и Алерию, (выведенную) диктатором Суллой».

¹³¹ Основание сулланской Алерии явно в больше степени преследовало политические цели; подробнее о колониях Суллы см. далее.

«столько раз менялось население этой сухой и тернистой скалы!» (Sen. Dial. XII.7.9: *totiens huius aridi et spinosi saxi mutatus est populus!*). В целом, это достаточно странное описание места, в которое решили вывести колонию, даже если причиной этого было отсутствие земли для нее на полуострове. Эта оценка Сенеки согласуется с характеристикой, которую дает острову Солин (Solin. III.4). Остановимся на следующем предположении: если эти колонии действительно были выведены для того, чтобы наградить землей ветеранов Мария, то их основали на Корсике либо потому, что она была достаточно близка к Италии, либо же основание этих колоний преследовало какие-то иные цели, связанные с деятельностью ее основателей. Никакого общественного резонанса выведение колоний на Корсику не вызвало – по крайней мере, источники об этом умалчивают.

Принято считать, что нормой выведение колоний за море стало при Юлии Цезаре¹³². По сообщению Светония, 80 тысяч граждан Цезарь отправил в заморские колонии (Suet. Jul. 42.1). Не затрагивая подробно вопрос об основании конкретных поселений и реальной численности их жителей, отметим, что речь идет о колониях на Пиренейском полуострове, в Африке, Греции (в частности, в Коринфе) и Малой Азии¹³³. С точки зрения Э. Сальмона, причиной такого поворота в колонизационной политике было то, что Цезарь не хотел портить репутацию проскрипциями [Salmon, 1969, p. 133]¹³⁴. Нарративная традиция не сохранила никаких непосредственных сведений о реакции римлян на выведение заморских колоний. Примечательны, впрочем, два момента. Живший спустя относительно небольшое время после обсуждаемых событий Веллей Патеркул, отрицательно высказавшийся об основании колонии на месте бывшего Карфагена (Vell. Pat. II.7.7.), о заморских

¹³² Его решение об их выведении, несомненно, было принято уже после победы над Помпеем (Liv. Per. 125).

¹³³ Полный список с указанием источников см. Schneider, 1977, S. 201-205.

¹³⁴ Данные Аппиана свидетельствуют против утверждения, что Цезарь не селил ветеранов на конфискованной земле (App. b.c. II. 140-141; III. 22). Более подробно см. 3.1.3.

колониях Цезаря и Августа просто умалчивает. Кроме того, Светоний передает нам слухи, согласно которым Цезарь хотел перенести столицу в Александрию или Трою (Suet. Jul. 79.3), наличие которых, скорее всего, следует связать с недовольством колонизационной политикой Цезаря.

Впрочем, Цезарь не успел реализовать все намеченные им проекты. Большая часть его планов была реализована триумвирами, точнее – Антонием и Октавианом¹³⁵. В том положении, в котором они находились, естественно ожидать, что в их планы входило не ссориться с ветеранами, поскольку в любой момент им могла потребоваться их поддержка. Следовательно, в большей степени триумвиры были заинтересованы в колониях на территории Италии. В этой связи примечателен приведенный Аппианом эпизод, в котором Антоний бранит ветеранов Цезаря за то, что он перевел их из Парфии в Италию, а они не повинуются ему должным образом (App. b.c. III.43).

Очевидно, вопрос о месте выведения колоний был достаточно острым и в начале единоличного правления Октавиана. Косвенно на это указывает Гораций. Описывая во второй сатире свою близость к Мecenату (на деле, по свидетельству самого Горация, достаточно поверхностную), он сетует на постоянные расспросы об актуальных политических вопросах, которыми его преследуют знакомые. Один из таких вопросов — о месте выведения колоний:

...'militibus promissa Triquetra

praedia Caesar an est Itala tellure daturus?' (Hor. Serm. II.6.55–56)

---

¹³⁵ Основу для реализации посмертных планов Цезаря дали *acta Caesaris* [Premmerstein, 1922, S. 46]. К примеру, после смерти Цезаря была выведена колония Юлия Генетива или Урсон: как мы узнаем из раздела CIII ее закона, «*iussu C. Caesaris dict(atoris) imp(eratoris) et lege Antonia senat(us)que s(onsultis) pl(ebi)que sc(itis)*», «по приказу Г. Цезаря, диктатора и императора, и по закону Антония, по постановлению сената и решению народа». Колонии Цезаря вообще достаточно сложно идентифицировать и отделить от колоний Августа, поскольку до принятия имя Август он называл их, как и Цезарь, *colonia Iulia*.

«Воинам обещанные поместья на сицилийской или италийской земле Цезарь даст?»»

Как видно из этой фразы, большая часть ветеранов рассчитывала остаться в Италии или хотя бы поблизости к ней – например, на известной плодородием своих земель Сицилии. Вторая книга сатир датируется 30 г. до н.э., следовательно, и в начале принципата вопрос о месте основания колоний по-прежнему оставался достаточно острым.

Таким образом, несмотря на то, что выведение колоний за пределы Италии могло ослабить земельный голод, весь I в. до н.э. римляне всячески избегали такого решения проблемы. Основанные за пределами Италии колонии, как правило, имели стратегические цели. В этом смысле они продолжают традицию республиканских колоний, призванных быть *propugnacula imperii*, щитом от неприятелей. В целом же идея основания колоний, особенно гражданских, за морем воспринималась в обществе по ряду причин негативно: среди таких причин и отсутствие у провинциальной земли особого религиозного и правового статуса, и опасения, что основанная за пределами Италии колония выйдет из-под римского контроля. Сама по себе политическая ситуация – гражданские войны, в условиях которых поддержка ветеранов имела большое значение, – не благоприятствовала поселению ветеранов за пределами Италии. Тем не менее, полуостров физически был не в состоянии предоставить достаточное количество земли всем желающим. Как известно, в итоге римское право нашло способ выйти из положения: оно конструировало *ius Italicum*, согласно которому колония, которой даровано это право, находится как бы в Италии.

3.1.3. Земельные раздачи внутри Италии в период гражданских войн

Итак, вплоть до Августа большинству инициаторов аграрных законов приходилось искать землю для ассигнаций в пределах Италии. О том, что эти проекты не находили достаточного понимания у союзников, свидетельствует

история аграрного законопроекта Ливия Друза. По сведениям Аппиана, Марк Ливий Друз, народный трибун 91 г. до н.э., планировал выведение колоний в Италию и на Сицилию, которое было давно запланировано,¹³⁶ но не осуществлено (App. b.c. I.35). Этот закон крайне не понравился италийцам, а также этрускам и умбрам, которых автор даже косвенно обвиняет в убийстве Друза (App. b.c. I.36). Скорее всего, упоминаемая земля, которая все еще не была отнята у италийцев — это та же самая общественная земля, выделенная Гракхами, но не заселенная из-за начавшихся возмущений союзников. Косвенно на это указывает то обстоятельство, что в Союзнической войне активное участие приняла Кампания и другие области, в которых действовала гракханская комиссия¹³⁷.

Практически ничего неизвестно о колониях внутри Италии Гая Мария. Сулла выводил поселения три раза: в 88 г. до н.э. (Liv. Per. 77), 82 г. (App. b.c. I.96; Gran. Lic. XXXVI) и 79 г. (Liv. Per. 79). Наиболее интересны для нас мероприятия 82 г. до н.э., поскольку, придя к власти, Сулла впервые решил проблему принципиально новым способом: он поселил своих ветеранов на конфискованных им у своих противников землях. В некотором смысле эту акцию можно трактовать как пополнение фонда *ager publicus*, поскольку она соответствует главной внешней характеристике этой акции: земля была конфискована после победы Суллы над его противниками. На то, что и современники проводили такие параллели, указывает сохранившийся Аппианом отрывок из речи Брута, обращенной к солдатам Цезаря.

---

¹³⁶ Очевидно, еще аграрным законом его отца (App. b.c. I.23; Plut. C. Gracch. 9).

¹³⁷ Впрочем, не следует забывать и о том, что аграрный вопрос был не единственным вопросом, волновавшим союзников. По версии Веллея Патеркула, войну начали недовольные военными обязанностями в отношении Рима аскуланцы и марсы (Vell. Pat. II. 15. 2). Тем не менее, Р. Говард настаивает на том, что аграрный вопрос как одна из важнейших причин Союзнической войны недооценен исследователями, и посвящает обоснованию этого тезиса целую статью [Howarth, 1999].

По его словам, прежде, когда народ побеждал врагов, он конфисковал у них лишь часть земли, устраивая на ней своих ветеранов для контроля над бывшими противниками, Сулла же и Цезарь напали на отечество, как на враждебную страну, в которой им требовались крепости (App. b.c. II.140).

Таким образом, с одной стороны, отъемом земли наказывались враждебно настроенные по отношению к Сулле области¹³⁸; с другой стороны, Сулла обеспечивал себе контроль за ними и безусловную поддержку ветеранов, получивших земельные владения, поскольку только его авторитет мог быть гарантией их прав на участок. Иных способов, а именно агрименсурных Сулла, в отличие от Цезаря и Августа (см. раздел 3.2), не предусмотрел.

После смерти Суллы не мог не всать вопрос о правах сулланских ветеранов на полученные ими участки¹³⁹. Так, в потакании сулланским владельцам обвинил Цицерон Сервилия Рулла (Cic. leg. agr. III.3). Наши сведения о rogatio Servilia agraria (63 г. до н.э.) достаточно полны, поскольку до нас дошли три речи Цицерона, обращенные против этого законопроекта. Формально он был подготовлен Публием Сервилием Руллом, народным трибуном: какие-то иные подробности его биографии нам не известны. Цицерон в своих речах намекает, что за этим законопроектом стоит кто-то более влиятельный: большинство исследователей считает, что это были

---

¹³⁸ Показателен пример Нолы, поля которой были отобраны и поделены между двадцать семью легионами (Liv. Per. 89).

¹³⁹ Существует точка зрения, согласно которой ветераны Суллы свою землю продали [Andreau, 1980]. Тем не менее, данные археологии фиксируют интенсификацию распашки и сокращение количества необрабатываемых земель после 70-х гг. до н.э. [Vallat, 1987, p. 194]. Например, археологическое изучение ager Cosanus подтверждает запустение в 70-60 гг. до н.э., а затем появление новых владельцев и общее изменение хозяйственного уклада. [Manacorda, 1980, p. 173-174; Rathbone, 1981]. Таким образом, можно говорить о том, что, даже если ветераны не стали использовать ассигнованные им участки, то они продали их достаточно заинтересованным хозяевам.

Цезарь и Красс,¹⁴⁰ некоторые [Гурвич, 1949, с. 246–248; Gargola, 1995, p. 15] отмечают, что он также был выгоден Помпею, есть мнение и Грюена, согласно которому закон мог быть личной инициативой Рулла [Gruen, 1974, p. 389].

В любом случае, политический контекст этого закона нам важен меньше, чем его содержание, которое мы можем относительно легко восстановить, поскольку Цицерон разбирает его достаточно подробно, даже приводя цитаты из текста законопроекта и называя конкретные главы. Закон предполагал избрание комиссии децемвиров, которые на средства, полученные со сдачи на откуп ряда земель (Cic. leg.agr. 35–36), покупали земли у частных владельцев (Cic. leg.agr. II.65) и выводили на них колонии (Cic. leg.agr. II.73), в частности, предполагалось выведение колонии в Капую (Cic. leg.agr.II.76).

Категории земель, которые закон предназначал к продаже на откуп, включали земли, которые планировалось продать еще в 81 г. до н.э.: по словам Цицерона, это были *lota publica urbis* и *sacella*, а также гора Гавр в Кампании, ивняки под Минтурнами и некая Геркуланская дорога (Cic. leg.agr. II.35–36). По самому качеству переисляемых в том списке земель видно, что уже к 81 г. до н.э. земель, которые находились бы в статусе *publicus*, было уже совсем немного. О том, чтобы использовать государственные земли для ассигнаций, речи не шло, поэтому единственный выход, представлявшийся автору закона реальным, был покупкой земель у частных владельцев.

Кто были эти владельцы? В сущности, мы можем говорить о двух категориях владельцев, появившихся после сулланских ассигнаций: во-первых, это те, кому эти земли были ассигнованы, а во-вторых, те, у кого земли были де-юре конфискованы, однако де-факто не были размежеваны и ассигнованы другим владельцам. Сороковая глава закона объявляла сулланские владения частными *optimo iure*:

---

¹⁴⁰ Подробную библиографию и аргументы в пользу этой версии см. в статье О.В. Любимовой [Любимова, 2018].

Qui post Marium et Carbonem consules agri, aedificia, lacus, stagna, loca, possessiones ... publice data adsignata, vendita, concessa sunt ... ea omnia eo iure sint ... ut quae optimo iure privata sunt. (Cic. leg. agr. III.7)

«Какие после консулата (Гая) Мария и (Гнея Папирия) Карбона (консулов 82 г. до н.э. – М.К.) поля, здания, рвы, болота, места, владения... были (из государственных имуществ?) даны, ассигнованы, проданы, уступлены, ... все это пусть будет по тому праву...как то, что по наилучшему праву частным является».

Статус *optimo iure*¹⁴¹ предполагал свободу от сервитутов и каких-либо выплат (Cic. leg. agr. III.9). Цицерон намекает, что придание владениям, созданным при Сулле, статуса *optimo iure* позволило бы им, к примеру, продать их. Таким образом, мы можем говорить, что права первой категории владельцев подтверждались, как закон обходился со второй — это более сложный вопрос, поскольку не в интересах Цицерона, выступающего против законопроекта Рулла, было акцентировать внимание на том, что определенную выгоду формулировка закона обещала и жертвам сулланских конфискаций. В leg.agr.III.11 он приводит формулу «*quae data, donata, concessa, vendita, possessa*», также содержащуюся в законе: «что было дано, подарено, уступлено, продано, находится во владении». С его точки зрения, под *possessa* скрывается указание на самостоятельно захваченные сулланцами земли, однако же, с таким же успехом оно могло быть обращено к тем, кто остался фактическим владельцем конфискованной земли¹⁴². Если мы подойдем к вопросу с этой точки зрения, то получается, что закон Рулла стремился объявить частными все владения спорного статуса.

¹⁴¹ По мнению О. Берендса, этот правовой статус развился из статуса участков на *ager Romanus*, в том числе и участков на территории колонии [Behrends, 1992, S. 230; 2004, с. 5].

¹⁴² Э. Йонкерс на том же основании характеризует это высказывание Цицерона как демагогию. [Jonkers, 1964, p. 144]

Вскоре после *rogatio Servilia agraria* был предложен новый закон. В письме к Аттику, датированном январем 60 г. до н.э., Цицерон сообщает, что Флавием был обнародован аграрный закон, «совершенно ничтожный, почти такой же, каким был Плотия¹⁴³ (Cic. Att. I.18.6: *agraria autem promulgata est a Flavio, sane levis, eadem fere quae fuit Plotia*). С его точки зрения, истинным инициатором этого закона был Помпей. В следующем письме Цицерон более подробно раскрывает сущность закона: как и закон Рулла, он предполагал покупку земли на средства, поступившие от государственных откупов. Цицерона не устраивало в этом законе то, что он вмешивался в сложившуюся систему римского землепользования:

Ex hac ego lege secunda contionis voluntate omnia illa tollebam quae ad privatorum incommodum pertinebant; liberabam agrum eum qui P. Mucio L. Calpurnio consulibus publicus fuisset; Sullanorum hominum possessiones confirmabam; Volaterranos et Arretinos, quorum agrum Sulla publicarat neque diviserat, in sua possessione retinebam... (Cic. Att. I.19.4)

«Из этого закона я, согласно желанию собравшихся, выбрасывал все, что служило неудобству частных (владельцев); я освобождал (от раздела) поле, которое в консульство Публия Муция и Луция Кульпурния было общественным, я подтверждал владения сулланцев, жителей Волатерр и Арреция, поля которых Сулла конфисковал и не размежевал, в их владении оставлял...»

Как видно, закон затрагивал разные категории земель, статус которых был в то время не до конца ясен: это земля, признанная общественной еще в 133 г. до н.э., но, очевидно, до сих пор используемая частными владельцами, земля, конфискованная Суллой, но также оставшаяся в пользовании прежних владельцев, участки сулланцев, чей правовой статус весьма шаток. Позиция Цицерона, как она подана в

---

¹⁴³С точки зрения Э. Габбы, закон Плотия мог обсуждаться в 70 или 69 г. до н.э., поскольку именно в этот год консулами были Помпей и Красс, его целью могло быть наделение землей ветеранов Помпея, вернувшихся из Испании [Gabba, 1973, p. 446-447].

этом письме, достаточно проста: он консервативно настроен по отношению к любым переменам в италийском земельном кадастре и стремится к сохранению существующей ситуации.

Тем не менее, в 59 г. до н.э. Гай Юлий Цезарь стал консулом и добился принятия аграрного закона, против воли сената и Марка Бибула. (Liv. Per. 103; Suet. Jul. 20.1). Данный закон предполагал выведение городского плебса на «всю общественную землю, кроме Кампании», а также покупку земли на средства, полученные от военных кампаний Помпея и недавно введенных налогов (Dion. Cass. XXXVIII. 1). Затруднительно сказать, какую именно «общественную землю, кроме Кампании» планировалось поделить по этому закону: уже аграрный закон Сервилия Рулла предполагал только покупку частных земель и раздел Кампании и *ager Stellatus*. Вероятно, что аграрный закон Цезаря предполагал то же самое.

Это было не единственное аграрное мероприятие Цезаря за его консулат: Плутарх упоминает о наличии двух аграрных законов, первый из которых предполагал основание колоний и раздел земли между неимущими, а второй – раздел между неимущими Кампанского поля (Plut. Cat. Iun. 31, 33). Светоний напрямую не сообщает о принятии отдельного аграрного закона о Кампанском поле, однако сведения о его разделе между двадцатью тысячами граждан, у которых было трое и более детей, разнесены в тексте с описанием борьбы за принятие аграрного закона с Марком Бибулом (Suet. Jul. 20.1; 3). То, что вслед за первым аграрным законом последовал закон о разделе Кампанского поля, можно заключить и на основании текста Кассия Диона: по его свидетельству, колония была выведена в Капую (Dion. Cass. XXXVIII. 7).

По *lex Vatinia* Цезарем был основан *Novum Comum* (Suet. Jul.28.3), о других его аграрных мероприятиях в Галлии ничего не известно. К основанию колоний он возвращается уже после своей победы над Помпеем (Liv. Per. 125; Suet. 38.1). Этот период достаточно сложен для реконструкции, поскольку известно, что большая часть мероприятий Цезаря была закончена триумвирами, а точнее — Антонием и

Октавианом (о деятельности Лепида нам мало что известно). По свидетельству Светония, Цезарь, помимо денежных раздач ветеранам, «ассигновал и поля, но не сплошные, чтобы никто из владельцев не был бы изгнан» (Suet. Iul. 38.1: *adsignavit et agros, sed non continuos, ne quis possessorum expelleretur*). С точки зрения Ф.Т. Хинрикса, эти сведения Светония указывают на то, что Цезарем использовалась категория отрезков, которая была окончательно разработана триумвирами и Августом [Hinrichs, 1974, S. 66]. Строго говоря, непосредственно из этой фразы такого вывода сделать нельзя: как можно заключить по свидетельствам землемеров, отрезки приобретают особый статус только в эпоху Августа (см. раздел 3.2.2). Скорее здесь имеется в виду то, что Цезарь использовал все возможные незанятые в тот момент земли, в том числе имеющие спорный правовой статус. На это указывают данные Аппиана, причем если Брут, по его свидетельству, обвиняя Цезаря в ассигнации конфискованной земли, мог быть пристрастен (App. b.c. II. 140–141), то указания на то, что Октавиану приходилось судиться из-за земельных участков, указывают на то, что в ассигнацию пошли и спорные земли. Ни один источник не позволяет нам обвинить Цезаря в массовых проскрипциях и земельных конфискациях, однако эти сведения Аппиана позволяют заключить, что статус использовавшейся для ассигнаций земли не был до конца ясен. Не в малой степени причиной отсутствия ясности была внезапная гибель Цезаря, едва ли успевшего оформить все свои замыслы. Как указывает тот же Аппиан, ветераны не в малой степени связывали гарантии своей собственности на земельные участки с личностью Цезаря, что во многом определило исход политического противостояния (App. b.c. II.134) [Машкин, 1949, с. 143]

После гибели Цезаря все его установления, в особенности касающиеся выведения колоний, были подтверждены сенатом. Фактически после заключения второго триумvirата программа основания ветеранских поселений была значительно расширена: триумвиры определили 12 италийских городов для поселения, в числе которых были Капуя, Регий, Венузия, Беневент, Нуцерия, Арпин,

Гиппоний, а также решили провести проскрипции (App. b.c. IV.3; Suet. Aug. 27. 1). Земли проскрибированных военные также требовали себе, и триумвиры были вынуждены выполнять прихоти войска, чтобы не потерять его поддержку (App.b.c. IV.35).

Массовые ассигнации на территории Италии проводил Октавиан уже после сражения при Филиппах (App.b.c. V.3). Естественно, что как изъятие у общин земли, так и само по себе опасное соседство ветеранов вызывало недовольство у жителей Италии (App.b.c.V. 13–15), и это недовольство стоило Октавиану военного конфликта – Перузинской войны. Известным свидетельством земельных конфискаций в пользу ветеранов является девятая эклога Вергилия. По распространенному мнению, её сюжет восходит к реальной ситуации, в которой сам Вергилий лишился своих владений: конфискованной в пользу ветеранов территории Кремоны не хватило для ассигнаций, поэтому к ней была прирезана территория соседней Мантуи. П. Вейне предпринимал даже попытку сопоставления упоминаемого в эклоге рельефа с реальным рельефом Мантуи [Veune, 1991, p. 244].

Безусловно, итоговому разрешению накопившихся аграрных проблем способствовала победа Октавиана в гражданских войнах. Впрочем, вывод колоний продолжается и после победы. В своих «Деяниях» Август сообщает, что наделил землей более 300 000 ветеранов (RGDA III.3). Он также сообщает, что в свое четвертое консульство и в консульство М. Красса и Гнея Лентула Августа он покупал землю у муниципиев для ассигнаций – соответственно в 30 и 14 гг. до н.э.; кроме того, Август выводил колонии также в 7, 6, 4, 3 и 2 гг. до н.э.

Таким образом, события I в. до н.э., как и попытки аграрных реформ Гракхов, продемонстрировали, что пригодный для ассигнаций *ager publicus* на территории Италии отсутствует. Фонд общественной земли можно было пополнить за счет земельных конфискаций, которые, однако, только усложняли ситуацию. Формально конфискованная земля считалась *ager publicus*, однако статус владений, созданных на ней, все-таки оставался неясным. С другой стороны, как и в случае с реализацией

гракханской реформы, земля, объявленная общественной, могла не быть на самом деле конфискованной у ее владельцев и заново размежеванной. Однако де-юре эта земля была общественной, что также создавало проблемы для её владельцев.

3.2. Эволюция римского межевания I в. до н.э. Агрименсурное оформление угодий колонии

Как было отмечено выше, в I в. до н.э. неоднократно вставал вопрос о земельных раздачах, которые не всегда проводились на должных правовых основаниях. Свободного *ager publicus* не было, поэтому вся земля, поступившая в ассигнацию, как правило до этого была изъята у прежних владельцев. В этих условиях неминуемо должна была возрасти роль агрименсуры, поскольку границы и межевые камни были внешним доказательством владения. В данном разделе мы рассмотрим, как за I в. до н.э. эволюционировала система центуриации и процедура ассигнации земель.

Источники разного рода сообщают нам о достаточном количестве изменений в римской агрименсуре, связанных с именем Цезаря¹⁴⁴. При этом систематически нововведения Цезаря в области римской агрименсуры до сих пор не подвергались анализу: исследователи сосредотачивались в основном на частных вопросах, связанных с атрибуцией отдельных сведений о его деятельности. Август традиционно вызывал гораздо больше внимания, что неудивительно, поскольку о его преобразованиях землемеры говорят много, а сведения о деятельности Цезаря рассредоточены по разным, не только и не столько землемерным источникам. Тем не менее, как этап в развитии римской агрименсуры деятельность Августа также практически не рассматривались.

---

¹⁴⁴ Можно было бы ожидать нововведений в области агрименсуры также от Суллы, однако источники не сообщают на этот счет ничего конкретного. С точки зрения Э. Эрмон, Сулла позиционировал себя как *Iupiter terminalis*, поэтому поставленные им межевые знаки должны служить абсолютной гарантией собственности на участок [Hermon, 2006 (2), p. 41].

3.2.1. *Новации римской агрименсуры эпохи Цезаря*

Обратимся к сведениям источником о деятельности Цезаря. На некий аграрный закон Гая Цезаря ссылается юрист Каллистрат:

Lege agraria, quam Gaius Caesar tulit, aduersus eos, qui terminos statutos extr<a> suum gradum finesue mouerint dolo malo, pecuniaria poena constituta est: nam in terminos singulos, quos ei<e>cerint locoue mouerint, quinquaginta aureos in publico dari iubet: et eius actionem petitionem ei qui uolet esse iubet. (D. XLVII. 31.3.pr)

«Аграрным законом, который предложил Гай Цезарь, установлен денежный штраф для тех, кто со злым умыслом передвинет установленные межевые знаки за пределы своего места или границ (между полями); ведь (закон) повелевает, чтобы за каждый межевой знак, который выбросят или передвинут со (своего) места, было заплачено в казну 50 ауреусов и чтобы каждый, кто желает, мог предъявить иск по этому поводу».

Несмотря на то, что, по наблюдениям Моммзена, чаще всего под Гаем Цезарем в «Дигестах» понимается Каллигула [Mommsen, 1852(2), S. 225], о защите установленного термина штрафом сообщает также загадочный текст, сохранившийся среди рукописей трактатов землемеров. Он озаглавлен как «закон Мамилия Росция Педуцея Алиена Фабия» (далее — закон МРПАФ), надпись KLV, отмечающую интересующий нас пункт закона, следует, очевидно, понимать, как k(apitul) l(egis) V:

quique termini hac lege statuti erunt, ne quis eorum quem eicito neue loco moueto sciens dolo malo, si quis aduersus ea fecerit, is in términos singulos, quos eiecerit locoue mouerit sciens dolo malo, HS V m(ilia) n(ummum) in publicum eorum, quorum intra fines is ager erit, (d(are)) d(amas) esto, deque ea re curatoris, qui hac lege erit, iuris dictio reciperatorumque datio addictio esto, cum curator hac lege non erit, tum quicumque magistratus in ea colonia municipio praefectura foro conciliábulo iure dicundo praeerit,

eius magistratus de ea re iuris dictio iudicisque datio addictio esto. (SRF I, S. 264–265 = Campbell, p. 216–218)

«Какие межевые камни по этому закону поставлены будут, пусть никто какой-нибудь из них не сбрасывает и не сдвигает с места со злым умыслом, если кто обратное этому сделает, то за каждый межевой камень, который сбросит или сдвинет с места со злым умыслом, пять тысяч сестерциев в общественную казну тех, внутри чьих границ находится это поле, дать должен, и об этом деле куратора, который по этому закону будет, рекуператоров юрисдикция и передача и присуждение пусть будет. Когда куратора по этому закону не будет, тогда всякий магистрат в той колонии, муниципии, префектуре, форуме, конкилиабуле судом пусть руководит, того магистрата по этому делу судопроизводство и передача и присуждение пусть будет».

В законе МРПАФ упомянуты 5 тыс сестерциев, а у Каллистрата — 50 ауреусов, однако ауреусы были введены только при Августе, а 5 000 сестерциев как раз равны 50 ауреусам, таким образом, оба закона назначают одинаковый штраф за каждый передвинутый межевой знак. Разница заключается в том, что в законе МРПАФ не оговаривается, что жаловаться на повреждение термина может любой желающий. Судопроизводство же по такому делу должен осуществлять специальный куратор — предписывалось ли это законом Гая Цезаря, неизвестно.

Чем являлся закон МРПАФ, когда он и в каких обстоятельствах он был принят, кем были его авторы? Существует несколько версий, объясняющих его происхождение. Одна из самых непопулярных версий отождествляет его с законом Мамилия, также упоминавшимся землемерами, а его автором называет Гай Мамилия Лиметана, народного трибуна 109 г. до н.э. Это решение было предложено Э. Фабрициусом [Fabricius, 1924, S. 15], однако достаточно быстро раскритиковано. Трактаты землемеров действительно упоминают некий закон Мамилия, однако его содержание достаточно резко контрастирует с содержанием закона МРПАФ. Землемеры достаточно часто ссылаются на закон Мамилия, когда описывают

контroversии о ширине границы частного участка — финиса или ригора, поскольку именно этот закон устанавливал его ширину (CAR, S. 4, 27, 60, 134).

De fine enim lex Mamilia quinque aut sex pedum latitudinem praescribit, quoniam hanc latitudinem vel iter ad culturas accidens occupat vel circumactus aratri (CAR 60 = C. 60)

«Границе ведь закон Мамилия пять или шесть футов ширину предписывал, потому что эту ширину или занимает проход, ведущий к обрабатываемым полям, или переворачивание плуга».

Эта норма должна была быть гораздо древнее, чем постановления, связанные с лимитами, которые также содержатся в законе МРПАФ. О древности закона Мамилия пишут и землемеры: его постановления трудны для их понимания ввиду архаичности языка (CAR, S. 27), тогда как в языке закона МРПАФ ничего специфически архаичного нет. Кроме того, финис, упоминаемый в нем, — это достаточно древний тип границы участка, представлявший собой проселочную дорогу, о ширине которой вопрос должен был возникнуть достаточно рано.

Содержание же закона МРПАФ позволяет сделать несколько выводов: во-первых, в соответствии с ним должны быть выведены разные типы поселений,¹⁴⁵ причем земля передавалась в собственность (quae colonia hac lege deducta quodue municipium praefectura forum conciliabulum constitutum erit; qui ager hac lege datus adsignatus erit). Во-вторых, земля для основания этого поселения земля межевалась лимитами:

Qui limites decumanique hac lege deducti erunt, quaecumque fossae limitales in eo agro erunt, qui ager hac lege datus adsignatus erit, ne quis eos limites decumanosue obsaepito, neue quid immolatum neue quid ibi obsaepum habeto, neue eos arato, neue eas

¹⁴⁵ Против этой точки зрения выступал Э. Фабрициус: с его точки зрения, этот закон был «генеральным» и не предполагал выведения поселений [Fabricius, 1924, S.8], однако ни одного примера подобного закона до наших дней не сохранилось.

fossas opturato neue obsaepito, quo minus suo itinere aqua ire fluere possit. si quis aduersus ea quid fecerit, (is) in res singulas, quotienscumque fecerit, HS III (n(ummum)) colonis municipibusue eis, in quorum agro id factum erit, dare damnas esto, (eiusque) pecuniaequae qui uolet petitio hac lege esto. (SRF I, S. 264 = Campbell, p. 216)

«Какие лимиты и декуманы этим законом будут проведены, какие бы то ни было межевые рвы,¹⁴⁶ на том поле будут, которое поле этим законом будет дано и ассигновано, пусть никто те лимиты и декуманы не будет загораживать, не будет иметь ничего построенного или там загороженного, пусть их (лимиты и декуманы) не запахивает, пусть не нарушает те межевые рвы и не загораживает так, чтобы вода не могла течь своим путем. Если кто что противоположное этому сделает, тот за каждый случай, сколько бы ни сделал, 4 000 сестерциев колонии или муниципию тому, в чьем поле это будет сделано, должен дать, и тех денег кто хочет, может в судебном порядке требовать по этому закону»

Таким образом, закон МРПАФ защищал не только установку межевых камней, но и проведенные согласно этому закону лимиты. Эта норма особенно интересна тем, что практически полную аналогию ей мы встречаем в законе колонии Генетивы Юлии, в главе СIII¹⁴⁷. Однако, принципиальным отличием закона колонии Генетивы

¹⁴⁶ Межевые рвы - это рвы, которые служили не только для водоотвода, но также могли дополнительно обозначать лимит на территории, подвергаемой межеванию. (CAR, S. 94, 111)

¹⁴⁷ qui limites decumaniqu(e) (hac lege) intra fines c(oloniae) G(enetiuae) deducti factique erunt, quaecumq(ue) fossae limitales in eo agro erunt, qui (hac lege) iussu C Caesaris dict(atoris) imp(eratoris) et lege Antonia senat(us)que c(onsultis) pl(ebi)que sc(itis) ager datus atsignatus erit, ne quis limites decumanosque opsaeptos neue quit immolatum neue quit ibi opsaeptum habeto, neue eos arato, neue e(a)s fossas opturato neue opsaepto, quo minus suo itinere aqua ire fluere possit. si quis atuersus ea quit fecerit, is in res sing(ulas), quotienscumq(ue) fecerit, (sestertium) (mille) c(olonis) c(oloniae) G(enetiuae) I(uliae) d(are) d(amnas) esto, eiusq(ue) pecun(iae) cui uolet petitio p(ersecutio)q(ue) esto. (подчеркнуты разночтения)

Юлии является придание этой же норме большей конкретики: указано, что речь идет о лимитах и декуманах, находящихся внутри границ колонии, которая выведена по приказу Цезаря законом Антония.

Напомним историю её основания. Колония Генетива Юлия была основана в Испании на территории бывшего турдетанского поселения Урсона. Есть разные точки зрения относительно того, кем являлись римские поселенцы: это могли быть ветераны легионов Цезаря [Osgood, 2006, p. 44] или римская беднота [Keay, 1988, p. 56]. То, что Цезарь основал колонию на месте Урсона, должно было быть наказанием за поддержку этим городом Помпея, возможно, эту же цель преследовало основание и других колоний в Бетике (Ps.-Caes. Bell. Hisp. 26, 3; 41, 3) [Richardson, 1996, p. 124; Циркин, 2011, с. 267]. Из-за неясности, имел ли сам Цезарь отношение к ее основанию или только запланировал его, Генетива Юлия иногда выпадает из списка цезарианских колоний [Schneider, 1977, p. 202–205].

Что касается *lex coloniae*, то можно предположить, что его текст либо входил в *acta Caesaris*, либо был составлен Антонием на основании более ранних законов Цезаря. Экстраординарные обстоятельства появления закона делают обоснованным вопрос о степени его оригинальности. Распространена точка зрения, согласно которой этот закон не является механической компиляцией, но, несмотря на некоторые заимствования из других законов, составлен достаточно логично и предназначался специально Генетиве Юлии [Crawford, 1996, p. 397; Galsterer, 1988, S. 83]. Начертание текста надписи характерно для эпохи Флавиев, что, в свою очередь, позволяет поставить вопрос об интерполяциях в его первоначальный текст [Brunt, 1971, p. 250; D'Ors, 1953, p. 211–212], однако считается, что дошедший до нас текст закона большей частью современен основанию колонии [Crawford, 1996, p. 395].

Глава СIII является чуть ли не единственной в этом законе, где так настойчиво указывается на то, что она действует на территории колонии Генетивы Юлии: как помним, в законе МРПАФ в этом месте стоит *hac lege*. Учитывая это обстоятельство, а также то, что содержание главы СIII никак не связано с

содержанием соседних глав, следует все-таки предположить заимствование её текста из закона МРПАФ. Следовательно, этот закон стоит датировать более ранним временем.

В свою очередь, в законе Генетивы Юлии существует еще одна норма, посвященная лимитам, а именно - глава LXXIX. Примечательно, что в этой норме упоминаются три разных типа дорог: *limites* – дороги, закреплявшие сетку межевания, *viae* – проезжие дороги, *itinerata* – пешеходные тропинки, на которые в более позднее время распространялось действие земельных сервитутов (впрочем, статус *itinerata* во времена Цезаря требует отдельного исследования).

Указание на норму о статусе общественных дорог мы встречаем и у Гигина Громатика:

actuarii autem, extra maximos decimanum et kardinem, habent latitudinem ped. XII. per hos iter populo sicut per viam publicam debetur: id enim cautum est lege Sempronia et Cornelia et Iulia. (CAR, S. 134)

«Ведь актуарные лимиты, (все,) исключая самой большой декуман и кард, имеют ширину 12 футов. Через них путь народу, как и через общественную дорогу, открыт: ведь это обеспечено законом Семпрония, (и законом) Корнелия, (и законом) Юлия».

Таким образом, с точки зрения землемеров, в законах Семпрония, Корнелия и Юлия оговорено, что лимиты, которыми, очевидно, размежевана территория выводимых поселений, приобретают статус общественных дорог. Каково происхождение нормы о статусе лимитов закона колонии Генетивы Юлии? Если она была заимствованием из аграрного закона Цезаря, то оно должно было быть довольно пространно. В первую очередь об этом свидетельствует сам текст закона, в котором норма о лимитах приводится вместе с регламентацией использования общественных вод и, чуть дальше, общественных угодий (вероятно, эта его часть была заимствована из того же источника); иными словами, эти нормы создают впечатление логически связанного блока. Что касается нормы об общественных

водах, то Л. Гоари, проанализировав ее данные и сведения о ландшафте Урсона, пришел к выводу, что эта норма является заимствованием из какого-то другого «генерального» закона, а не создавалась специально [Gohary, 2005, p. 103].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что для уточнения земельно-правовой части закона Урсона использовалось два источника. Первый – некий шаблон для законов колоний – за неимением материала сложно судить о нем подробно. Так как в нем содержалась норма, закрепляющая статус лимита как общественной дороги, а землемеры сообщают, что такая норма содержалась в законах Гракха, Суллы и Цезаря, можно предположить, что этот шаблон восходит к достаточно давним временам. Однако, составителям закона Урсона положений показалось недостаточно, и они заимствуют норму о штрафе за повреждение межевых камней из закона МРПАФ. Ряд исследователей придерживается позиции, что этот закон является частью аграрного закона Цезаря 59 г. до н.э. [Mommsen, 1852(2), S. 224; Crawford, 1989], другие считали его самостоятельным законом, а его авторов – цезарианцами [Rudolph, 1935, S. 188; Hinrichs, 1969 (1), S. 535; Дурново, 2002]. Однако сведений о *leges agrariae*, которые были бы обозначены по имени кого-либо из авторов МРПАФ, нигде нет, как и сведений о произведенных в соответствии с этим законом ассигнациях.

Таким образом, в аграрном законодательстве эпохи Цезаря актуальными оказались те землемерные институты, которые были связаны с гарантией частной собственности на участок – это лимиты и межевые знаки. Необходимость дополнительно прописывать безопасность этих элементов межевания возникла в тех условиях, в которых проходили ассигнации – условиях правовой неопределенности.

3.2.2. Август и окончательное оформление структуры ветеранской колонии

Достаточно часто в землемерных сочинениях упоминается Август, в частности три раза – некий «закон божественного Августа», а также эдикты и некая

конституция. Закон упоминается в единственном числе во всех случаях, в отличие от неких «эдиктов» Августа (CAR. S. 118: *quaedam divi Augusti edicta*), содержащих в себе указания на ситуацию, в которой земля изымается у общины для ветеранских ассигнаций. М. Клавель–Левек считает, что в данном случае речь идет не о реальных законах, а об обобщениях: эти правила относятся к колониям, основанным разными законодателями [Clavel–Lévêque, 1994, p. 474], однако не существовало законов, которые были бы посвящены техническим аспектам межевания. Вместе с тем, можно допустить, что эти аспекты могли быть прописаны непосредственно в законах о земельных раздачах. Попытаемся прояснить суть этих законопроектов. «Закон божественного Августа» не остался незамеченным исследователями: так, с точки зрения Ж. Шуке, он стал основой для появления *compascua*, используемого ближайшими соседями [Chouquer, 2016(2), p. 76]. До сих пор, однако, специальное исследование вопроса, чем являлся этот «закон» и в связи с чем он был принят, насколько нам известно, отсутствует. Попытка такого исследования представлена в данном параграфе.

Землемеры ссылаются на «закон божественного Августа» в двух случаях: во-первых, когда речь идет о ширине, которую необходимо придать лимиту – общественной дороге, с помощью которой поле разбивалось на квадратные участки, и, во-вторых, когда разбирается вопрос о том, какие земли можно передавать в частную собственности.

Что касается вопроса о ширине лимитов, то Гигин Громатик сообщает следующее:

Limitibus latitudines secundum legem et constitutionem diui Augusti debemus, decimano maximo pedes XL, kardini maximo pedes XX, actuariis [autem] limitibus omnibus decimanis [et] kardinibus pedes XII, subrunciuis pedes VIII. (CAR, S. 157)

«Согласно закону и конституции божественного Августа мы должны (придать) лимитам (такую) ширину: декуману максимуму 40 футов, карду максимуму 20 футов, актуарным же лимитам всем декуманам и кардам – 12 футов, субруцивам – 8 футов».

Как было сказано выше, Декуманом Максимом и Кардо Максимом называли главные лимиты, формировавшие «систему координат» наиболее распространенной римской системы межевания – лимитации. Параллельно этим осям проводились другие лимиты (CAR, S. 69–72). Очевидно, что уточнение ширины разных типов лимитов было важно для уточнения сетки межевания, это положение «закона Августа» должно было сделать ее и более наглядной, и более понятной. Скорее всего, на это же была ориентированы и нововведения Августа, касающиеся межевых камней: по сведениям Гигина Громатика, именно Август первый начал надписывать на межевых камнях номера лимитов (CAR, S. 136–137). Безусловно, все эти меры должны были сказаться на том, насколько успешно данные земельных раздач стали фиксироваться на планах колоний (CAR: 73, 118, 165): каждая центурия (и, как следствие, данные о её землях) могла быть отмечена на плане ещё и в соответствии с её положением относительно главных лимитов (рис. 10).

Смысл второго – и наиболее цитируемого – положения, содержавшегося в «зако́не Августа», уже менее очевиден. Так, оно упоминается у Гигина Громатика в «Установлении лимитов»:

Adsignare agrum secundum legem diui Augusti eatenus debebimus, qua falx et arater exierit; nisi ex hoc conditor aliquid immutauerit. (CAR, S. 164)

«Мы должны будем приписать поле по закону божественного Августа там, где мог бы пройти серп и плуг, если только основатель (колонии) ничего не поменяет из этого».

Из трактата Гигина Старшего «О лимитах»:

Sed quacumque parte inscribis, siue ultra siue citra, siue dextra siue sinistra mensura territorii usque fieri debet secundum legem diui Augusti QVA FALX ET ARATER IERIT. in forma generatim enotari debebit LOCA CVLTA et INCVLTA, SILVAE. (CAR, S. 73)

Но всюду где ты частями подписываешь, либо верхняя и нижняя, либо правая и левая¹⁴⁸, измерение территории непрерывно должно происходить, согласно закону божественного Августа, «где будет проходить серп и плуг». На плане в зависимости от вида мы должны будем подписать «места обрабатываемые» и «необрабатываемые, леса».

Фиксированность выражения, упоминаемого землемерами, – *qua falx et arater ex(ierit)*,¹⁴⁹ – наводит на мысль о том, что она, собственно, восходит к какому-то источнику. Очевидно, в таком виде она и должна была фигурировать в законе. Следует особо отметить термин *arater* в значении «плуг»: употребление этого слова можно встретить только в трактатах землемеров. Рукопись *Arserianus A* – самый древний список землемеров, датированный VI в. н.э., фиксирует вариант написания *falx et aratrum*.

Обратимся к имеющимся у нас сведениям о содержании римских аграрных законов, а именно – к вопросу о наличии в них положений об особенностях устройства колоний и передаваемых поселенцам земель. Несмотря на относительную многочисленность сведений об аграрной реформе Гракхов, судить об этой стороне их законов сложно. Однако Аппиан, освещая проведение аграрной реформы, сообщает, что некоторые землевладельцы были перемещены на не подходящие для обработки территории, болота или бросовые земли (*App. b.c. II. 18*). Сложно сказать, насколько сведения Аппиана соответствовали реальной ситуации,

¹⁴⁸ Здесь имеется в виду процесс обозначения частей поля на плане колонии *Decumanus Maximus* делил поле на правую и левую части, *Kardo Maximus* – на верхнюю и нижнюю.

¹⁴⁹ Это же постановление цитирует неизвестный автор сочинения, озаглавленного *Centuriarum quadratarum deformatio, sive mensurarum diversarum ritus*, «Получение квадратных центурий, или обычай различных межеваний» (*SRF I, S. 246 = Campbell, p. 242: falx et aratrum ierit*). Источник приписывает это решение «Цезарю», однако, с учетом данных землемеров, следует конечно же понимать под «Цезарем» Августа. Это постановление, таким образом, настаивает на том, что в собственность может быть передана только земля, по которой прошел серп и плуг.

однако, вероятно, они отражали страх оказаться на непригодных для земледелия территориях.

Судить об аграрном законодательстве I в. до н.э. также достаточно сложно, в первую очередь ввиду крайней лаконичности источников. Землемеры упоминают про сулланские ассигнации, однако в целом нельзя сказать, чтобы мероприятия Суллы в этой области были подробно освещены¹⁵⁰. У нас есть самые поверхностные сведения об аграрных проектах Плотия и Флавия: они упомянуты в письмах Цицерона. В письме к Аттику, датированном январем 60 г. до н. э., Цицерон сообщает, что Флавием был обнародован аграрный закон, «совершенно легкомысленный, почти такой же, каким был закон Плотия» (Cic. Att. I.18.6: *agraria autem promulgata est a Flavio, sane levis, eadem fere quae fuit Plotia*). В следующем письме Цицерон более подробно раскрывает сущность закона: как и закон Рулла, он предполагал покупку земли на средства, поступившие от государственных откупов (Cic. Att. I.19.4), однако иных подробностей о содержании этих законов у нас нет.

Примерно то же самое можно сказать об аграрных законах Цезаря. Так, известно, что в 59 г. до н.э. Гай Юлий Цезарь стал консулом и добился принятия аграрного закона, против воли сената и Марка Бибула (Liv. Per. 103; Suet. Jul. 20.1). Данный закон предполагал переселение городского плебса на «всю общественную землю, кроме Кампании», а также покупку земли на средства, полученные от военных кампаний Помпея и недавно введенных налогов (Dion. Cass. XXXVIII. 1). Второй аграрный закон Цезаря был посвящен разделу Кампанского поля (Plut. Cat. Iun. 31, 33; Suet. Iul. 20.1; 3; Dion. Cass. XXXVIII. 7). В соответствии с *lex Vatinia* Цезарь основал *Novum Comum* (Suet. Iul.28.3); о других его аграрных мероприятиях в Галлии ничего не известно. К основанию колоний он возвращается уже после

---

¹⁵⁰ В землемерных трактатах упоминаются лимиты Гракхов и Суллы, которые служили для ассигнаций в более поздние времена, однако об их особенностях ничего не известно (CAR, S. 129-130).

своей победы над Помпеем (Liv. Per. 125; Suet. 38.1). Таким образом, сведения об аграрных мероприятиях Цезаря весьма скудны. Выше уже упоминалось, что М. Кроуфорд предлагает считать сохранившийся в корпусе землемерных сочинений текст, озаглавленный «Закон Мамилия Росция Педуция Алиена Фабия», частью *lex Iulia agraria* (Crawford 1989). Аргументы Кроуфорда, в целом, убедительны, однако дискуссию о происхождении этого текста еще нельзя считать завершенной. Если гипотеза Кроуфорда верна, то аграрные законы действительно могли содержать подробности, связанные с организацией территории колонии: так, в тексте «закона Мамилия Росция Педуция Алиена Фабия» содержатся положения, касающиеся защиты лимитов и межевых камней.

Наиболее подробны наши сведения о *rogatio Servilia agraria* (63 г. до н. э.), поскольку до нас дошли три речи Цицерона, обращенные против этого законопроекта. Целью Цицерона было не допустить принятия аграрного закона, и в своих речах он дал подробнейшую и довольно разноплановую критику его положений: начиная от принципов избрания децемвиров для его реализации и заканчивая самой идеей вывода ветеранских колоний. Среди прочего его нападкам подвергается и то, как в законе был прописан принцип приобретения земли для колоний:

cur eos non definis neque nominas, ut saltem deliberare plebes Romana possit quid intersit sua, quid expediat, quantum tibi in emendis et in vendendis rebus committendum putet? “Definio,” inquit, “Italam”. Satis certa regio. Etenim quantum interest utrum in Massici radices, an in *Silam silvam*¹⁵¹ deducamini? (Cic. leg. agr. II.66).

---

¹⁵¹ Спорное место. По одной из версий, здесь был упомянут Сильский лес, достаточно известный у современников (Verg. Geor. 11. 219). Другой вариант – in Italam aliove; с точки зрения Э. Йонкерса, должно было бы быть упомянуто какое-нибудь малоплодородное место, в качестве противопоставления горе Массик, наоборот, известной плодородием своих земель –Apuliam или Lucaniam [Jonkers, 1964, p. 105]

«Почему ты не указываешь земли точно и не называешь земли, чтобы римский плебс мог хотя бы обсудить их, что в его интересах, что ему выгодно, насколько он может на тебя положиться в деле покупки и продажи земель? «Я указываю, – говорит он, – в границах Италии». Достаточно определенный регион. И в самом деле, какая разница, у подошвы ли Массика вас поселят, или в Силанском лесу (это в Бруттии) /[где–нибудь в Италии]?»

Цицерон обвиняет Рулла в том, что тот не прописал, в каких частях Италии он собирается покупать земли (едва ли, впрочем, на месте Рулла это смог бы сделать сам Цицерон). Затем он задает еще более интересный для нас вопрос:

Age, non definis locum; quid? naturam agri? “Vero,” inquit, “qui arari aut coli possit”. “Qui possit arari,” inquit, “aut coli,” non qui aratus aut cultus sit. (Cic. leg.agr. II.67)

«Хорошо, не уточняешь место. А качество почвы? «Ну да, – говорит он, – (поле), которое можно распахать или обработать». Можно распахать, говорит он, или обработать, но не распаханное или обработанное».

Таким образом, объектом критики Цицерона становится расплывчатая формулировка законопроекта: в ней не содержится прямой гарантии, что полученные земли будут пахотными. С точки зрения Цицерона, не существует такой земли, которую нельзя было бы распахать или обработать (Cic. leg.agr. II.66–67). Он приходит к выводу, что землю продадут либо владельцы, получившие ее благодаря проскрипциям Суллы, поскольку они не уверены в своих правах на нее, или же те, кто живет в нездоровой местности (Cic.leg.agr. II.70). Безусловно, мотивы Цицерона едва ли сводились только к борьбе за народное благо, но положение, содержащееся в законопроекте Рулла, действительно выглядит очень общим.

Таким образом, с точки зрения Цицерона, любая земля теоретически может быть тем или иным образом обработана. Он приходит к выводу, что свою землю продадут либо владельцы, получившие ее в эпоху сулланских проскрипций, поскольку они не уверены в своих правах на нее, или же те, кто проживает в

нездоровой местности. Безусловно, мотивы Цицерона едва ли сводились только к борьбе за народное благо, но формулировка, которая была указана в аграрном законопроекте Рулла, безусловно, могла вызвать вопросы.

Что представляет собой норма, которая должна была содержаться, по сведениям землемеров, в законе Августа *qua falx et arater ierit*? Безусловно, его аграрный закон скорее всего не имел таких активных оппонентов, как законопроект Рулла: после смерти Цезаря борьба сената против аграрных законов прекратилась, однако явно требовалось внести определенность в то, что следует считать пахотной землей. Заметим, что пахотной могла считаться не только и не столько та земля, которая уже обрабатывалась, и особенно актуальным это могло быть как для тех, кому предстояло получить участок в провинциях, так и для тех, кому предстояло заселить муниципии Италии. Естественно, что их жители не всегда хотели расставаться со своей землей, в итоге некоторые ветераны были поселены на кладбищах и священной земле (*App. b.c. II.140*).

То, что не любая земля, вопреки высказыванию Цицерона, была пригодна для обработки, мы видим, в частности, на примере сообщений Колумеллы о том, как следует готовить землю для посевов: его указания на этот счет отличаются редкой подробностью. В частности, он рассказывает о том, как превратить в ниву лесистый участок (*Col. II.1.5*). Колумелла предлагает корчевать или рубить деревья, что касается камней, то их стоит либо собрать, либо, если их особенно много, частично сделать фундаментом для зданий, а частично сбросить в специально вырытый для этого ров: «Это, впрочем, стоит делать только в том случае, если рабочие дешевы» (*Col. II.2.8*). Разумеется, такую обработку земли мог позволить себе только состоятельный хозяин, для простого ветерана эта была неподъемная задача. Об обработке болотистых мест Колумелла подробно не сообщает – кроме разве что того, что слишком влажный участок нужно осушить с помощью дренажных каналов. Это не удивительно, поскольку Колумелла, вслед за более ранними авторами

сельскохозяйственных трактатов, настоятельно советует приобретать имение в здоровой местности.

Фраза *qua falx et arater exierit* достаточно метафорична, однако рискнем предположить, что эта метафоричность не случайна. Вполне возможно, что она должна была подчеркнуть то, что ассигнуемая земля не должна была нуждаться в более сложных средствах обработки. Хотя и не уточняется, о каком именно плуге идет речь, можно предположить, что о самом простом: и в I в. н.э. достаточно распространенным был плуг, который Плиний назвал «обычный кол с клювом» [Сергеенко, 1956, с. 127].

Насколько это постановление закона Августа в действительности решало проблему? О проблемах, связанных с трактовкой закона, сообщает Гигин Младший:

Naec lex habet suam interpretationem. quidam putant tantum cultum nominari: ut mihi uidetur, utile<m> ait agrum adsignare oportere. hoc erit ne accipienti siluae uniuersus modus adsignetur aut pascui. (CAR S. 166)

«Этот закон интерпретируют по-разному. Некоторые полагают, что имеется в виду уже возделанная земля. Мне же кажется, что нужно ассигновать землю, пригодную к обработке, то есть, чтобы получающему (участок) не были приписаны только леса и пастбища».

Таким образом, можно говорить лишь о частичной ясности, которую вносило постановление Августа. Мятеж легионов в Паннонии, случившийся в начале правления Тиберия, показывает, что, несмотря на закон Августа, который должен был защищать права ветеранов, страх оказаться поселенными на неплодородные земли был по-прежнему сильным. По сообщению Тацита, в ходе мятежа воины высказывали недовольство как буднями своей службы, так и тем, что «если кто, несмотря на столько превратностей, все-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясины или бесплодные камни в горах» (Tac. Ann. I.17.5: *ac si quis tot casus vita superaverit,*

trahi adhuc diversas in terras ubi per nomen agrorum uligines paludum vel inculta montium accipiant).

Мы можем заключить, что законы о земельных раздачах были достаточно подробными и включали положения, касающиеся агрименсурного устройства колоний. Римские землемеры неоднократно упоминают закон божественного Августа, который, скорее всего являлся именно таким законом. В нем была прописана как ширина разных типов лимитов – дорог, деливших территории колонии на равные участки, а также была предпринята интересная попытка описать качество земли, используемой под частные участки колонистов. Безусловно, для того, чтобы быть ясным, положение о качестве земли «закона Августа» нуждалось в дальнейших уточнениях, например, сделанных на основании особенностей занятия сельским хозяйством в разных районах Римской империи. Можно ожидать, что различные географические и климатические условия должны были формировать разные типы хозяйств и влиять на размер и состав передаваемых колонистам участков, однако единственным официально принимавшимся во внимание при земельных раздачах показателем (помимо разбираемого установления Августа) были успехи на военной службе (CAR: 141).

Однако римское земельное право остановилось на той формулировке, которая была предложена Августом. Во многом это было связано с тем, что в 13 г. до н.э. были установлены максимальные сроки военной службы и размер денежных выплат, которые ветераны получали по выходе в отставку. (Dion. Cass, LIV.25.5) В результате этого решения основание ветеранских колоний перестало быть обязательным, и, как следствие, вопрос о регламентации процедуры земельных раздач уже не был таким насущным.

Таким образом, и Цезарь, и Август привнесли в развитие системы римского межевания достаточно много. Для Цезаря, очевидно, было достаточно важно обеспечить сохранность лимитов и сетки межевания, поэтому правовые нормы его

времени направлены на то, чтобы защитить проведенное межевание, а точнее – основные его элементы: термины и лимиты.

Деятельность Августа представляла собой уже новый этап и проходила в других условиях. Фиксация на межевых камнях номера лимитов позволяла обеспечить перенесение этих данных на план колонии и, таким образом, более эффективно закрепляла земельную собственность за ветераном. Еще важнее было постановление, касавшееся земли, идущей в ассигнацию. Очевидно, что его появление связано с обстоятельствами, в которых Августу приходилось проводить земельные раздачи – скорее всего, уже после своей победы в Гражданских войнах. Им специально было оговорено, что ветераны должны быть поселены на пахотной земле, которую можно обработать «серпом и плугом», т.е. самыми простыми сельскохозяйственными инструментами. Именно это постановление Августа пережило свое время и осталось актуальным и при последующих выведениях колоний. Её последствием было также то, что теперь непахотная земля однозначно оставалась в составе угодий колонии.

3.3. Использование общественных сельскохозяйственных угодий на *ager colonicus* в I в. до н.э.

Как было показано в предыдущем разделе, именно в эпоху Августа схема римской колонии была окончательно сформирована. Однако, не стоит забывать о том, что основной целью агрименсурных нововведений I в. до н.э. было закрепление права собственности на частный земельный участок. Вопрос об использовании угодий, безусловно важный для нормального функционирования и частного хозяйства, и колонии, все-таки на фоне проблемы оформления в условиях гражданских войн частовладельческих участков оставался второстепенным. Тем не менее, определенные попытки прописать статус различных категорий угодий колонии предпринимались по меньшей мере с эпохи Цезаря. Данный раздел посвящен анализу положения различных типов угодий в римской колонии второй половины I в. до н.э.

3.3.1. Угодья колонии Генетивы Юлии

Реконструировать экономический аспект использования общественных угодий колонии позволяет такой памятник, как закон колонии Генетивы Юлии. Закон колонии Генетивы Юлии или Урсона (*lex coloniae Genetivae Iuliae seu Ursonensis*) (CIL I², 594 = CIL II, 5439 = ILS 6087) [Crawford 1996: 393–454] является самым ранним правовым источником, в котором засвидетельствовано наличие у колонии сельскохозяйственных угодий [Liebenam, 1900, S. 3]. Большинство фрагментов закона было найдено в 1870–е гг., на территории современной Осуны – находить их, впрочем, продолжают до нынешнего времени [Caballos, Betancourt, Correa, Fernández, 2007]. Он оказывается уникальным еще и потому, что в сущности является единственным известным нам хорошо сохранившимся законом колонии.

Угодьям колонии посвящен раздел LXXXII. Текст его выглядит следующим образом [Crawford 1996: 405]: «*Qui agri quaeque silvae quaeq(ue) aedificia c(olonis)*

c(oloniae) G(enetivae) I(uliae), quibus publice utantur, data adtributa erunt, ne quis eos agros neve eas silvas vendito neve locato longius quam in quinquennium, neve ad decuriones referto neve decurionum consultum facito, quo ei agri eaeve silvae veneant aliterve locentur. Neve si venierint, itcirco minus c(oloniae) G(enetivae) I(uliae) sunt. Quique iis rebus fruc<t>us erit, quot se emisse dicat, is in iuga sing(ula) inque annos sing(ulos) (sestertium) (centum) c(olonis) c(oloniae) G(enetivae) Iul(iae) d(are) d(amnas) [esto, eiusq(ue) pecuniae qui volet petitio persecutioq(ue) ex h(ac) l(ege) esto.]»

«Те поля и те леса и те здания, которые были отданы и предоставлены в собственность к(олонистам) к(олонии) Г(енетивы) Ю(лии), дабы они пользовались ими для общественных нужд, пусть никто ни эти поля, ни эти леса не продаёт и не сдаёт в аренду дольше, чем на пять лет; и пусть (никто) не обращается к декурионам (оспаривая этот закон) и не приводит в исполнение решение декурионов, по которому эти поля и эти леса могли бы быть проданы или сданы в аренду на иных условиях. И пусть, если они будут проданы, они, тем не менее, будут не в меньшей степени (принадлежать) к(олонии) Г(енетиве) Ю(лии). И каков бы ни был плод из этих земель, пусть кто даже скажет, что он купил (их), тот о(бязан) д(ать) за каждый югер и за каждый год (сто) (сестерциев) к(олонистам) к(олонии) Г(енетивы) Ю(лии), [и пусть относительно этих денег будет дано право каждому желающему согласно э(тому) з(акону) предъявлять иск и вести дело]».

Согласно трактатам землемеров, земельными излишками колонии распоряжается auctor divisionis, т.е. лицо, проводившее земельные раздачи. Он мог оставить земельные излишки в своей юрисдикции, а мог уступить (concessio) колонии как юридическому лицу (CAR, S. 96), ad personam coloniae или жителям этой колонии. На разницу между concessio колонистам и concessio колонии обращает внимание комментатор землемера Юлия Фронтиня Агенний Урбик: надпись SILVAE ET PASCVA PVBLICA AVGVSTINORVM означало передачу земли колонистам – такую землю можно было продавать. Надпись SILVA ET PASCVA или FVNDVS SEPTICIANVS COLONIAE AVGVSTAE CONCORDIAE являлась

указанием на леса и пастбища или просто земельные владения самой колонии, предназначенные для использования на общественные нужды. (CAR, S. 46). В случае Юлии Генетивы *agri et silva* переданы (*data adtributa*), но *colonis coloniae* – жителям колонии. Из дальнейшего текста становится ясно, этими землями распоряжается администрация колонии, поскольку речь идет о сдаче этой земли в аренду и запрете ее продажи.

Сведения Агенния Урбика являются более поздними и демонстрируют нам уже сложившуюся систему землепользования колонии. В нее включены земли колонистов, используемые ими для хозяйственных нужд – лес для получения древесины, луга под общественные пастбища для скота, и земли, приписанные колонии, которые она использует уже для общественных потребностей. По сведениям Агенния Урбика, из лесов, ассигнованных колониям, брали дерево для починки общественных зданий (CAR, S. 65: *in tutela rei urbanae assignatae sunt silvae, de quibus ligna in reparatione publicorum moenium traherentur*). Древесина из лесов колонии шла также на нужды общественных бань, а земля, пригодная для пастбищ, использовалась для выпаса скота прибывших в город иностранцев (CAR, S. 67: *Loca autem quae sint publica videamus, sunt silvae de quibus lignorum copia in lavacra publica ministranda caeduntur. sunt et loca publica quae in pascuis sunt relictas quibuscumque ad urbem venientibus peregrinis*). Закон колонии Генетивы Юлии, очевидно, не предполагает этого разделения – земля колонии должна была использоваться и администрацией колонии, и колонистами для своих нужд. Такая ситуация должна была порождать конфликты: например, из текста закона не ясно, кому, в случае притязания на один и тот же участок земли, следует отдать предпочтение – жителю колонии или ее администрации.

Закон колонии сосредотачивается на наиболее доходном способе использования ее земель – сдаче в аренду. Процедура сдачи в аренду – *locatio–conductio* – подробно описана в разделе LXIX. Там упоминается *lex locationis* – закон о сдаче в аренду, для указания на арендаторов используется термин *redemptor*.

Сдачей земель колонии в аренду руководят декурионы, от имени всей администрации колонии. Примечательно, что в разделе ХСIII мы находим запрет дуумвирам и префекту участвовать в аренде, а также запрет на получение ими подарков от арендаторов *lota publica*. П. Саес, анализируя материалы кадастра Оранжа, делает, однако, предположение, что угроза общественным угодым могла исходить от декурионов, для которых такого запрета не существовало [Saéz, 1997, p. 96].

Закон запрещает продавать угоды колонии или сдавать в аренду больше чем на пять лет. А. Д'Орс считал это ограничение более поздней интерполяцией [D'Ors, 1953, p. 211–212]. П. Саес отмечает, что аренда на пять лет не встречается в муниципальных законах, и считает, что аренда на длительные сроки должна была быть более распространенной [Saéz, 1997, p. 148]. Что касается муниципальных законов эпохи Флавиев, таких, как *Lex Irnitana*, *Lex Malacitana*, *Lex Salpensana* и пр., то следует отметить, что раздела, аналогичного LXXXII закона Урсона, мы в них вообще не находим. Такое положение вещей объяснимо. Во-первых, неоднократно отмечалось наличие меньшего количества деталей в муниципальных законах эпохи Флавиев по сравнению с законом Урсона [Galsterer, 1988, p. 83], что объясняется условиями их принятия. Появление муниципальных законов Флавиев обычно связывают с тем, что Веспасиан дал Испании латинское право, что потребовало дарования законов очень разным, в том числе очень древним городам. Отсюда становится ясно, почему эти законы максимально стандартизированы, и закон маленького и неизвестного нам муниципия Ирни почти идентичен закону Малаки, крупного порта. Во-вторых, Урсон – недавно основанная колония, а законы эпохи Флавиев предназначались муниципиям, не нуждавшимся в дополнительном регулировании сложившегося режима землепользования. Можно привести также аргумент Х. Галштерера, согласно которому закон Урсона отражал более ранний этап развития права и, в связи с этим, был более прецедентным и ориентированным на детали [Galsterer, 1988, S. 83]. В конце концов, как показывает пример кадастра

Оранжа, во времена Флавиев все вопросы землепользования находили подробное отражение в документах кадастра и дополнениях к нему.

Вопрос об аренде помогает прояснить фрагмент сочинения Гигина Старшего, в котором как раз упоминается пятилетняя аренда: «те поля, которые имеются в избытке, подлежат подати, одни на пять лет, другие же, т.к. манцепсы¹⁵² их покупают, т.е. арендуют, на сто лет. Многие, когда закончится этот срок, снова сдаются в аренду, так как есть потребность в подати» (*qui superfuerant agri, uectigalibus subiecti sunt, alii per annos quinos, alii uero mancipibus ementibus, id est conducentibus in annos centenos, plures uero finito illo tempore iterum uen<e>unt locanturque ita ut uectigalibus est consuetudo; CAR, S. 79–80*). Согласно одной точке зрения, отличие аренды на пять лет от аренды на сто лет заключается исключительно в ее длительности. Существует мнение, что разница между ними более серьезная. Основываясь на анализе сведений классических юристов и приведенного нами выше отрывка из сочинения Гигина Старшего, исследователи считают, что пятилетний срок аренды регулировался исключительно гражданским правом, лицо, арендующее участки, обозначалось термином *conductor* [Schulten, 1906, S. 10-11]. Столетняя аренда означала покупку права сбора налогов. Арендатор обозначался как *мансерс*, и мог передавать участки арендуемой земли в субаренду [Orsted, 1985, p. 113].

На наш взгляд, закон колонии Юлии Генетивы говорит как раз о сдаче в аренду земель колонии, а не откупа налогов с нее. Дело в том, что аренду общественных земель от откупа взимаемой с нее подати отличить достаточно сложно, поскольку, несмотря на громадную разницу между этими явлениями, римское право в обоих случаях использует одинаковую терминологию – *мансерс*, *publicanus* и особенно *conductor* [Ростовцев, 1899, с. 113]. Учитывая, что термин *redemptor* в I в. до н.э. используется совершенно синонимично термину *conductor*

---

¹⁵² Т.е. откупщики налогов [Бартошек, 1989, с. 211; Дождев, 2000, с. 467]

[Orsted, 1985, p. 79], который чаще всего употребляется по отношению к арендатору государственной земли, можно предположить, что в законе колонии Генетивы Юлии речь идет о сдаче в аренду земли. Гигин Старший же, в случае со столетней арендой, описывает сдачу в аренду *vestigalia*, которые откупщик компенсирует, сдавая в свою очередь земли колонии в субаренду (CAR, S. 79–80).

На наш взгляд, одним из аргументов в пользу этой точки зрения является указание на штраф, который взимается за нарушение правил аренды: 100 сестерциев за каждый югер земли за каждый год незаконного использования. Описываемую ситуацию сложно представить в связи арендой податей с земли – скорее всего, речь идет об обработке земли в отсутствие контракта об ее аренде, иными словами – о ее незаконном удержании. Сумма в 100 сестерциев за югер не такая маленькая, особенно по сравнению с расценками, которые известны нам из кадастра Оранжа времен Флавиев, где максимальная цена за самые лучшие земли составляла 4 денария, т.е. 16 сестерциев за югер, а цена за самые дешевые земли – всего 2 асса [Piganiol, 1962, p. 59]. Впрочем, в кадастре Оранжа речь идет об арендуемых землях, а здесь речь идет о штрафе за незаконное использование земли, взимаемом постфактум согласно количеству лет незаконного использования земли.

Таким образом, закон колонии Генетивы Юлии предусматривает краткосрочную аренду земель колонии. Скорее всего, это может быть объяснено постоянным пересмотром контрактов во избежание злоупотреблений, неисполнения контрактов и «случайной» передачи земель колонии в частные руки. Против этого направлен и пункт, предусматривающий внушительный штраф за пренебрежение законодательством колонии и незаконную обработку земли. От этого штрафа не освобождает даже «покупка» угодий – такая завуалированная формулировка фактически означает запрет их продажи.

Можно заключить, что сведения закона колонии Генетивы Юлии отражают этап, на котором уже возникает потребность в правовом регулировании использования сельскохозяйственных угодий колонии. Угодья уже обозначены, хотя

их состав еще достаточно аморфен, особенно по сравнению с более поздними классификациями землемеров. Тот факт, что угодья переданы колонистам колонии, с одной стороны, указывает на стремление обозначить их правовой статус, с другой же стороны, такое положение должно было привести к столкновению интересов жителей колонии, использующих угодья в своих хозяйственных нуждах, и администрации колонии. Закон колонии Генетивы Юлии предполагает сдачу угодий в аренду, однако в то же время стремится всячески защитить эти земли от произвола: запрещает принимать участие в аукционе дуумвирам и префекту, назначает крупный штраф за нелегальное использование, исключает возможность приобретения собственности на эти земли посредством покупки. Можно предположить, что такое внимание к защите угодий было связано с тем, что они были относительно невелики и должны были соответствовать как потребностям колонистов, так и потребностям самой колонии.

3.3.2. Ius pascendi: использование общественных угодий колонистами

Что касается правового регулирования использования пастбищных угодий, то, если мы обратимся к сведениям юристов, то мы не найдем там пристального внимания к агрименсурным особенностям различных категорий пастбищ, они интересуют их как объекты правоотношений. Как правило, у классических юристов речь идет просто о выпасе, право на который называется *ius pascendi* (Dig. VIII. 3. 1. 1). Классические юристы, как и агрименсоры, указывают на то, что под пастбища в большинстве своем использовалась непахотная земля. Чаще всего в этой связи упоминается *saltus* (Dig. VII. 1. 32 pr.; VIII. 5. 20. 1; XIX. 2. 19. 1), также пастбищный лес (Dig. L. 16. 30. 5)

Помимо них, землемеры упоминают и другие категории: это непосредственно *pascua*, т.е. пастбище, и лес – *silva*, которые почти всегда вместе фигурируют в текстах и вносятся на план колонии. О режиме их использования землемеры говорят немного. Леса и пастбища рассматриваются по категории отрезков (CAR, S. 128),

поэтому в ассигнацию идти не должны – об этом авторы упоминают неоднократно (CAR, S. 8, 128, 159, 161), незаконная оккупация леса может привести к тяжбе об общественных местах римского народа (CAR, S. 8). Колонистам должна быть предоставлена возможность пользоваться лесом (CAR, S. 166), его могут даже специально присоединить к колонии (CAR, S. 166). На основании обозначения угодий термином «publicus» (CAR, S. 159), которой фиксируется на плане колонии, мы можем лишь предположить, что пользоваться этими лесом и пастбищем могут все колонисты. Леса и пастбища, как это свойственно для категории отрезков вообще, уступаются колонистам (CAR, S. 164). В результате, леса попадают в орбиту прав ближайшего владельца (CAR, S. 10), однако они могут и находиться на расстоянии от участка, с которым они связаны (CAR, S. 6, 76). Более того, мы узнаем, что в некоторых районах они все-таки оказываются ассигнированными, что даже отмечается на плане колонии (CAR, S. 128). Упоминается также, что в Паннонии различные типы лесов и пастбища относятся к вектигальным полям, т.е. за их использование необходимо платить налог – vectigal (CAR, S. 168).

Как мы можем судить по данным кадастра Оранжа, земли, предназначенные для использования колонией, отмечены как RELIQ(va) или RELIQ(va) COLON(iae), государственные земли – R(ei) P(ublicae). Примечательно, что указание на государственные земли сохранилось только в кадастре А, что говорит о том, что он может восходить ко времени Августа, когда колония была основана [Piganiol, 1962, 97]. Однако, наряду с обозначением земель в зависимости от правового статуса мы можем найти SUB(seciva) – отрезки. Очевидно, что в данном случае имелись ввиду земли относительно небольшие по размеру, которые на тот момент не представляли особого интереса ни для колонии, ни для государства. Скорее всего, именно на таких землях и образовывались совместные пастбища *compascua*.

Таким образом, очень между *pascua et silva* и *compascua* колоний можно найти много общего. В первую очередь, все это чаще всего непахотные земли, которые не шли в ассигнацию и за их использование нужно было платить vectigal. Очевидно,

основным отличием является главная характеристика *compascua* – ограничение права пользования этим пастбищем несколькими соседями. Об ограничении использования *pasua* у землемеров нигде не сказано. Судя по всему, *pasua et silva* значительно больше, чем *compascua*, поэтому и доступ к нему свободный. В пользу этой версии говорят и иллюстрации к трактатам землемеров, на которых *pasua* занимает несколько центурий (см. рис. 6). Леса могут быть открыты для всеобщего пользования, а могут (и такую ситуацию нам оговаривает Сикул Флакк) быть на положении «как бы частных» и доступных только для пользования группы «как бы соседей», и кроме них никто не имеет в таком лесу право выпаса или рубки деревьев (CAR, S. 116). Это описание похоже на *ager compascuus*. Однако, для такой правовой ситуации в отношении лесов нет специального названия: Флакку приходится выходить из положения и пытаться описать ее (CAR, S. 116: *silvas quasi publicas, immo proprias quasi vicinorum*).

Таким образом, едва ли мы можем говорить о каком-то принципиальном отличии *compascua* от обычных лесов и пастбищ, когда очевидно, что и леса могли фактически оказаться на положении *compascua*. С нашей точки зрения можно говорить о существовании общего права на выпасы – *ius pascendi*, действовавшего внутри колонии, в которое входило также право пользования *compascua*.

На основании имеющихся у нас источников можно сделать вывод об условиях пользования *ius pascendi*. Анализируя трактаты землемеров, можно заметить, что право выпаса на *compascua* и леса привязано к *fundus* – участку пахотной земли, который имеет житель в данной колонии (CAR, S. 6: *pasuorum proprietas pertinens ad fundos*; CAR, S. 164: *compascua aut silvae fundis concessae fuerint*; CAR, S. 165: *compascua fundi accerperunt*). Право пользования лесом, где также могли производиться выпасы, должно было быть предоставлено каждому колонисту: у одних леса находились по соседству, другим они выделялись в горах (CAR, S. 166). Иными словами, по терминологии землемеров получается, что угодья связаны с конкретными участками пахотной земли. У классических юристов связь права

выпаса с участками не менее ощутима, однако очевидно, что она постепенно ослабляется. Так, Папиниан утверждает, что, если доход имения в основном получается от скотоводства, право выпаса принадлежит скорее имению, чем лицу, однако тут же оговаривает возможность определить в завещании лицо, которому можно передать это право (Dig. VIII. 3. 4 pr.). Высказывание более раннего автора, Сцеволы, сообщает, что если луга привязаны к имению, то они вместе рассматриваются как одно поместье (Dig. XXXIII. 7. 20. 7). Согласно Помпонию, при передаче имения можно оговорить возможность оставить себе право выпаса, как и право проживания в доме. Оговорка о выпасе действительна, если выпас осуществляется на многих пастбищах (Dig. VII. 1. 32 pr.). Очевидно, последнее условие продиктовано тем соображением, что с имением должно было быть связано хотя бы одно пастбище. В целом, можно заключить, что право выпаса по-прежнему оставалось привязано к участку пахотной земли, однако постепенно оно начинает от него отделяться, что иллюстрируют утверждения Помпония и Папиниана.

Существуют ли какие-либо различия между обычным правом выпаса и *ius compascendi*? Для ответа на этот вопрос следует разобрать единственный отрывок, где это право упоминается. Описываемая ситуация выглядит следующим образом: граждане одного муниципия, владевшие в нем разной земельной собственностью (*praedium*), купили лесистый участок (*saltus*), чтобы использовать его как совместное пастбище. Вопрос, заданный Сцеволе, заключался в том, к кому переходит право совместного выпаса, если один из его пользователей решил продать свой участок земли. Сцевола отвечает, что, если никаких специальных договоренностей не было, право совместного выпаса также передается покупателю. В случае же передачи земельного участка по легату, *ius compascendi* на *saltus* опять-таки будет передано вместе с ним (Dig. VIII. 5.20.1). Следует отметить подробный анализ этого фрагмента, выполненный К.Ф. Торманном. Он подробно разбирает структуру заданных вопросов, и отмечает, что их стиль, перегруженный деталями и ненужными местоимениями, резко контрастирует с четкими и лаконичными

ответами Сцеволы, и приходит к выводу, что Сцевола не был автором текстов этих вопросов [Thormann, 1954, S. 79]. Он также было заметил, что в ответах не содержится термина *ius compascendi*, сам Сцевола именует это право *ius fundi* [Thormann, 1954, S. 107], т.е., как и в случае с *ius pascendi*, он связывает право совместного выпаса с наличием участка в муниципии. На наш взгляд, на основании этого отрывка сложно говорить о наличии какого-то особого права совместного выпаса. Приставка *com-* здесь скорее всего просто описывает особенность этой ситуации, ограниченность круга пользователей. Можно предположить, что для классических юристов *ius compascendi* является частным случаем или одной из форм выражения *ius pascendi*, права выпаса, основанием которого служит наличие в колонии участка пахотной земли.

Таким образом, в колонии, помимо *compascua*, присутствовали и другие категории, связанные с выпасами – *silva et pascua*. Между этими категориями можно найти много общего: они образовывались на неассигнированных землях, сохранявших статус *publicus*, за их использование платили *vectigal*. Условием, которое давало право на их использование – *ius pascendi*, было наличие в колонии участка земли, ассигнованного в собственность.

Заключение

Основной правовой предпосылкой для существования различных категорий угодий стало наличие *ager publicus* – общественной земли римского народа, фонд которой пополнялся в результате конфискации части земель побежденного противника. Эти земли могли использоваться различным образом, в частности, они оккупировались родами, принимавшими участие в их завоевании. Тем не менее, часть *ager publicus*, прежде всего леса, оставались для общественного использования – как пастбища и как источник древесины, очевидно, с древнейших времен.

После Второй Пунической войны фонд *ager publicus* значительно пополнился за счет земель, конфискованных у предавших римлян союзников. Это были достаточно обширные, преимущественно горные территории. Римлянами предпринимались определенные меры для контроля за этими областями – постройка дорог, основание поселений в районах с плодородной почвой, тем не менее, основным способом ведения сельского хозяйства в этих местностях было отгонное скотоводство. Указания на обширные *pasua publica*, содержащиеся у Ливия, связаны именно с этими местностями, таким образом, римляне унаследовали тип хозяйства, который процветал в этих областях у местного населения.

Ager compascuus представлял собой другой вид пастбищных угодий. Из основного источника по истории *ager compascuus* в эпоху Республики – сентенции Минуциев – следует, что пользоваться этим пастбищем могло ограниченное количество лиц, имевших неподалеку земельные участки. *Ager compascuus* формировался на основе конфискованных угодий покоренных общин. В целом, причиной существования двух различных категорий пастбищных угодий было то, что *pasua publica* формировались на огромных по своим размерам пастбищных территориях, характерных для южной Италии, жители которой преимущественно

занимались как раз скотоводством. *Comrascua* же стоит считать формой угодий, тесно связанной с земельными участками.

Выделение разных типов угодий в римских колониях было основано на схожих принципах. Данные археологии, как и тексты землемеров свидетельствуют, что не вся земля колонии была ассигнована частным лицам – большая ее часть оставалась либо неразделенной, либо размежеванной, но не переданной в собственность. Во II в. до н.э. еще не существовало четких предписаний о качестве земли, которая должна или не должна идти в ассигнацию, однако естественно ожидать, что при наличии пригодного для сельского хозяйства земельного фонда в ассигнацию шли легкие для распашки земли, а более каменистые и заросшие кустарниками оставались в общественном фонде. Землеры упоминают о существовании двух категорий угодий: *silva et rascua*, которые находились в пользовании у всех жителей колонии, и *comrascua*, которыми пользовались ближайшие соседи. Разница между этими категориями была во многом обусловлена и их размерами. В целом, несмотря на то, что уже во II в. до н.э. по итогам межевания составлялись планы местности, контроль за использованием общественных угодий колонии должен был быть еще достаточно слабым.

Использование *rascua publica* во II в. до н.э. регулировалось двумя способами. С одной стороны, продолжала действовать древняя норма, ограничивающая выпасы определенным количеством голов скота. Как и аналогичная норма, касавшаяся максимально допустимой площади *agri occupatorii*, она достаточно часто нарушалась, особенно ввиду того, что занятие скотоводством считалось прибыльным и легким. Поэтому, начиная с III в. до н.э. начинает распространяться практика взимания платы за выпасы – такие поля назывались *agri scripturarii*. Эта мера позволяла усилить контроль за использованием *rascua publica*, а также была выгодна публиканам.

Аграрные реформы конца II в. до н.э. были вызваны объективной необходимостью более четко определить агрименсурное и правовое положение

частных и общественных земель. Главным результатом работы комиссии Гракхов было практическое выделение фонда *ager publicus*, что было бы невозможно без применения Гракхами новейших достижений римской агрименсуры. Выявленные Гракхами земли *ager publicus* сократились в результате ассигнаций, однако, как свидетельствуют *libri coloniarum* и некоторые данные эпиграфики, далеко не вся земля, размежеванная Гракхами, была ассигнована.

Слабостью гракханской реформы было то, что она сосредотачивалась на контроле за объемом частных владений на *ager publicus* и не контролировала другие возможности использования общественной земли, в частности под выпасы, которые до сих пор регулировались максимальным количеством голов выпасаемого скота. Это положение было ликвидировано аграрным законом 111 г. до н.э., которым был установлен минимум для бесплатного выпаса скота на всех категориях общественных угодий – и на *ager compascuus*, и на *pasua publica*. С одной стороны, это положение защищало мелких собственников, с другой стороны, создавало определенные гарантии для развития более крупного скотоводства. Ограничения на количество скота на общественных угодьях были сняты, и размер стад определялся исключительно способностью хозяина выплатить налог за использование пастбищ. В связи с этим скотоводство в I в. до н.э. переживает расцвет, которому также должно было способствовать запустение обрабатываемых территорий в ходе гражданских войн.

Реформы Гракхов затрагивали весь имевшийся *ager publicus*, однако, очевидно, что в их положениях ничего не говорилось специально об угодьях колоний. В течение I в. до н.э. им было суждено пережить определенную эволюцию. Авторы проектов выведения колоний на территорию Италии сталкивались с проблемой отсутствия свободной земли для земельных раздач, которая могла решаться как насильственным путем, т.е. с помощью конфискации земли, так и мирным. Очень медленно римляне приходят к идее выведения колоний за пределы Апеннинского полуострова: прежде всего, им мешает отсутствие разработанных правовых

институтов, которые бы гарантировали право собственности на земельные участки вне Италии. Инструментом, гарантировавшим эти права, стало *ius Italicum*, которое появилось, однако, достаточно поздно, лишь во времена правления Августа.

И для ветеранов, и для их полководцев гораздо привлекательнее было максимально использовать территориальные возможности Италии. Между тем, фонд свободного *ager publicus* был исчерпан. Его фактическое пополнение осуществлялось в ходе гражданских войн, путем конфискации земель побежденных противников. Между тем, естественно ожидать, что надежными ассигнациями на этих землях не были. Гарантией прав на ассигнованную землю зачастую была сама личность ассигновавшего её диктатора. В этих обстоятельствах необходимо было развивать римскую агрименсуру, поскольку ее инструменты позволяли создать дополнительную гарантию прав на участки. Несмотря на то, что система центуриации уже достаточно долго применялась римлянами, в эпоху Цезаря еще требовалось отдельно прописывать нормы, касающиеся защиты лимитов и межевых камней, в том числе вводить штрафы за порчу лимитов и передвижение терминов.

Перед Августом, оказавшимся победителем гражданских войн, стояла более сложная задача: провести ассигнации, но таким образом, чтобы вызвать минимальное недовольство местных жителей и соблюсти интересы новых поселенцев. Для этого необходимо было максимально четко прописать категории земель, идущие в ассигнацию. Таким образом, именно в эпоху Августа был окончательно сформирован план ветеранской колонии, включавший в себя разные категории земель: частные земли ветеранов, земли государства, колонии и отрезки, правовой статус которых был недостаточно ясен. Для уточнения их статуса в эпоху Августа создается *ius subsecivorum* – право отрезков, различных категорий земель, не переданных в частную собственность. Эти земли могли использоваться в качестве общественных угодий. Августу также приписывают уточнение ширины лимитов, создание их нумерации, уточнение правил постановки терминов. Все эти меры

должны были способствовать детализации сведений о местонахождении и правовом положении различных участков земли, в том числе и оставленных под угодыя.

Закон колонии Генетивы Юлии середины I в. до н.э. отражает попытки определить способы экономического использования угодий и защитить их от произвола. Угодыя, уступленные колонии при ее основании, как правило, сдавались в аренду на короткий срок, чтобы избежать их присвоения, их незаконное использование каралось штрафом. Тем не менее, помимо земель колонии существовали и другие типы уголий – земли *rei publicae*, а также отрезки. Колонисты имели право использовать их для выпасов. Право выпаса – *ius pascendi* – основывалось на владении участком земли на территории данной колонии, поэтому юристы часто обозначают его как *ius fundi*. Владевший участком имел право доступа либо к ближайшим к его участку небольшим по своему размеру угодыям – *compascua*, либо к более обширным *silva et pascua*.

Таким образом, если в начале II в. до н.э. общественные сельскохозяйственные угодыя в Древнем Риме представляют собой нечетко оформленные в правовом и агрименсурном отношении земли, использование которых, как правило, регулировалось сложившимися обстоятельствами или уже устаревшими законами, то к концу I в. до н.э. они были регламентированы как правилами римской агрименсуры, так и правовыми нормами, обеспечивавшими их максимально рациональное использование.

Список сокращений

AE – Année épigraphique. Paris.

Campbell – Campbell B. The Writings of the Roman Land Surveyors. London, 2000.

CAR – Corpus agrimensorum romanorum. / ed. C. Thulin. Lipsiae, 1913.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Lipsiae; Berolini.

FIRA – Fontes iuris Romani antique / ed. C. G. Bruns. 6 ed. Friburgum; Lipsia, 1893.

IG – Inscriptiones Graecae. Berolini.

ILLRP – Inscriptiones latinae liberae rei publicae. / ed. A. Degrassi. Firenze, 1957–1963.

ILS – Inscriptiones latinae selectae / ed. H. Dessau. Berlin, 1892–1916.

Imagines Italicae – Imagines Italicae. A Corpus of Italic Inscriptions. / ed. M.H. Crawford. Vol. 1–3. London, 2011.

JRS – Journal of Roman Studies. London.

Historia – Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden.

PBSR – Papers of the British School at Rome. Rome.

RE – Pauly's Realencyclopädie der klassischen Alterthumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart. 1894–1972.

SRF – Schriften der Römischen Feldmesser / Eds Blume F., Lachmann K., Mommsen Th., Rudorff A. B., 1848–1852. Bd I–II.

Warmington – Warmington E.H. Remains of Old Latin. Vol. IV. Archaic inscriptions. London; Cambridge, 1940.

ZRG – Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte / Romanistische Abteilung. Wien.

Zvetaieff – Inscriptiones Italiae inferioris dialecticae in usum praecipue academicum / ed. I. Zvetaieff. M., 1886.

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск.

Список использованной литературы

Издания источников:

- L. Annaei Flori Quae Exstant / ed. E. Malcovati. Romae, 1972.
- Appian. Roman History. Cambridge; London, 1982. (Loeb Classical Library)
- Appiani bellorum civilium liber primus. Introduzione, testo critico e commento con traduzione e indici. Firenze, 1958.
- Apulée: Les Métamorphoses. Vols. 1–3. Paris, 1940–1946.
- Cato, Marcus Portius, Varro, Marcus Terentius. On Agriculture. Cambridge; London, 1934. (Loeb Classical Library)
- Cicero, Marcus Tullius. On Invention. The Best Kind of Orator. Topica. Cambridge; London. 1949. (Loeb Classical Library)
- Cicero, Marcus Tullius. On the Republic. On the laws. Cambridge; London. 1928. (Loeb Classical Library)
- Cicero, Marcus Tullius. Orations. Pro Quinctio. Pro Roscio Amerino. Pro Roscio Comoedo. On the Agrarian Law. Cambridge; London, 1930. (Loeb Classical Library).
- The Digest of Justinian / ed. T. Mommsen, P. Krüger, A. Watson. Philadelphia, 1985. Vol. 1–4.
- Dionysius of Halicarnassus. The Roman Antiquities. Cambridge; London, 1968–1984. Vol. 1–7. (Loeb Classical Library)
- M. Fabi Quintiliani Institutionis Oratoriae Libri Duodecim. Vol. 1–2. Oxford, 1970.
- Festus, Sextus Pompeius. De Verborum Significatu Quae Supersunt cum Pauli Epitome / ed. W. M. Lindsay. Stutgardia; Lipsia, 1913.
- Gai. Institutiones. Stutgardia, 1969.
- Granii Liciniani reliquiae. / Ed. N. Criniti. Leipzig, 1981.
- Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / ed. W. M. Lindsay. Oxford, 1911.
- Q. Horati Flacci Opera / ed. F. Klingner. Leipzig, 1959.

- Livius, Titus. *History of Rome*. London, 1919–1959. Vol. 1-14. (Loeb Classical Library).
- C. Lucilii Carminum Reliquiae. Lipsiae, 1904. Vol. 1.
- Oratorum romanorum fragmenta* / ed. E. Malcovati. Torino, 1955. Vol. 1.
- Ovid: *Metamorphoses in Two Volumes* / ed. F. J. Miller; G. P. Goold. Cambridge, 1977–1984.
- P. Ovidi Nasonis Fastorum Libri Sex* / ed. E. H. Alton; D. E. W. Wormell; E. Courtney. Leipzig, 1978.
- Plauti Comoediae.* / ed. F. Leo. Lipsiae, 1896. Vol. 2.
- C. Plini Secundi Naturalis Historiae Libri XXXVII.* / ed. C. Mayhoff. Stutgardiae, 1892–1909. Vol. 1–5
- Plutarchus. *Lives*. Cambridge; London, 1988. 11 vols (Loeb Classical Library)
- Pomponii Melae De Chorographia Libri Tres una cum Indice Verborum* / ed. G. Ranstrand. Stockholm, 1971.
- C. Sallusti Crispi Catilina, Iugurtha, Fragmenta Ampliora* / ed. A. Kurfess. Lipsiae, 1957.
- Suetoni Tranquilli Opera.* / ed. M. Ihm. Lipsiae, 1908. Vol. 1
- M. Terenti Varronis Rerum Rusticarum Libri Tres* / ed. G. Goetz. Leipzig, 1929
- Terentius Varro, Marcus. *On the Latin language*. Cambridge; London. 1977–1979. Vol. 1-2. (Loeb Classical Library).
- Valerii Maximi Factorum et Dictorum Memorabilium Libri Novem cum Iulii Paridis et Ianuarii Nepotiani Epitomis* / ed. C. Kempf. Lipsiae, 1888.
- Velleius Paterculus. *Compendium of Roman History. Res gestae divi Augusti.* / ed. F. W. Shipley. Cambridge, 1961.
- Velleius Paterculus: Histoire Romaine.* / ed. J. Hellegouarc'h. Paris, 1982. Vol. 1–2
- P. Vergili Maronis Opera* / ed. R. A. B. Mynors. Oxford, 1972.

Литература:

- Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989.
- Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
- Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 2001.
- Гвоздева И.А.* Типы полей у римлян по трактатам Юлия Фронтинна // Вопросы аграрной истории Древнего Рима. Чебоксары, 1977. С. 11–24.
- Гвоздева И.А.* Трактаты Сикула Флакка как источник по аграрным отношениям в Древнем Риме // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1978. С.32–47.
- Гвоздева И.А.* Технические аспекты землеустройства в древнем Риме по трактатам землемеров // Вестник Московского университета. Серия 8. 1979. № 4. С.74–88.
- Гвоздева И.А.* Ранние типы деления земельных площадей при организации сельской территории у римлян // Вестник Московского университета. Серия 8. 1986. № 2. С.80–91.
- Гвоздева И.А.* «Finis» и «rigor» в аграрном праве Древнего Рима // Древний Восток и античный мир. М., 1999. Вып. 2. С. 72–79.
- Гвоздева И.А.* Аграрный спор de ioco в сочинениях римских землемеров // Вестник МГУ. Серия 8. 2001. 2. С.3–16.
- Гвоздева И.А.* Контroversия de modo в трактатах римских землемеров // ДВАМ. М., 2001. Вып. 4. С. 84–92.
- Гвоздева И.А.* Римский земельный кадастр и решение аграрного вопроса в Риме (I в. до н.э. – I в. н.э.) // История Древнего Рима. Тексты и документы. М., 2004. Т.1. С.252–272.
- Гвоздева И.А.* Земельное право в аграрном кадастре Августа // История древних цивилизаций. Государство и право Древнего Рима. Нижний Новгород, 2006. С.245–260.
- Гвоздева И.А.* Ius subsecivorum в агрименсуре и земельном праве Древнего Рима // Древний Восток и античный мир. Вып. 8. М., 2012. С. 149–166.

Гвоздева И.А. Агрименсоры и землеустройство в Риме // Древний Восток и античный мир. Supplementum 3. М., 2013. С. 3–10.

Гвоздева И.А. (1) Династия Флавиев и римский земельный кадастр. // Вестник РУДН. 2014. № 3. С. 58–66.

Гвоздева И.А. (2) Земельное право в судопроизводстве кадастра императора Августа // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 3 (21). С. 331–343.

Гвоздева И.А. (3) Теория деления пространства и римское землеустройство по данным античной традиции // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 3. М., 2014. С. 146–157.

Гвоздева И.А. Император Август – государственный деятель и юрист // Вестник РУДН. 2015. № 1. С. 5–16.

Гвоздева И.А. Locus relictus в земельном праве Древнего Рима // Аграрное и земельное право. 2016. № 8 (140). С. 61–65.

Гвоздева И.А. Agrimensura – наука римского землеустройства периода Республики // Вестник РУДН. Том 9. № 1. М., 2017. С. 7–17.

Гвоздева И.А. Ager arcifinius и начало римского земельного права // Древний восток и античный мир. 2018. Вып. 9. С. 340–355.

Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. Земельное право в составе Ius Civile Древнего Рима // Альманах славяно-греко-латинского кабинета приволжского федерального округа. Вып. 5. Нижний Новгород, 2013. С. 140–148.

Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. Terminus - охранитель римских границ. // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого. Нижний Новгород, 2014. С. 249–268.

Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. Strigatio–scamnatio – этап развития римского земельного права // Современный юрист. 2015. № 4 (13). С. 98–108.

Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. Ветеранские ассигнации в римском земельном праве // Современный юрист. 2016. № 1 (14). С. 79–86.

- Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.* (1) *Ager extra clusus* – в правовом поле римского кадастра // Современный юрист. 2016. № 4 (17). С. 53–62.
- Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.* (2) *Limites quintarii* – категория римской агрименсуры и земельного права // Современный юрист. 2016. № 3 (16). С. 75–84.
- Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.* (3) Ветеранские ассигнации в римском земельном праве // Современный юрист. 2016. № 1 (14). С. 79–86.
- Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.* (1) *Controversia* – категория римского земельного права // Современный юрист. 2017. № 1 (18). С. 91–101.
- Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.* (2) *Territorium* – категория римского земельного права // Аграрное и земельное право. 2017. № 1. С. 72–77.
- Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б.* (3) Архаический и формулярный процесс в земельном праве Древнего Рима // Аграрное и земельное право. 2017. № 2 (146). С. 30–35.
- Грацианский Н.П.* Система полей у римлян по трактатам землемеров // ВДИ. 1940. № 1. С. 52–66.
- Гурвич П.Б.* Цицерон и *lex Servilia agraria*. // ВДИ. 1949. № 2. С. 241–250.
- Дождев Д.В.* Основание защиты владения в римском праве. М., 1996.
- Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 2000.
- Дурново М.В.* Закон Мамилия, Росция, Педуция, Аллиена, Фабия: история изучения памятника // Античный вестник. 2002. Т. 6. С. 91–99.
- Карасева Т.А.* Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII–I вв. до н.э. М., 2003.
- Колосовская Ю.К.* Паннония в I–III вв. М., 1973.
- Кончаловский Д.П.* Критика данных Аппиана и Плутарха о причинах гракховского аграрного движения // Из далекого и близкого прошлого. Петроград – М., 1923. С. 41–53.
- Корш Ф.Е.* Сисеро «De oratore»: Лекции, чит. в 1897–98 гг. М., 1897.

- Кофанов Л.Л.* Роль жреческих коллегий в архаическом Риме и развитие жреческого права. // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 7–61.
- Кофанов Л.Л.* Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М., 2015.
- Кофанов Л.Л.* Публичное владение в республиканском Риме. // Древнее право: научно-практический журнал. М., 2016. № 1(33). С. 46-75.
- Кузицин В.И.* О латифундиях во II в. до н.э. (О толковании 7-й главы I книги «Гражданских войн» Аппиана) // ВДИ. 1960. № 1. С. 46 – 60.
- Кузицин В.И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973.
- Кузицин В.И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. I в. н.э.). М., 1976.
- Лапырёнок Р.В.* К вопросу о категориях *ager publicus*, получивших «иммунитет» на основании аграрного закона Гая Гракха // ПИФК. 2014. № 1. С. 29–37.
- Лапырёнок Р.В.* Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э. М., 2016.
- Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. Античность и средние века. М., 1954.
- Любимова О.В.* Политический смысл законопроекта Сервилия Рулла. // ВДИ. 2018. Т. 78 № 2. С. 257-281.
- Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.—Л., 1949.
- Маяк И.Л.* Характер и роль *colonia Romana* в распространении римской власти на Апеннинском полуострове // ВДИ. 1956. № 2. С. 145–153.
- Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983.
- Немировский А.И.* [Рец.] E. Sereni, *Comunità rurali nell'Italia antica* // ВДИ. 1956. № 3. С. 87-93.

Подосинов А.В. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I. С. 63—80.

Покровский И.А. История римского права. СПб, 1998.

Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб, 1899.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб, 2000. Т. 1.

Сакки О. (1) «Квиритская собственность» между природой и правом. Ее экономическая функция в системе римского публичного права и в разрезе современности (начало) // Древнее право: научно-практический журнал. № 1(33). 2016. С. 76-100.

Сакки О. (2) «Квиритская собственность» между природой и правом. Ее экономическая функция в системе римского публичного права и в разрезе современности (окончание) // Древнее право: научно-практический журнал. № 2(34). 2016. С. 24-53.

Сергеенко М.Е. Итальянский плуг // Византийский временник. 1956. Т. 9. С. 117–127.

Сергеенко М.Е. (1) Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана // ВДИ. 1958. № 2. С. 150–156.

Сергеенко М.Е. (2) Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.–Л., 1958.

Сергеенко М.Е. «Георгики» Вергилия как трактат по сельскому хозяйству // ВДИ. 1974. № 3. С. 150–155.

Серени Э. Сельская община и ее границы в древней Лигурии // ВДИ. 1956. № 4. С. 25–45.

Сизов С.К. «Цензорские общины» в римской Сицилии. // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Проблемы социально-политической истории. Горький, 1985. С. 41–56.

Сморчков А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.

Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

- Циркин Ю.Б.* История Древней Испании. СПб, 2011.
- Штаерман Е.М.* Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.
- Штаерман Е.М.* История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996.
- Эрну А.* Историческая морфология латинского языка. М., 1950.
- Abbott F.F.* The Colonizing Policy of the Romans from 123 to 31 B.C. // *Classical Philology*. 1915. Vol. 10. No. 4. P. 365–380.
- Adamo M.* The lapis pollae: Date and Contexts. // *PBSR*. 2016. Vol. 84. P. 73–100.
- Ando C.* Roman Social Imaginaries: Language and Thought in the Context of Empire. Toronto, 2015.
- Andreau J.* Pompéi: mais où sont les vétérans de Sylla ? // *Revue des Études Anciennes*. 1980. T. 82. No. 3–4. P. 183–199.
- Audollent A.* Carthage Romaine. Paris, 1901.
- Baalz D.* “Gibt dem Kaiser, was des Kaisers ist”: Steuern im Römerreich // *Mit dem Zehnten fing es an. Eine Kulturgeschichte der Steuer*. München, 1986. S. 38–50.
- Badian E.* From the Gracchi to Sulla (1940–1959) // *Historia*. 1962. Bd 11. H. 2. P. 197–245.
- Badian E.* Publicans and Sinners. Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Oxford, 1972.
- Behrends O.* Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // *Die Römische Feldmessekunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms*. Göttingen, 1992. S. 192 – 248.
- Behrends O.* Les conditions des terres dans l’empire Romain // *De la terre au ciel. Paysages et cadastres antiques*. Besançon, 2004. Vol. 2. P. 5–8.
- Bernard S.G., Damon C., Grey C.* Rhetorics of Land and Power in the Polla inscription (CIL I² 638) // *Mnemosyne*. 2014. Vol. 64. P. 953–985.
- Bernstein A.H.* Tiberius Sempronius Gracchus. Tradition and Apostasy. Ithaca London, 1978.

- Berti N.* Scipione Emiliano, Caio Gracco e l'ecovatio di "Giunone" da Cartagine // *Aevum*. 1990. Vol. 64. Fasc. 1. P. 69–75.
- Bianchi E.* La Tavole di Polcevera e l'occupazione del Genovesato in epoca tardorepublicana // *Archeologia. Uomo. Territorio*. 1996. № 15. P. 63–80.
- Biondi B.* Il diritto romano. Bologna, 1957
- Bleicken J.* Gesammelte Schriften. Bd II. Stuttgart, 1998.
- Boccaleri E.* L'agro dei Langensi Viturii secondo la Tavola di Polcevera // *Atti della Società Ligure di Storia Patria: nuova serie*. Genova, 1989. Vol. XXIX. Fasc. I. P. 27–69.
- Boccaleri E.* L'ubicazione dell'agro compascuo genuate secondo la Tavola di Polcevera // *Atti della Società Ligure di Storia Patria: nuova serie*. Genova, 1996. Vol. XXXVI. Fasc. II. P. 21–42.
- Boren H.C.* Die Rolle der Stadt Rom in der Wirtschaftskrise der Gracchenzei // *Zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der späten römischen Republik*. Darmstadt, 1976. S. 79–97.
- Botteri P.* Pecuarius et scripturarius // *Revue des Études Latines*. 1977. Vol. 55. P. 313–324.
- Bracco V.* L'Elogium di Polla // *Rendiconti dell'Accademia Archeologica di Napoli*. Vol. XXIX. 1954. P. 5–38.
- Bracco V.* La Valle del Tanagro durante l'età romana. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1962. P. 427–486.
- Broadhead W.* Colonization, Land Distribution, and Veteran Settlement // *A Companion to the Roman Army*. Oxford, 2007. P. 148–163.
- Broughton T.R.S.D.* The Magistrates of the Roman Republic. New York, 1951. Vol. I.
- Brunt P.A.* [Rev.] D.C. Earl: Tiberius Gracchus. A Study in Politics. Bruxelles–Bernchem: Latomus, 1963. // *Gnomon*. 1965. Vol. 37. P. 189–192.
- Brunt P.A.* Italian Manpower, 225 B.C. – A.D. 14. London: Oxford University Press, 1971. 750 p.

Buonopane A. La duplice iscrizione confinaria di Monte Venda (Padova) // *Rupes loquentes*. Atti del convegno internazionale di studio sulle iscrizioni rupestri di età romana in Italia, Roma – Bomarzo 13 – 15 ottobre 1989. Roma, 1992. P. 207–223.

Burckhardt L.A. Gab es in der Gracchenzeit ein Optimatisches Siedlungsprogramm? Bemerkungen zum elogium von Polla und den *viasiei vicani* aus dem Ackergesetz von 111 v. Chr. // *Labor omnibus unus*. Gerold Walser zum 70. Geburtstag dargebracht von Freunden, Kollegen und Schuelern. Stuttgart, 1989. S. 3 – 20.

Burdese 1952 - *Burdese A.* Studi sull'ager publicus. Torino, 1952

Caballos A., Betancourt F., Correa J. A., Fernández F. La nueva tabla de la lex coloniae Geneticae Ivliae. Avance Preliminar. // *Acta XII congressus internationalis epigraphiae graecae et latinae. Provinciae imperi Romani inscriptionibus descriptae*. Barcelona, 3–8 Septembris. Barcelona: Institut d'Estudis Catalans, 2007. P. 217–222.

Caillemer A., Chevallier R. Les centuriations de l'«Africa vetus». // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1954. No. 4. P. 433–460.

Camerieri P., Mattioli T. Tranzumanza e agro centuriato in alta Sabina, interferenze e soluzioni gromatiche // *Settimo Incontro di Studi sul Lazio e la Sabina*. Atti del Convegno a Roma, 9–11 marzo 2010. Roma, 2011. P. 111–127.

Camerieri P., Mattioli T. Obscura itinera: a GIS-based approach to understand the pre-Roman and Roman transhumance pathways in Umbria and Sabina regions (Central Italy) // *Archaeology in the Digital Era. Papers from the 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA)*, Southampton, 26–29 March 2012. Amsterdam, 2013. P. 333–338.

Campbell B. Shaping the Rural Environment: Surveyors in Ancient Rome // *JRS*. Vol. 86. 1996. P. 74–99.

Canali de Rossi F. Due note di epigrafia tardo-republicana // *Acta XII congressus internationalis epigraphiae Graecae et Latinae. Provinciae Imperii Romano inscriptionibus descriptae*. Barcelona, 3–8 Septembris 2002. Barcelona, 2007. P. 231–240.

- Cantarelli F.* La via Regio–Capuam: problemi storici e topografici // *L'Universo*. 1980. Vol. 60. P. 929–966.
- Capogrossi Colognesi L.* La struttura della proprietà e formazione dei iura praediorum nell'età repubblicana. Vol. 1–2. Milano, 1969– 1975.
- Capogrossi Colognesi L.* Cittadini e territorio: consolidamento e trasformazione della 'civitas romana'. Roma, 2000.
- Capogrossi Colognesi L.* Le forme gromatiche del territorio e i vari regimi giuridici dell'*ager Romanus* e dell'*ager colonicus*. Il complesso mosaico della romanizzazione italica. // *Gli Statuti Municipali* / ed. Gabba E., Capogrossi Colognesi L. Pavia, 2006. P. 579–604
- Capogrossi Colognesi L.* Law and Power in the Making of the Roman Commonwealth. Cambridge, 2014.
- Carcopino J.* Autour des Gracques: études critiques. Paris, 1928.
- Carlà F., Marcone A.* Economia e finanza a Roma. Bologna, 2011.
- Carlsen J.* Land, Labour and Legislation in Late Republican Italy. Roma, 2009.
- Cauvin G.* Civilisation et rôle des Ligures de L'Arno du Var de l'âge de fer à la conquête romaine // *Recherches regionales: Alpes–Maritimes et Contrées limitrophes*. 1987. 3. P. 2–28.
- Cera G.* La via Postumia da Genova a Cremona. Roma, 2000.
- Charles-Picard G.* Nordafrika und die Römer. Stuttgart, 1962.
- Chouquer G.* (1) Études sur le Liber coloniarum. P., 2016.
- Chouquer G.* (2) Les catégories de droit agraire à la fin du IIe s. av. J.–C. (*sententia Minuciorum* de 117 av. J.–C. et *lex agraria* de 111 av. J.–C.). P., 2016.
- Chouquer G., Clavel–Levêque M., Favory F.* Cadastres, occupation du sol et paysages agraires antiques // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1982. No. 5/6. P. 847–882.
- Christol M., Leyraud J.–Cl., Meffre J.–Cl.* Le cadastre C d'Orange: révisions épigraphiques et nouvelles données d'onomastique // *Gallia*. 1998. No. 55. P. 327–342.
- Compatangelo R.* Un cadastre de pierre. Le Salento romain. P., 1989.

- Crawford M.H.* Roman Republican Coinage. Vol. I. Cambridge, 1974.
- Crawford M.H.* Lex Iulia agraria // *Athenaeum*. 1989. No. 66. P. 179–190.
- Crawford M.H.* Roman Statues. London, 1996. Vol. I–II.
- Crawford M.H.* [Rev.] Sacchi O. Regime della terra e imposizione fondiaria nell'eta dei Gracchi: testo e commento storico–giuridico della legge agraria del 111 a.c. Naples, 2006. // *JRS*. 2010. Vol. 100. P. 250.
- Dart Ch.J.* The Impact of the Gracchan Land Commission and the Dandis Power of the Triumvirs // *Hermes*. 2011. Bd 139. S. 337–357.
- De Martino F.* Scritti di diritto romano. Roma, 1979.
- De Ruggiero E.* L'arbitrato pubblico in relazione col privato presso i romani. Roma, 1883.
- Dilke O.A.W.* The Roman Land Surveyors. An Introduction to the Agrimensores. Amsterdam, 1992.
- Dorcey P.F.* The Cult of Silvanus: a Study in Roman Folk Religion. Leiden; New York; Köln, 1992.
- D'Ors A.* Epigrafía jurídica de la España romana. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos, 1953.
- Douglas A.E.* The Legislation of Spurius Thorius // *American Journal of Philology*. 1956. Vol. 77. No. 4. P. 376–395.
- Douglas A.E.* Oratorum Aetates // *American Journal of Philology*. 1966. Vol. 56. N. 3. P. 232–245.
- Earl D.C.* Tiberius Gracchus: a Study in Politics. Bruxelles – Berchem, 1963.
- Erdmann E.H.* Die Rolle des Heeres in der Zeit von Marius bis Caesar. Militärische und politische Probleme einer Berufsarmee. Neustadt/Aisch, 1972.
- Ewins U.* The Early Colonisation of Cisalpine Gaul // *PBSR*. 1952. Vol 20. P. 54–71.
- Fabricius E.* Über die lex Mamilia Roscia Peducaea Alliena Fabia. Heidelberg, 1924.
- Falacrinae.* Le origini di Vespasiano. / Ed. S. Sisani. Roma, 2009.
- Faoro D.* *Gentes e civitates adtributae*. Fenomeni contributivi della romanità cisalpina. // *Simblos*. Scritti di storia antica. Vol. 6. Bologna, 2015. P. 155–200.

- Finley M.I.* Das antike Sizilien. München, 1979.
- Flach D.* Die Ackergesetzgebung im Zeitalter der römischen Revolution // *Historische Zeitschrift*. 1973. Bd 217. H. 2. S. 265–295.
- Fleck M.* Cicero als Historiker. Stuttgart, 1993.
- Forsén B.* Lex Licinia Sextia de modo agrorum – Fiction or Reality? Helsinki, 1991.
- Frank T.* Dominium in solo provinciali and ager publicus // *JRS*. 1927. Vol. 17. 141–161.
- Frank T.* An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. I. Rome and Italy of the Republic. Baltimore, 1933.
- Frayn J.M.* “Wild and Cultivated Plants”: A Note on the Peasant Economy of Roman Italy // *JRS*. 1975. Vol. 65. P. 32–39.
- Frederiksen M.* The contribution of archaeology to the agrarian problem of the Gracchan period // *Dialoghi di archeologia*. 1970–1971. Vol. 4. P. 330–357.
- Frederiksen M.* Campania. Rome, 1984.
- Gabba E.* Appiano e la storia delle guerre civili. Firenze, 1956.
- Gabba E.* Appiani bellorum civilium liber primus. Introduzione, testo critico e commento con traduzione e indici. Firenze, 1958.
- Gabba E.* Esercito e società nella tarda repubblica romana. Firenze, 1973.
- Gabba E., Pasquinucci M.* Strutture agrarie e allevamento transumante nell’Italia romana (III–I sec. A. C.). Pisa, 1979.
- Galsterer H.* Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien. München, 1976.
- Galsterer H.* *Municipium Flavium Irnitatum*: A Latin Town in Spain // *JRS*. 1988. Vol. 78. P. 78–90.
- García-Hernández B.* L'evolution du suffixe –arius vers l'expression du destinataire dans la langue juridique // *Latin et langues techniques*. Paris, 2006. P. 221–231.
- Gargola D.J.* Lands, Laws, and Gods. Magistrates and Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome. London, 1995.
- Gargola D.J.* Appian and the Aftermath of the Gracchan Reform // *American Journal of Philology*. 1997. Vol. 118. № 4. P. 555–581.

- Gelzer M.* Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig–Berlin, 1912.
- Gilhus I.S.* Animals, Gods and Human. Changing Attitudes to Animals in Greek, Roman and Early Christian Ideas. Hoboken, 2006.
- Gohary L.* La politique coloniale de Cesar en Espagne enjeux des ressources naturelles et colonisation dans la guerre civile. 49–44 avant J. C. Québec: Université Laval, 2005.
- González J.* The Lex Irnitana: a New Copy of the Flavian Municipal Law // JRS. 1986. Vol. 76. P. 147–243.
- Graham Mason G.* The Agrarian Role of Coloniae Maritimae: 338–241 B.C. // Historia. 1992. Bd 41. H. 1. P. 75–87.
- Granet J.* Paysages ruraux et histoire rurale en Italie romaine // Pallas, Hors-série 1986. Mélanges offerts à Monsieur Michel Labrousse. P. 23–40.
- Granet J.* (1) La loi agraire épigraphique de 111. // Pallas. 1989. No. 35. Les religions antiques. Un inédit d'archéologie régionale. La seconde mort des Gracques. P. 125–140.
- Granet J.* (2) La loi agraire de 111 et l'élevage. // Pallas. 1989. No. 35. Les religions antiques. Un inédit d'archéologie régionale. La seconde mort des Gracques. P. 141–154.
- Grassi L.* Della sentenza inscritta nella Tavola di Polcevera. Trattazione del canonico Luigi // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. III. Genova, 1864. P. 391–528.
- Grelle F.* Stipendium vel Tributum. Napoli, 1963.
- Gruen E.S.* The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974.
- Gruen E.S.* The Hellenistic world and the coming of Rome. Berkeley, 1986.
- Gsell S.* Les Premiers temps de la Carthage romaine. // Revue Historique. 1927. T. 156. Fasc. 2. P. 225–240.
- Guillaumin J.–Y.* Les marqueurs de limites dans les Étymologies d'Isidore de Séville (XV, 14) // Gerión. 2007. No. 25. P. 477–488.
- Gundel H.M.* Pablicius Malleolus L. f. L. n. // RE. 1959. Bd XXIII. Hb. 46. Kol. 1901.
- Hahn I.* Appian und seine Quellen. // Romanitas–Christianitas: Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit. Berlin – New York, 1982. S. 251–276.
- Harris W.V.* Rome in Etruria and Umbria. Oxford, 1971.

Hermon E. La date de la fondation de la colonie Narbo Martius en Gaule narbonnaise // *Revue historique de droit français et étranger*. 1976. Vol. 54. No.2. P. 229–239.

Hermon E. (1) Le concept d'ager publicus et l'équivalence ager occupatorius / ager arcifinius dans la définition des terres publiques par les Gromatici. / Les vocabulaires techniques des arpenteurs romains. Actes du colloque international (Besançon, 19–21 septembre 2002). Besançon, 2006. P. 183–192.

Hermon E. (2) La Lex Cornelia agraria dans le Liber Coloniarius I. // *Autour des Libri coloniarius: colonisation et colonies dans le monde romain*. Actes du Colloque international (Besançon, 16–18 octobre 2003). Besançon, 2006. P. 31–46.

Hinrichs F.T. Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // *ZRG*. 1966. Bd 83. S. 252–307.

Hinrichs F.T. Der römische Strassenbau zur Zeit der Gracchen // *Historia*. 1967. Bd 16. H. 2. S. 162–176.

Hinrichs F.T. (1) Das legale Landversprechen im Bellum Civile // *Historia*. Bd 18. H. 5. 1969. P. 521–544.

Hinrichs F.T. (2) Nochmals zur Inschrift von Polla // *Historia*. 1969. Bd 18, H. 2. S. 251–255.

Hinrichs F.T. Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden, 1974.

Hinrichs F.T. Die "agri per extremitatem mensura comprehensi". Diskussion eines Frontintextes und der Geschichte seines Verständniss // *Die Römische Feldmessekunst*. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 348–37.

Howarth R.S. Rome, the Italians, and the Land // *Historia*. 1999. Bd 48, H. 3. P. 282–300.

Johannsen K. Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. München, 1971.

Jonkers E.J. Social and Economic Commentary on Cicero's de lege agraria orationes tres. Leiden, 1964.

Kappelmacher A. Lucillius // *RE*. 1927. Bd XIII. Kol. 1617–1637.

Kaser M. Die Typen der römischen Bodenrechte in der späteren Republik. // *ZRG*. 1942. Bd 62. S. 1–8.

- Kaser M.* Eigentum und Besitz im älteren römischen Recht. Weimar, 1943.
- Keay S.J.* Roman Spain. London, 1988.
- Keppie L.* The Making of Roman Army. From Republic to Empire. London, 1987.
- Kubitschek W.* Ager // RE. 1919. Bd I. H. 1. Kol. 780-793.
- Kumaniecki K.* [Commentarii] // M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc.3: De oratore. Leipzig, 1969.
- Laffi U.* Studi di storia romana e di diritto. Roma, 2001.
- Lapyrionok R.V.* Der Kampf um die lex Sempronia agraria: vom Zensus 125/124 v. Chr. Bis zum Agrarprogramm des Gaius Gracchus. Bonn, 2012.
- Liebenam W.* Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Leipzig, 1900.
- Lintott A.* Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambridge, 1992.
- Manacorda D.* "L'ager cosanus" tra tarda Repubblica e Impreso: forme di produzione e assero della proprieta // Memoirs of the American Academy in Rome. 1980. Vol. 36. P. 173–184.
- Manganaro G.* La provincia romana. // La Sicilia antica. Vol. II.2. La Sicilia romana. Napoli, 1980. P. 411–462.
- Mattingly H.B.* The Two Republican Laws of the Tabula Bembina // JRS. 1969. Vol. 59. P. 99–107.
- Mattingly H.B.* The Numismatic Evidence and the founding of Narbo Martius // Revue archéologique de Narbonnaise. 1972. T. 5. P. 1–19.
- Meister K.* Die Aufhebung der Gracchischen Agrarreform // Historia. 1974. Bd 23. H. 1. S. 86–97.
- Meyer E.* Kleine Schriften zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftlichen und politischen Geschichte des Altertums. Halle, 1910.
- Moatti Cl.* Étude sur l'occupation des terres publiques à la fin de la République Romaine. // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 1992. Vol. 3. P. 57–73.
- Moatti Cl.* Archives et partage de la terre dans le monde romain. Roma, 1993.

- Molthagen J.* Die Durchführung der gracchischen Agrarreform. // *Historia*. 1973. Bd 22, H. 3. P. 423–458.
- Mommsen Th.* (1) Die libri coloniarum. // *SRF II*. 1852. S. 143–220.
- Mommsen Th.* (2) Über die lex Mamilia Roscia Peducaea Alliena Fabia // *SRF II*. 1852. S. 221–226.
- Mommsen Th.* Zum Römischen Bodenrecht. // *Hermes*. 1892. Bd 27. H. 1. S. 79–117.
- Mommsen Th.* Gesammelte Schriften. Berlin, 1905.
- Mossé Cl.* La colonisation dans l'antiquité. Paris, 1970.
- Mouritsen H.* Italian Unification. A Study in Ancient and Modern Historiography. London, 1998.
- Nicolet Cl.* Les Gracques: crise agraire et révolution à Rome. Paris, 1967.
- Nicolet Cl.* Space, Geograph, and Politics in the Early Roman Empire. Ann Arbor, 1991.
- Nissen H.* Italische Landeskunde. Berlin, 1883. Bd I.
- Nitzsch K.W.* Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. Berlin, 1847.
- Oebel L. C.* Flaminius und die Anfänge der römischen Kolonisation im *ager Gallicus*. Frankfurt am Main, 1993.
- Olesti Vila O., Mayer M.* La sortitio de Ilici. Del documento epigráfico al paisaje histórico // *Dialogues d'histoire ancienne*. 2001. Vol. 27. № 1. P. 109–130.
- Oppermann I.* Zur Funktion historischer Beispiele in Ciceros Briefen. München, 2000.
- Orsted P.* Roman Imperial Economy and Romanization: A Study in Roman Imperial Administration and the Public Lease System in the Danubian Provinces from the First to the Third Century A.D. Copenhagen, 1985.
- Osgood J.* Caesar's Legacy: Civil War and the Emergence of the Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Pais E.* Storia della colonizzazione di Roma antica. Prolegomeni. Le fonti: i libri imperiali regionum. Roma, 1923.
- Pareti L.* Storia della regione Lucano-Bruzzia nell'antichità. Roma, 1997.
- Pekáry T.* Untersuchungen zu den römischen Reichsstrassen. Bonn, 1968.

- Peyras Je.* Les Libri Colonarium et l'œuvre Gracchienne. // Autour des Libri coloniarum: colonisation et colonies dans le monde romain. Actes du Colloque international (Besançon, 16–18 octobre 2003). Besançon, 2006. P. 47–64.
- Piganiol A.* Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange. Paris, 1962.
- Pikulska A.* Les arpenteurs romains et leur formation intellectuelle // Revue internationale des droits de l'antiquité. 2004. No. 51. P. 205–216.
- Prag J.R.W.* Roman Magistrates in Sicily, 227–49 B.C. // La Sicile de Cicéron : lecture des Verrines. Actes du colloque de Paris (19–20 mai 2006). Paris, 2007. P. 287–310.
- Premmerstein A.* Die Tafel von Heraclea und die Acta Caesaris // ZRG. 1922. Bd 43. S. 45–152.
- Rabbie E.* Cicero über den Witz: Kommentar zu De Oratore II, 216–290. Amsterdam, 1986.
- Radke G.* Die Erschliessung Italiens durch die römischen Strassen. // Gymnasium. 1964. Bd 71. S. 204 – 235.
- Radke G.* Namen und Daten. Beobachtung zur Geschichte des römischen Strassenbaus. // Museum Helveticum. 1967. Vol. 24. S. 221–235.
- Rathbone D.W.* The Development of Agriculture in the Ager Cosanus during the Roman Republic: Problems of Evidence and Interpretation // JRS. 1981. Vol. 71. P. 10–23.
- Rathbone D.W.* The control and exploitation of Ager Publicus in Italy under the Republic. // Tâches publiques et enterprise privée dans le monde romain. Genève, 2003. P. 135 – 178.
- Ratti S.* Le substrat augustéen dans la Constitutio limitum d'Hygin le Gromaticus et la datation du traité // Dialogues d'histoire ancienne. 1996. Vol. 22. P. 220–238.
- Rendich F.* Comparative etymological Dictionary of classical Indo–European languages: Indo–European – Sanskrit – Greek – Latin. Charleston S.C., 2016.
- Richardson J.* The Romans in Spain. Cambridge, 1996.
- Roselaar S.T.* References to Gracchan Activity in the Liber Coloniarum. // Historia. 2009. Vol. 58. P. 198–214.

- Roselaar S.T.* Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396–89 BC. Oxford, 2010.
- Rousset D.* Les frontières des cités grecques. Premières réflexions à partir du recueil des documents épigraphiques. // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 1994. Vol. 5. P. 97–126.
- Rudolph H.* Stadt und Staat im römischen Italien: Untersuchungen über die Entwicklung des Munizipalwesens in der republikanischen Zeit. Leipzig, 1935.
- Rudorff A.* Das Ackergesetz des Spurius Thorius // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. Berlin, 1839. Bd 10. S. 1–194.
- Rudorff A.* Gromatiche Institutionen // SRF II. S. 227–464.
- Ruoff–Väänänen 1975 - Ruoff–Väänänen E.* The Roads leading to Rhegium. // Arctos. 1975. Vol. 9. P. 93–98.
- Ruoff–Väänänen E.* Studies on the Italian fora. Wiesbaden, 1978.
- Sabattini A.* Sulla transumanza in Varrone. // Athenaeum. 1977. Vol. 55. P. 199–203.
- Sacchi O.* La nozione di ager publicus populi romani nella lex agraria del 111 a.C. come espressione dell'ideologia del suo tempo. // Tijdschrift voor rechtsgeschiedenis. 2005. Vol. 73. Iss. 1–2. P. 19–42.
- Sacchi O.* Regime della terra e imposizione fondiaria nell'eta dei Gracchi: testo e commento storico–giuridico della legge agraria del 111 a.c. Naples, 2006.
- Sáez P.* Las tierras públicas en la lex Ursonensis // Studia Historica. Historia Antigua. 1997. № 15. P. 137–152.
- Salmon E.T.* Samnium and the Samnites. Cambridge, 1967.
- Salmon E.T.* Roman Colonization under the Republic. London, 1969.
- Saumagne Ch.* Colonia Julia Carthago. // Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques. 1924. P. 131–140.
- Schneider H.–Chr.* Das Problem der Veteranenversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn, 1977.
- Schneider H.–Chr.* Altstrassenforschung. Darmstadt, 1982.

- Schubert C.* Land und Raum in der römischen Republik. Die Kunst des Teiles. Darmstadt, 1996.
- Schulten A.* Römische Flurkarten // *Hermes*. 1898. Bd 33. H. 4. S. 534–565.
- Schulten A.* Vom Antiken Cataster // *Hermes*. 1906. Bd 41. H. 1. S. 1–44.
- Scullard H.H.* From the Gracchi to Nero. London, 1963.
- Sereni E.* Comunità rurali nell'Italia antica. Roma, 1955.
- Serrao F.* Diritto privato, economia e società nella storia di Roma. Vol. I. Napoli, 2006.
- Shackleton Bailey D.R.* Onomasticon to Cicero's Treatises. Stuttgart, 1996.
- Sirago V.A.* L'agricoltura italiana nel II sec. a.C. Napoli, 1971.
- Sisani S.* L'ager publicus in eta' Graccana (133–111 A.C.). Une rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica. Roma, 2015.
- Soraci C.* La Sicilia romana: secc. III a.C.–V d.C. Roma, 2016.
- Stockton D.* The Gracchi. Oxford, 1979.
- Thein A.* Sulla's Veteran Settlement Policy // *Militärsiedlungen und Territorialherrschaft in der Antike*. Berlin, 2011. S. 79–99.
- Thomsen R.* The Italic regions, from Augustus to the Lombard invasion. Kobenhavn, 1947.
- Thormann K.F.* De iure compascendi // *ZRG*. 1954. Bd 71. S. 71–110.
- Tibiletti G.* Il possesso dell'ager publicus e le norme de modo agrorum sino ai Gracchi (cap. IV–VI) // *Athenaeum*. 1949. Vol. 27. P. 4–41.
- Tibiletti G.* Le leggi de iudiciis repetundarum fino alla guerra sociale. // *Athenaeum*. 1953. Vol. 31. P. 21–31.
- Tibiletti G.* Die Entwicklung des Latifundiums in Italien von der Zeit der Gracchen bis zum Beginn der Kaiserzeit // *Zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der späten römischen Republik*. Darmstadt, 1976. S. 11–78.
- Tipps G.K.* The Generosity of Public Grazing Rights under the "Lex Sempronia Agraria" of 133 B.C. // *Classical Journal*. Vol. 84. No. 4. P. 334–342.
- Toynbee A.J.* Hannibal's Legacy. London, 1965. Vol. 1–2.

- Trapenard C.* L'ager scripturarius: contribution à l'histoire de la propriété collective. Paris, 1908.
- Vallat J.-P.* Ager Publicus, colonies, et territoire agraire en Campagne de Nord a l'époque Republicaine // Cadastres et espace rural. Paris, 1980. P. 187–198.
- Vallat J.-P.* Les structures agraires de l'Italie républicaine// Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1987. Vol. 1. P. 181–218.
- Verbrugge G.P.* The Elogium from Polla and the First Slave War // Classical philology. 1973. Vol. 68. №1. P.25–35.
- Veyne P.* La société romaine. Paris, 1991.
- Voigt M.* Über die Staatsrechtliche Possessio and den Ager compascuus der Römischen Republik. // Abhandlungen der philologischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1887. Bd 10. №3. S. 221–272.
- Watkins T.H.* Coloniae and ius Italicum in the Early Empire // Classical Journal. 1983. Vol. 78. №. 4. P. 319–336.
- White K.D.* Roman Farming. London, 1970.
- Wilkins A.S.* [Commentarii] // M. Tullii Ciceronis De oratore. Liber II. Oxford, 1881.
- Wiseman T.P.* Viae Anniae. // PBSR. 1964. Vol. 32. P. 21–37.
- Wiseman T.P.* Via Anniae Again. // PBSR. 1969. Vol. 37. P. 82–91.
- Wolf J.G.* Die Lex Irnitana: ein römisches Stadtrecht aus Spanien. Darmstadt, 2011.
- Yeo C.* The Overgrazing of Ranch-Lands in Ancient Italy // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1948. Vol. 79. P. 275–307.

Приложения

Рис. 1. Элогий из Поллы [Warmington, 1940, p. 153].

Рис.4. Границы общественного (заштриховано голубым) и частного (заштриховано красным) полей лангенов витуриев (на основе реконструкции Э. Боккалери [Voccaleri, 1996, p. 42]).

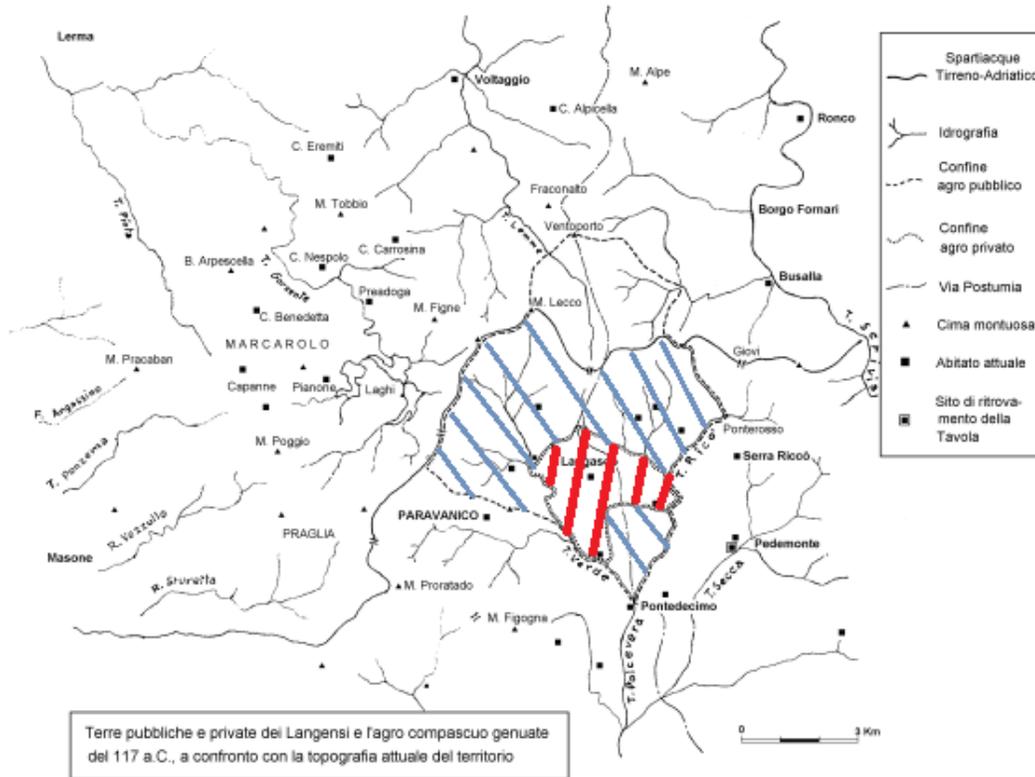

Рис. 5. Межевание Террацины [Chouquier, Clavel-Levêque, Favory, 1982, p. 878].

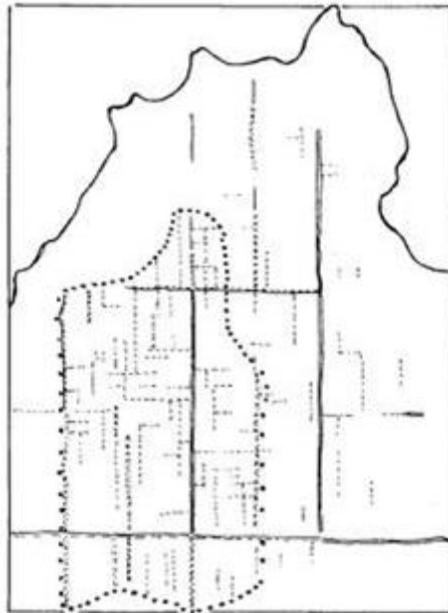

Рис. 6. Silva et pascua publica Iuliensium (SRF I, fig. 183)

Рис. 7. Ager compascuus (SRF I, fig. 18).

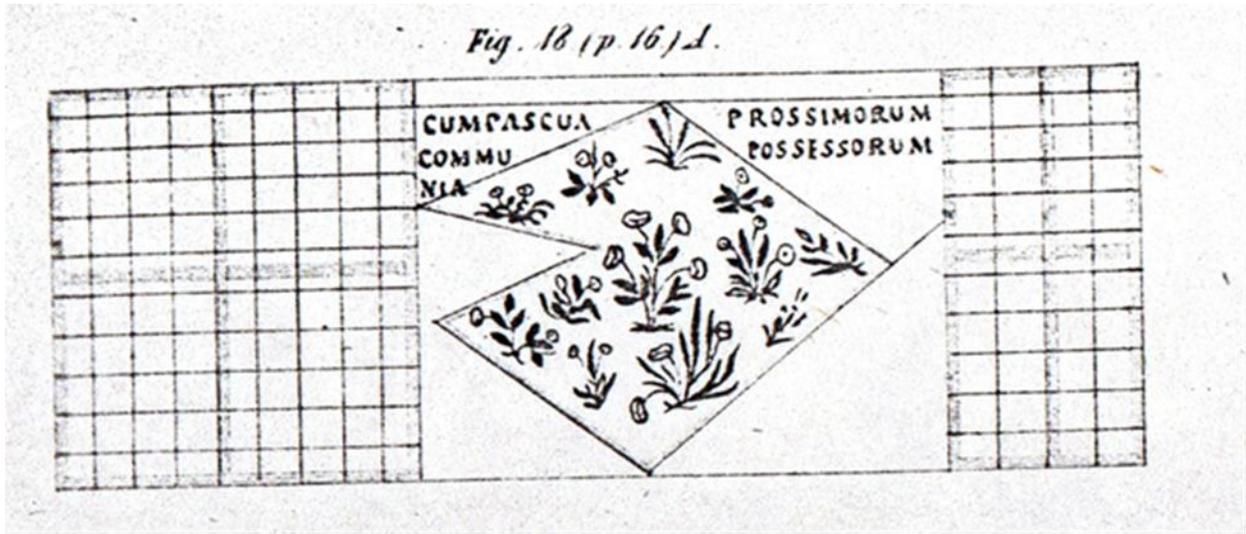

Рис. 8. Места проведения гракханской реформы по данным libri coloniarum (подчеркнуты) (на основе карты Б. Кэмбелла [Campbell, 2000, p. 569]).

Рис. 9. Основные реконструкции аграрного закона 111 г. до н.э. [Sisani, 2016, p. 17]
Реконструкция С. Сизани ближе к предложенной Маттингли.

Рис. 10. Сетка центуриации эпохи Августа [Kubitschek, 1919, S. 788]

		<i>decumanus maximus</i>					
		S·D·II	S·D·I	D·D·I	D·D·II		
		V·K·II	V·K·II	V·K·II	V·K·II		
		S·D·II	S·D·I	D·D·I	D·D·II		
		V·K·I	V·K·I	V·K·I	V·K·I		
<i>cardo maxi- mus</i>		S·D·II	S·D·I	D·D·I	D·D·II	K·M	
		C·K·I	C·K·I	C·K·I	C·K·I		
		S·D·II	S·D·I	D·D·I	D·D·II		
		C·K·II	C·K·II	C·K·II	C·K·II		
		D·M					